

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет

Интерес вчера, сегодня и навсегда...

Сборник научных работ

Выпуск 3

Тверь 2024

УДК 347(082)(0.034)
ББК Х410.1я43я04
И73

Ответственный за сборник:

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
судебной власти и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
О.В. Жукова

И73 Интерес вчера, сегодня и навсегда...: сборник научных работ.
Выпуск 3. – Тверь: Издательство Тверского государственного
университета, 2024. – 195 с.

ISBN 978-5-7609-1903-8

Настоящий сборник содержит научные статьи участников
Всероссийских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита
прав и охраняемых законом интересов граждан».

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию ученым советом
юридического факультета Тверского государственного
(протокол № 7 от 15 февраля 2024 года).

ISBN 978-5-7609-1903-8

УДК 347(082)(0.034)
ББК Х410.1я43я04

© Тверской государственный
университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Туманова Л.В. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	6
<i>Алешукина С.А.</i> ЧТО ПРИОБРЕЛО И ПОТЕРЯЛО ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО С ПРИНЯТИЕМ ЗАКОНА.....	8
<i>Антонова Н.А.</i> ИНТЕРЕСЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	12
<i>Афтахова А.В.</i> К ВОПРОСУ О ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ В ИСХОДЕ ДЕЛА КАК КРИТЕРИИ ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА.....	20
<i>Баранов И.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	25
<i>Барткова О.Г.</i> О НАРУШЕНИИ ИМПЕРАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНА В ПРОЦЕССЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....	29
<i>Васильчук Ю.В.</i> ПРАВО ГРАЖДАН НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ, ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ.....	39
<i>Вобликов А.Б.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	46
<i>Воротников А.А.</i> ПРАВО КАК ОСНОВА И РЕЗУЛЬТАТ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ.....	52
<i>Гайдашов А.В.</i> ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО ГРАЖДАН И КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ.....	55
<i>Дронова Ю.А.</i> К ВОПРОСУ О БАЛАНСЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	61

<i>Жукова О.В.</i> ОХРАНЯЕМЫЕ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ.....	65
<i>Жуков Ф.Ф.</i> СВОЕВРЕМЕННОСТЬ СУДЕБНОГО АКТА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ...	74
<i>Замрий О.Н.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ЗАКУПКИ.....	81
<i>Иванова М.С.</i> О ПРАВАХ СУПРУГА И КРЕДИТОРА ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ.....	84
<i>Ильина О.Ю.</i> ИНТЕРЕС В ФОРМАЛИЗАЦИИ БРАКА.....	90
<i>Козырева Е.В., Давыдова Е.А.</i> НАСЛЕДОВАНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ.....	98
<i>Крусс В.И.</i> КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ И КРИТИКА ТЕОРИЙ ИНТЕРЕСА В ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ.....	102
<i>Крусс И.А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ТОРГОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АСПЕКТЕ ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕПОЧЕК.....	107
<i>Кувырченкова Т.В., Черевко В.В.</i> ГЕННАЯ ИНЖЕНЕРИЯ: ИНТЕРЕСЫ ГРАЖДАН, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЛИЧНЫХ ПРАВ.....	113
<i>Любовенко Е.С.</i> ПРОБЛЕМА ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ТРЕТЬИХ ЛИЦ И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ	120
<i>Нахова Е.А., Царькова Д.В.</i> СТАНДАРТ ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	125
<i>Рязанова Е.А.</i> КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА И ЛОГИКА ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	129

<i>Сапронова Т.П.</i> К ВОПРОСУ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ИНСТИТУТА КОНФИСКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	135
<i>Сладкова А.А.</i> К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....	140
<i>Смирнов С.Н.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОГО КАНАЛА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И РЕАЛИИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.....	147
<i>Сухарев А.Н.</i> О РАЗВИТИИ И РЕГУЛИРОВАНИИ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	156
<i>Тарусина Н.Н.</i> НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ О БАЛАНСЕ ИНТЕРЕСОВ МЕЖДУ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ И РАЦИОНАЛИЗМОМ В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ВЫСШИХ СУДОВ ПО ДЕЛАМ С СЕМЕЙНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ.....	160
<i>Уткин В.В., Юстус О.И.</i> ПРОГРАММА ДОЛГОСРОЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ ГРАЖДАН КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСОВОЙ СОЛИДАРНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА.....	167
<i>Федина А.С.</i> ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ С УЧАСТИЕМ АДВОКАТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПОВ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	175
<i>Штыков Д.В.</i> СОГЛАСИЕ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ.....	180
<i>Яковлева Н.Г.</i> АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	188
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	192

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Категория интереса выработана в истории социальной мысли для обозначения реальных причин общественных и индивидуальных действий, так как во всех сферах общественной жизни движущей силой деятельности людей являются в конечном итоге их интересы. Все то, за что человек борется, связано с его интересом.

Р.Е. Гукасян

Наука сравнима с океаном по ее безбрежности и тому, что в каждом сливаются во едино воды многих рек. А каждая река, как наша великая Волга, берет начало с маленького родника, а вливается в море уже широкой и полноводной, насыщенной множеством рек, речек и ручейков. Такими исходными родниками в науке являются теории, на основе которых идет дальнейшее развитие научной мысли.

Проблема интереса в праве давно превратилась в «полноводную реку», а одним из важнейших ее источников стали труды профессора Рафаэля Егишевича Гукасяна, который еще в шестидесятых годах двадцатого века обосновал значение интереса для судебной деятельности, включая материальный и процессуальные аспекты, утверждая, что «взгляд на интерес как объективную категорию находится в полном соответствии с ролью права в общественном развитии как регулятора общественных отношений»¹.

Традиция проводить научные чтения имени Р.Е. Гукасяна сложилась на юридическом факультете не случайно, поскольку именно он заложил основу формирования научных кадров факультета, а его идеи прямо или косвенно вошли практически во все научные исследования преподавателей.

В настоящее время проблема соотношения личных и общественных (публичных) интересов является фундаментальной для решения вопросов в материальном и процессуальном праве. Причем имеет значение как интерес, опосредованный правом, так и интерес, имеющий самостоятельный характер, а также и фактический интерес.

Интерес как предмет судебной защиты позволил выделить в самостоятельную отрасль административное судопроизводство и лежит в основе определения видов судебных производств в гражданском, арбитражном и уголовном процессах, а также развития третейского разбирательства.

Характер интереса определяет процессуальное положение участников процесса и возможность участия в процессе в том или ином качестве,

¹ Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. С. 17. 480 с.

влияет на правила свидетельского иммунитета, представительство, особенно для несовершеннолетних, определяет границы предмета доказывания, а также обуславливает исполнимость вынесенного решения.

Особое значение интерес имеет для проблемы примирения, которая стала важнейшим вектором судебной деятельности в настоящее время, а все теоретические основы примирения и мирового соглашения как важнейшего итога процессуальной деятельности были разработаны Р.Е. Гукасяном в его докторской диссертации.

Примирение имеет важное значение и для уголовного процесса, поскольку одним из оснований прекращения уголовного дела является примирение сторон. Результатом примирения, безусловно, являются также такие основания для прекращения уголовного дела, как деятельное раскаяние и возмещение ущерба.

Интерес пронизывает все правовые и фактические отношения, любое научное исследование по правовым вопросам обязательно связано с интересом. Поэтому все статьи, представленные в данном сборнике, затрагивают проблему интереса независимо от того, обозначена ли она в названии или нет.

Так, развивается категория интереса в теории права в аспекте того, что само право является результатом согласования интересов. Для науки не менее значимо и критическое осмысление теорий интереса.

В Год семьи интерес приобретает особое значение, поскольку приходит понимание того, что семья действительно является основой общества в целом и конкретного человека. Поэтому важно посмотреть через призму интереса на проблему брака и его формализацию, применение генной инженерии, защите несовершеннолетних в самых различных правовых ситуациях и дать оценку сложившейся судебной практике по семейным делам. Изменения, внесенные в Конституцию РФ, также во многом обусловлены необходимостью защиты семейных ценностей и интересов семьи. Важность согласования интересов членов семьи возникает по делам о наследовании и особенно банкротства. Не менее значимы и вопросы охраны здоровья с точки зрения интересов семьи.

Согласование интересов важно как для управленческой, так и для коммерческой деятельности, в условиях развития цифровизации и информатизации необходимо развитие новых форм достижения согласованности в договорной, законодательной и судебной деятельности.

Интерес как объективная реальность и субъективное восприятие присутствует везде, уже само по себе научное исследование является удовлетворением интереса его автора в творческой деятельности.

Хочется надеяться, что материалы данного издания вызовут интерес читателей и новых авторов исследования безграничной теории интереса.

Туманова Л.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ

ЧТО ПРИОБРЕЛО И ПОТЕРЯЛО ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО С ПРИНЯТИЕМ ЗАКОНА

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена необходимости сохранения фундаментальных подходов к пониманию частной природы третейских судов, функционирующих на началах доброй воли участников спора. Основное внимание уделено доверительному характеру отношений третейского судьи и тяжущихся лиц как залога добровольного исполнения решения третейского суда. Сделан вывод о поправке диспозитивной природы арбитража в следствие состоявшейся реформы

Ключевые слова: третейский суд, арбитраж, доверие, добровольность, действие и контроль, саморегуляция.

В современном мире обращение в третейский суд относится к числу общепризнанных способов защиты и восстановления нарушенных прав. В то же время третейский суд выступает одним из древнейших механизмов разрешения споров, предшествуя государственной юрисдикции. Стоя у истоков отправления правосудия лицами, пользующимися исключительно доверием тяжущихся, а не властным авторитетом, третейский суд выступал мерилем совести, согласно которой и разрешался спор. В последующем, с увеличением влияния и значения государства, третейские суды как элемент саморегуляции общества претерпели существенные изменения, поэтапно интегрируя в предлагаемую конкретным государством и конкретной эпохой систему отправления правосудия. Двадцатый век сформировал наднациональную нормативную базу, регламентирующую арбитраж (третейское разбирательство), обеспечив третейским судам мировое признание и применимость. Развитие же третейского разбирательства в отдельных государствах напрямую зависит от ментальности и политических установок, действующих на национальном уровне.

Все прошлое столетие третейский суд в России существовал либо номинально в рамках принятых, но практически неприменимых нормативных актов (Положение о третейских судах – Приложение № 3 к ГПК РСФСР 1964 г. [4], Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров 1992 г. [5] и др.) либо имел узкий субъектный и предметный состав споров (разрешение внешнеторговых споров в рамках ВТАК). Начало XXI века для третейских судов в Российской Федерации было многообещающим в свете принятия либерального Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в РФ» [3], что и выразилось в создании менее чем за 10-летний период третейских судов в неограниченном количестве в мегаполисах и бизнес-центрах страны. Стоит, однако, признать, что не все

институты гражданского общества в РФ развиты в равной степени, и бесконтрольность в вопросах создания и неограниченная свобода деятельности третейских судов стали благодатной почвой для злоупотребления со стороны недобросовестных участников «третейского сообщества». Несформированная культура ведения бизнеса и в первую очередь низкая правовая культура способствовали дискредитации как конкретных третейских судов, так и института третейского разбирательства в целом, понизив уровень доверия к нему. На выявленные злоупотребления в сфере «частного правосудия» государство ответило крайне жестко, и конец 2015 г. ознаменовал начало реформирования арбитража в РФ. Безусловно, у реформы есть свои идеологи и сторонники [10], противники [8], а также те, кто считает состоявшуюся реформу арбитража «радикальной, консервативной, но вполне закономерной и объяснимой» [9]. Уместным в этом аспекте представляется мнение судьи Конституционного Суда РФ К.В. Арановского, высказанное им еще в 2011 г. о том, что «частный случай, когда презумпция доверия не подтвердилась, не отменяет презумпцию в целом, как и опровержение той же презумпции отдельным актом недобросовестности или некомпетентности гражданских институтов не дает государству оснований отказать им в доверии и обратить его в презумпцию недоверия, например, третейскому суду» [7].

Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [2] был принят с целью развития третейского разбирательства и определенного освобождения судов от дел, которые более целесообразно рассматривать в альтернативном порядке. Но каждое явление, как известно, имеет две стороны. Законодатель, желая создать дополнительные гарантии законности и обоснованности решений, принимаемых в порядке третейского разбирательства, в значительной степени усложнил порядок создания третейских судов и ужесточил требования к лицам, которые могут быть третейскими судьями. И получился результат по принципу «как всегда». Третейских судов стало меньше и, соответственно, меньше дел, которые разрешаются в таком порядке. Казалось бы, есть категории, которые прямо предназначены для третейского разбирательства, как, например, корпоративные споры, но и они редко минуют систему государственных судов. Хотя по своей сути именно эти отношения должны разрешаться в условиях определенной свободы и добровольности.

Но, вероятно, этой свободы и добровольности и не хватает третейскому разбирательству. Так, если обратиться к регламентам (правилам) постоянно действующих третейских судов, то они близки к процессуальным кодексам, которые и применяют еще по аналогии, когда не хватает положений регламента.

Ведь идея третейского разбирательства в основе имела два основных постулата: свободу выбора третейского судьи и, соответственно, доверие к нему, и возможность выбора формы и порядка разрешения конфликта, что должно было в значительной степени гарантировать добровольность исполнения принятого решения. Но это практически утрачено. А между тем именно «доверие лежит и в основании идеи соглашения частных лиц о передаче их спора для разрешения представителям гражданского общества (третейскому суду). К доверию, однако, нельзя обязать, и доверие легко утратить [6]. Говоря о доверии, необходимо четко представлять участников таких доверительных отношений, не допуская подмены. Не государство, не третьи лица, чьи права и законные интересы могут быть затронуты третейским решением, должны доверять третейскому суду, а исключительно участники спора. Недоверие государства и иных лиц с лихвой покрывается механизмами контроля на этапе оспаривания и принудительного исполнения решений третейских судов. А вот доверие участников спора должно быть абсолютным, добровольно сформированным, свободным от какого-либо навязывания или давления извне, и только такое доверие будет залогом дальнейшего добровольного исполнения решения третейского суда, расцениваемого сторонами как справедливое и правосудное решение.

В свою очередь не получилось и освободить суды от чрезмерной нагрузки, поскольку лишь незначительное число споров передается для третейского разбирательства, но при этом у судов появились новые и очень важные обязанности по отношению к третейским судам. Представляется, что установление судебного порядка формирования состава арбитража в соответствии с ч. 2 ст. 427.1 ГПК РФ [1] не содействует третейским судам, а, напротив, исключает любые вопросы добровольного выбора третейского судьи. Любые сомнения должны быть основанием отказа в использовании кого-либо в качестве третейского судьи, в этом и смысл добровольности, а если вопрос назначения третейского судьи решается в судебном порядке, какая уж тут добровольность, а тем более доверие.

Процедура формирования состава арбитража посредством обращения с соответствующим заявлением в государственный суд видится неоправданно излишней и в контексте существующей в постоянно действующих арбитражных учреждениях системы гарантий обеспечения независимости и беспристрастности арбитров как основы легитимности состава арбитража. Так, в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, помимо действия Правил о беспристрастности и независимости арбитров, каждый арбитр перед вступлением в дело делает заявление о принятии функций арбитра и независимости от сторон. Интересна форма этого заявления как единого документа, вследствие чего без констатации факта независимости

от сторон невозможно и принятие функций арбитра. При возникновении сомнений в независимости и беспристрастности арбитра в будущем участники спора могут урегулировать их посредством института отвода, самоотвода арбитра, комитета по назначениям, не прибегая к государственным судам.

Таким образом, следует признать, что сегодня вмешательство публичной власти во всех ее проявлениях (от законодательной ветви до судебной ветви) в вопросы функционирования арбитража не пропорционально и не согласуется с доктринальным толкованием его автономной природы.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
5. Постановление ВС РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-1 «Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1790.
6. Крусс В.И. Конституционализация правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 79–87.
7. Мнение судьи Конституционного Суда РФ К.В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 года № 10-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.
8. Севастьянов Г.В. Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. 2017. № 9. С. 41–59.
9. Скворцов О.Ю. О консервативной модели арбитража // Закон. 2017. № 9. С. 60–64.
10. Чубаров В.В. Реформа показала, что в России не так много третейских судов, готовых работать на высоком уровне // Закон. 2017. № 9. С.6–18.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ИНТЕРЕСЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Местное самоуправление как форма публичной власти осуществляется исходя из интересов местного населения. Интересы населения являются определяющими при выборе территориальной организации местного самоуправления, а также экономической составляющей указанной формы власти. В интересах населения законодателем предусмотрен самый широкий спектр форм участия населения в решении вопросов местного значения. Исходя из того, что местное самоуправление – это, прежде всего, деятельность населения по решению вопросов местного значения, ответственность органы и должностные лица несут в первую очередь перед населением. При этом важным является процесс выявления таких интересов населения и их учет при принятии решений по вопросам местного значения.

Ключевые слова: *местное самоуправление, интересы местного населения, органы местного самоуправления.*

Поскольку общей темой Всероссийских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна является тема «Защита прав и законных интересов граждан», обратимся к вопросу о таком виде интересов, как интересы местного населения. Данная категория – «интересы местного населения» – характерна для местного самоуправления как Российской Федерации, так и любого другого государства, где действует институт местного самоуправления. Более того, зачастую именно, исходя из интересов населения, и должно осуществляться местное самоуправление. Поэтому важным при характеристике интересов местного населения является выявление содержания таких интересов, форм их выражения и степень их учета при решении вопросов местного значения и определении особенностей деятельности органов местного самоуправления.

Конституционно правовая природа местного самоуправления основана на том, что оно является главным способом выражения публичной власти [2].

Конституция Российской Федерации в ст. 3 закрепляет право народа на осуществление своей власти в трех формах, а именно: непосредственно, т.е. путем референдума, выборов; через органы государственной власти; через органы местного самоуправления. Таким образом, можно сделать вывод, что местное самоуправление – это одна из форм реализации народом своей власти, имеющая, однако, ряд специфических характеристик. И две из таких характеристик в статусе принципов закреплены в первой главе Конституции – самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий, а также организационная

обособленность органов местного самоуправления от системы органов государственной власти.

Отдельная глава в Конституции Российской Федерации отведена местному самоуправлению (глава восьмая), в которой закрепляются основные нормы о местном самоуправлении. Так, в ст. 130 Конституции Российской Федерации закреплено, что только с учетом мнения местного населения возможно самостоятельное решение вопросов местного значения и распоряжение муниципальной собственностью. Главный закон Российской Федерации также трактует формы прямого волеизъявления населения, с помощью которых местное население будет участвовать в жизни муниципального образования. Вполне оправдано мнение ученых, которые уверены, что местное население должно всегда принимать участие в решении вопросов местного значения [3]. И для этого в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] предусмотрены определенные условия.

В ст. 1 Федерального закона 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дается определение местного самоуправления как формы народовластия: «Местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя *из интересов населения* с учетом исторических и иных местных традиций» [2].

Местное население наделено Конституцией Российской Федерации правом на осуществление местного самоуправления, от которого не может отказаться. Данное право является центральным элементом конституционной структуры организации народа. Конституция Российской Федерации признает право на осуществление населением местного самоуправления и рассматривает его как конституционное требование, без наличия которого невозможно осуществление публичной власти в субъекте Российской Федерации.

Местное самоуправление согласно обновленной в 2020 г. Конституции РФ выступает как один из элементов единой системы публичной власти. Единство этой системы заключается в том, что единым является источник публичной власти – народ страны. В этом контексте следует рассматривать категорию интереса населения. Наряду с сочетанием различных интересов на государственных уровнях Российской Федерации, субъектов Российской Федерации необходим баланс интересов государственного

уровня (всероссийских или региональных) и интересов местных, то есть интересов каждого отдельно взятого муниципального образования. Роль выразителя местных интересов и призвано играть местное самоуправление. Чтобы эта роль была действенной, необходимо наличие у местного самоуправления полномочий на самостоятельное решение вопросов защиты интересов жителей, а именно, интересов, обусловленных фактом совместного проживания на соответствующей территории (вопросов местного значения), а также полномочий на участие в подготовке решений органов государственной власти, затрагивающих интересы этих жителей. При этом следует исходить из позиции обеспечения баланса интересов населения муниципального образования и интересов государственных.

С позиции конституционного права интересы представляют собой определенные ценности или потребности граждан, общества или государства, они признаются и защищаются в рамках конституционного правопорядка. Когда мы говорим об интересах местного населения, то имеем в виду, так называемый, коллективный интерес, который имеет значение для определенной группы лиц и может быть обеспечен сообща. С этой точки зрения коллективный интерес населения муниципального образования может быть обеспечен путем реализации коллективных прав населения на местное самоуправление.

Характеризуя интерес населения муниципального образования как коллективный, следует наряду с этим отметить и возможность рассмотрения его как коллективного интереса местного сообщества. В связи с этим следует обратить внимание на то, что понятие местного сообщества в ныне действующем Федеральном законе о местном самоуправлении не закреплено. Однако оно широко используется в науке.

Как же определить интересы местного населения, в чем они состоят? Такие интересы состоят в обеспечении благоприятных условий совместного проживания на территории муниципального образования. Субъектом такого интереса является население, под которым следует понимать лиц, которые постоянно или преимущественно проживают на территории муниципального образования. В этом смысле муниципальное образование является своеобразной корпорацией жителей, объединившихся для реализации общих интересов и совместного решения общих задач. Имеется в виду, что население (местное сообщество) и образуемые им органы могут сами гораздо лучше решать задачи повышения уровня и качества своей жизни, чем государственные органы при централизованном управлении местными делами. Из признания государством местного самоуправления вытекает признание важности, весомости, значимости местных (муниципальных, корпоративных) интересов в реализации государственной политики.

Ориентация на учет местных интересов предопределяет роль и функции местного самоуправления в современном обществе. Как одна из форм публичной власти, местная власть проводит в жизнь политику государства на местах, принимает обязательные для исполнения решения по вопросам местного значения, обеспечивает охрану общественного порядка, управляет муниципальной собственностью, то есть выполняет *властные функции*.

Реализация права на местное самоуправление имеет более высокий коэффициент полезности, если вопросы местного самоуправления решаются не одним лицом, а совместными усилиями множества людей, прежде всего, непосредственно населением соответствующей территории. Местное население существует не как некая абстракция, оно реально функционирует, а в ряде случаев Федеральный закон о местном самоуправлении предусматривает обязательные формы выявления мнения населения (например, при приеме устава, местного бюджета, отчета о его исполнении). И каждый составляющий его индивид непосредственно или опосредованно связан с другим членом сообщества, взаимодействует с ним. Как итог, формируется система постоянного взаимодействия индивидов, образующих местное население.

Местное сообщество – коллектив людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами в решении вопросов жизнедеятельности посредством использования и развития местных материальных и социальных ресурсов на принципах самоуправления. И такое сообщество характеризуется не только внутренними связями, но и внешними – особым образом складывающимися отношениями, в первую очередь, с органами и должностными лицами местного самоуправления, государством в целом.

На уровне местного сообщества граждане объединены не по принадлежности к той или иной социальной или профессиональной группе, а прежде всего по территориальному признаку, ибо, покидая сообщество даже на время, мы, безусловно, связаны с ним. В основе такой общности инициатива граждан и их добровольность. Если обратиться к Федеральному закону № 131-ФЗ, то при закреплении каждой формы участия населения в осуществлении местного самоуправления законодатель рассматривает эти формы как возможное участие населения в решении вопросов местного значения. Даже в том случае, когда речь идет об обязательном публичном слушании при принятии устава муниципального образования, законодатель закрепляет обязанность органов местного самоуправления организовать такие публичные слушания, а не обязанность граждан в них участвовать.

Реализация права на местное самоуправление связана, прежде всего, с участием населения в деятельности местных сообществ. Формирование такого сообщества является результатом, в том числе, и саморазвития

индивидов, и их интеграции с целью обеспечить равновесие различных социальных интересов, формирующихся в процессе человеческого общения на базе нередко противоречивых человеческих склонностей и инстинктов. Ведь достичь общего интереса – задача весьма сложная. Рассматривая население как местное сообщество, мы не забываем, что это население все-таки состоит из разных социальных групп, интересы которых могут быть прямо противоположными. Однако общность интересов населения местного самоуправления стоит не на простой совокупности интересов разных социальных групп, а на общности интересов в обеспечении жизнедеятельности этих лиц на территории, имеющей свои границы. В тоже время деятельность сообществ – первый уровень коллективной самозащиты в сфере публично-властных отношений. Здесь она реализуется в муниципальных выборах, местных референдумах, собраниях, сходах, конференциях, опросах, всенародных обсуждениях вопросов местного значения, коллективных обращениях в органы местного самоуправления и к их должностным лицам, территориальном общественном самоуправлении, правотворческих предложениях, публичные манифестациях и др.

Можно говорить и о том, что в рамках муниципального образования могут и формируются более мелкие сообщества. Так в качестве такового можно рассматривать местные сообщества, которые могут функционировать на уровне территориального общественного самоуправления. Им может быть присвоен статус некоммерческих организаций. Их деятельность может оформляться как осуществляемая в статусе юридических лиц (а именно в этом статусе она более всего эффективна). Деятельность местных сообществ обычно связана с реализацией социальной, административной, транспортно-промышленной и пр. функций, необходимостью сохранения местных обычаев и традиций. Поле их деятельности – благоустройство и озеленение территорий, субботники, трудоустройство несовершеннолетних на временные работы по благоустройству территории, физкультурно-оздоровительные мероприятия. А следует отметить, что вопросам благоустройства Федеральный закон о местном самоуправлении предъявляет особые требования, в том числе эти особые требования предъявляются и к содержанию нормативных правовых актов, которые регулируют сферу благоустройства. Формы работы территориального общественного самоуправления (малого местного сообщества) также самые разные: конференции, консультации, лекции, мониторинги благоустройства территорий, охрана общественного порядка, прием граждан, представительство их интересов в органах власти и других организациях, взаимодействие с представительными и исполнительными органами местного самоуправления, депутатами, предпринимателями, государственными органами и пр.

Важен вопрос и о формах выявления интересов населения. Этому способствуют закрепленные в Федеральном законе о местном самоуправлении формы прямого волеизъявления населения. Они выступают в качестве способов непосредственного осуществления власти населением муниципального образования и являются важным элементом системы местного самоуправления. Формы прямого волеизъявления граждан могут быть двух видов:

1) формы прямого волеизъявления обязательного характера — это формы, которые позволяют выявить обязательную для исполнения волю населения муниципального образования: местный референдум, муниципальные выборы, собрания (сходы);

2) формы прямого волеизъявления рекомендательного характера — это формы, которые способствуют выявлению общественного мнения населения по поводу осуществления местного самоуправления и позволяют органам и должностным лицам местного самоуправления принять (или не принять) решение с учетом мнения и интересов большинства населения. Такими формами являются территориальное общественное самоуправление, народная правотворческая инициатива, обращения граждан в органы местного самоуправления, конференции жителей по вопросам местного значения, опросы общественного мнения, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования и т.д.

Высшим непосредственным выражением воли населения является местный референдум. Местный референдум – это голосование граждан по наиболее важным вопросам местного самоуправления. Конституция, закрепляя референдум в качестве одной из форм осуществления местного самоуправления (ст. 130), признает за каждым гражданином Российской Федерации право участвовать в референдуме (ст. 32).

Способами обеспечения учета интересов населения и обеспечению прав жителей в решении вопросов местного значения служат, во-первых, сама территориальная организация местного самоуправления. Так, при определении территориального состава низового звена муниципальных образований, т.е. поселений, законодатель исходит из постулата, что в состав поселения входит не только территория, обозначенная межевыми знаками населенных пунктов, но и прилегающие к ним земли общего пользования, территории традиционного природопользования населения, а также рекреационные земли и земли для развития поселения. То есть муниципальное образование призвано позаботиться о том, чтобы имелись определенные материальные объекты, которые являются необходимой частью жизнеобеспечения населения.

Во-вторых, обеспечению интересов населения способствует и оптимальное определение размеров территории муниципального образования. Они должны быть такими, чтобы населению не было затруднительно реализовывать свое право на осуществление местного

самоуправления. Это выражается в известном принципе территориальной организации местного самоуправления, который закреплен в Федеральном законе о местном самоуправлении, и заключается в обеспечении «пешеходной доступности» и «транспортной доступности» для жителей муниципальных образований, которые включают в свой состав несколько населенных пунктов или несколько поселений.

В-третьих, на конституционном уровне закреплён и такой способ обеспечение интересов населения, как учет его мнения при изменении границ и преобразовании муниципальных единиц. Так, в ст. 12 и 13 Федерального закона о местном самоуправлении население стоит на первом месте в перечне инициаторов изменения границ и преобразования муниципального образования. Но даже в тех случаях, когда инициатива изменения границ муниципального образования принадлежит органам местного самоуправления или государственной власти, *учет мнения населения по поводу будущих территориальных изменений является необходимой процедурой* – посредством голосования или на сходе жителей и лишь в некоторых случаях заменяется выражением своего мнения представительным органом местного самоуправления.

В-четвертых, на муниципальном уровне существует система форм непосредственной демократии на муниципальном уровне. В Федеральном законе о местном самоуправлении 2003 г. увеличено количество способов непосредственного решения населением вопросов местного значения, а также участия жителей в осуществлении местного самоуправления.

В-пятых, интересы населения учитываются при определении структуры органов местного самоуправления. По Закону она определяется населением самостоятельно. Конечно, совсем не обязательно утверждать подобную структуру непременно местным референдумом. Система органов и должностных лиц местного самоуправления в интересах населения может быть определена в своих главных чертах законом. А население каждого муниципального образования определяет ту систему органов местного самоуправления, которая может оптимально функционировать в этом муниципальном образовании.

В-шестых, еще один аспект проявления интересов населения – это ответственность муниципальных образований. Данная форма контроля осуществляется населением за органами и должностными лицами местного самоуправления и их ответственностью перед населением. Уставы муниципальных образований устанавливают формы контроля, порядок и условия ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед местным населением.

И, наконец, следует обратить внимание и на то, что местное самоуправление, в целом, осуществляется с учетом интересов населения. Данное положение устанавливает управление муниципальной собственностью и местными ресурсами только в интересах населения

муниципального образования, которое имеет право вести контроль за этой деятельностью и получать необходимую информацию о ней.

С учетом интересов населения муниципального образования тесно связано условие учета при организации местного самоуправления также исторических и иных местных условий. Так, при организации местного самоуправления на территориях компактного проживания учитываются национальные группы и общности, коренные малочисленные народы, которые отличаются своими историческими, культурными и иными местными традициями, обычаями. Данные традиции должны также учитываться при правовом регулировании организации местного самоуправления. Это особый аспект реализации принципа осуществления населения исходя их интересов населения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 (с послед. изм.).

2. Михеева Т.Н. Особенности современного института местного самоуправления в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2. С. 58–59.

3. Михеева Т.Н., Горнев Р.В. К вопросу о формировании общественных советов при органах местного самоуправления // Российская юстиция. 2015. № 8. С. 9–11.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ В ИСХОДЕ ДЕЛА КАК КРИТЕРИИ ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу проблематики заинтересованности в исходе дела как критерия для классификации субъектов гражданского процесса. Автор изучает виды юридической заинтересованности, уделяя особое внимание личной заинтересованности в исходе дела, что может выступать в качестве основания для включения тех или иных субъектов гражданского процесса в состав лиц, участвующих в деле. Предлагается ряд изменений в гражданское процессуальное законодательство с целью дополнения перечня лиц, участвующих в деле, анализируется процессуальное положение представителя в судебном процессе.

Ключевые слова: субъект, участник, лица, участвующие в деле, интерес, юридическая заинтересованность, личный интерес, представитель.

Проблема отсутствия четкой классификации субъектов гражданских процессуальных отношений обсуждается на протяжении длительного времени, учеными предлагаются различные классифицирующие критерии, изучаются подходы к определению характерных признаков каждого субъекта, а также формулируются конкретные предложения по совершенствованию гражданского процессуального законодательства. В частности, многие авторы отмечают, что схожие подходы при определении субъектного состава применяются в арбитражном процессуальном законодательстве и в законодательстве, регламентирующем особенности административного судопроизводства [1, 3].

Вместе с тем, несмотря на очевидно недостаточную нормативно-правовую регламентацию круга субъектов гражданского процесса, отсутствие четкой классификации на группы с разграничением круга процессуальных прав и обязанностей, соответствующие изменения Гражданский процессуальный кодекс РФ в части совершенствования нормативных положений, регулирующих круг участников гражданского судебного процесса, до настоящего времени не внесены. Отсутствие необходимого законодательного регулирования в рассматриваемой сфере определяет интерес ученых-процессуалистов к изучению субъектного состава гражданских процессуальных отношений.

Вопросы относительно субъектного состава гражданских процессуальных правоотношений, в том числе с позиций интереса, казалось бы, уже полностью исследованы, и написано множество научных работ, но проблемы, которые были выделены профессором Р.Е. Гукасяном еще пять десятилетий назад, продолжают давать импульс к размышлению и желание обратиться к ним. Рафаэль Егишевич в своих трудах заложил

основу современного понимания судебной защиты на основе проблемы интереса [9].

В настоящее время юридическая заинтересованность как классифицирующий критерий при определении состава субъектов гражданского процесса рассматривается учеными-процессуалистами в качестве основного и наиболее ярко выраженного. За основу этого утверждения принимают положения ч. 1 ст. 3 ГПК РФ, согласно которым обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве вправе заинтересованное лицо [2].

Р.Е. Гукасян рассматривал юридическую заинтересованность как основанную на юридических нормах объективно существующую социальную потребность в гражданском процессе, выражающуюся в таком отношении граждан и юридических лиц прокурора, органов государственного управления и других социалистических организаций к гражданскому делу, при котором защита права или охраняемого законом интереса, осуществление служебных функций и удовлетворение общественного интереса находятся в зависимости от судебного решения [6].

Изучение понятия юридической заинтересованности осуществляется на протяжении достаточно длительного времени, что свидетельствует о том, что Рафаэль Егишевич в своих трудах поднимал вопросы, анализ которых до сих пор не утрачивает актуальности. Более того, единого понятия юридической заинтересованности в юридической науке не выработано до настоящего времени.

Большинство авторов полагают, что понятие юридической заинтересованности следует изучать, исходя из концепции наличия в праве на судебную защиту материальной и процессуальной стороны. Таким образом, юридический интерес подразделяется на процессуальный и материальный, как интерес к возбуждению гражданского дела в суде и оказанию судебной защиты в целом, так и интерес на удовлетворение заявленных требований [6].

Нельзя не согласиться с мнением Л.В. Тумановой, которая полагает, что юридический интерес подразделяется на личный и служебный. Личный интерес предполагает обусловленность материальными правоотношениями, а служебный – компетенцией соответствующего органа или должностного лица [9]. Соответственно, личной заинтересованностью в исходе дела обладают, прежде всего, стороны, а также третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, а также заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства. Важно отметить, что данный список целесообразно дополнить и другими участниками гражданского судопроизводства, которые со всей очевидностью имеют личную

заинтересованность в исходе дела, т.е. лиц, для которых решение суда по конкретному делу имеет существенное значение при дальнейшей реализации прав и законных интересов. К таким субъектам, полагаем, прежде всего целесообразно отнести взыскателя и должника в рамках приказного производства (гл. 11 ГПК РФ).

В перечень лиц, обладающих личной заинтересованностью в исходе дела, необходимо также включить лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц в рамках дел о защите прав и законных интересов группы лиц. Относительно других членов группы лиц в рамках группового (коллективного) иска – законодатель не обязывает их принимать участие в рассмотрении дела, однако каждый из них имеет личную заинтересованность в исходе дела. Для всех членов группы решение по делу определяет возникновение или изменение соответствующих материальных правоотношений с ответчиком (ответчиками) (гл. 22.3 ГПК РФ).

Отдельно в ч. 3 ст. 320 ГПК РФ законодатель отмечает, что апелляционную жалобу на решение суда вправе подать также лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен судом. Частью 1 ст. 376 ГПК РФ закреплено право обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений за «другими лицами, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями». Следовательно, круг лиц, имеющих личную заинтересованность в исходе дела достаточно широк, и не ограничивается лицами, принимающими участие в судебном разбирательстве в суде первой инстанции. Более того, законодатель абсолютно определенно допускает, что на стадии обжалования судебного акта могут быть выявлены лица, имеющие личную заинтересованность в исходе дела, и наделяет их правом на обращение в суд с соответствующей жалобой.

Остается открытым вопрос, имеет ли представитель в судебном процессе личную заинтересованность в исходе дела. Большинство авторов определяют заинтересованность представителя перспективой получения соответствующей оплаты в случае успешного исхода дела, что определяет безусловную личную заинтересованность с точки зрения «гонорара успеха». И.Н. Гелиева и Д.В. Гриценко полагают, что представитель не является носителем материального интереса, поскольку его заинтересованность в деле имеет юридический характер и происходит из договора или закона [5]. Следует добавить, что заинтересованность представителя в исходе дела может происходить из трудовых отношений с работодателем, интересы которого представляет юрист в судебном заседании.

Л.В. Туманова считает, что необходимо переосмыслить вопрос о наличии у представителя юридической заинтересованности, т.к. ранее ее

выводили из того, что представитель получает вознаграждение, а это большинством отрицалось как основание юридического интереса. В настоящее время на вопрос о наличии юридической заинтересованности у представителя, полагает Лидия Владимировна, необходимо посмотреть с позиции ст. 48 Конституции РФ, в которой каждому гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи, которое представитель в подавляющем большинстве случаев и обеспечивает в суде. Следовательно, юридическая заинтересованность представителя основана не только и не столько на получении вознаграждения, сколько на выполнении государственной задачи по обеспечению конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Эта заинтересованность по своей сути совпадает со служебной заинтересованностью, которую принято считать основанием для участия в деле прокурора и различных государственных органов [8].

Таким образом, элементами, которые обеспечивают личную заинтересованность представителя в исходе дела, являются наличие материальной заинтересованности, профессиональный (служебный) интерес, а также репутационные риски, которые несет каждый юрист в случае, если будет представлять интересы своего доверителя ненадлежащим образом. Именно поэтому видится целесообразным включить представителя в число лиц, участвующих в деле, однако до настоящего времени во всех процессуальных актах представитель вынесен за пределы главы, регулирующей процессуальное положение лиц, участвующих в деле, и других участников судебного процесса [см. 1, 3].

Развивая данную мысль, следует обратить внимание на прокурора и лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, которые в силу прямого указания ст. 34 ГПК РФ являются лицами, участвующими в деле. Данные лица имеют только служебную заинтересованность в исходе дела, обусловленную необходимостью должного выполнения своих должностных обязанностей, а также соблюдения этических норм и других установлений, регулирующих профессиональную деятельность соответствующих сотрудников. Представитель совершенно очевидно заинтересован в исходе дела, его заинтересованность обусловлена целым рядом личных и служебных причин, а также в связи с распространением практики привлечения представителей для участия в деле.

Таким образом, идеи Р.Е. Гукасяна относительно юридического интереса как основного критерия для определения процессуального положения лица в гражданском процессе, получила развитие в научных кругах, а понятие юридической заинтересованности подлежит изучению и трансформации в связи с вызовами времени. Остается надеяться, что законодатель также использует предложения по классификации субъектов

гражданского процесса при доработке соответствующих положений гражданского процессуального законодательства.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Гелиева И.Н., Гриценко Д.В. Проблемы правового статуса судебного представителя в гражданском процессе. Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12). С. 41–49.
6. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970, 1970. С. 46–47.
7. Синенко В.С. Понятие и виды юридической заинтересованности в исходе дела // Режим доступа: <https://clck.ru/38i3hy> (дата обращения: 10.02.2024).
8. Туманова Л.В. Субъекты гражданских процессуальных правоотношений: традиции и новации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. № 3 (39). 2023. С. 52–57.
9. Туманова Л.В. Субъекты гражданского процесса и проблема интереса / Л.В. Туманова // Материалы факультетских Научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан» / Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. С. 137–147.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.В. Баранов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье анализируются нормы действующего национального законодательства и международно-правовые акты, посвященные статусу несовершеннолетнего обучающегося. Автором поднимается ряд актуальных вопросов, затрагивающих положения международного, конституционного и семейного права.

Ключевые слова: несовершеннолетний, обучающийся, образование.

В 2021 году в российских средствах массовой информации стала активно обсуждаться удивительная новость о ребёнке, сначала сдавшем ЕГЭ в восьмилетнем возрасте, а в дальнейшем и поступившем на факультет психологии Московского государственного университета, и всех сопутствующих сложностях, которые в связи с этим возникли как у самой несовершеннолетней, так и вуза. На практике имели место единичные случаи поступления в российские вузы лицами в десять, одиннадцать и тринадцать лет, а всемирно известный нобелевский лауреат Лев Ландау был зачислен в университет в 14 лет, причём сразу на два факультета. Существуют и зарубежные, и даже мировые, рекорды не только поступления, но и окончания вуза в 9–10 летнем возрасте.

Но все эти истории про вундеркиндов и гениев, безусловно, являются яркими примерами исключения из общего правила, о том, что в высшие учебные заведения в основном поступают совершеннолетние, обладающие полной право и дееспособностью. При этом примерные возрастные рамки потенциального студенчества, включая аспирантов и магистров составляют 17–25 лет, то есть определённая часть обучающихся (особенно на 1 курсе) фактически являются несовершеннолетними. Данная ситуация, на наш взгляд, остро обозначает достаточно неординарную проблему правового статуса несовершеннолетнего обучающегося в образовательной организации высшего образования.

Универсальные международные акты, такие как, Всеобщая декларация прав человека (ст. 26), Конвенция о правах ребёнка (ст. 28), национальные нормативно-правовые акты – Конституция Российской Федерации (ст. 43), Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ Об образовании, 273-ФЗ) однозначно закрепляют доступность получения высшего образования для всех, на основе личных способностей каждого человека независимо от возраста.

Вместе с тем, по определению, несовершеннолетний – это человек, не достигший установленного национальным законодательством возраста,

правовой статус которого зачастую раскрывается в различных отраслях права через такие синонимические понятия как «ребенок», «малолетний» и проч. Для всех перечисленных субъектов характерно целесообразное ограничение возможности реализации своих прав и свобод в силу физиологических, социальных и психологических причин.

Анализ ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и ст. 1 федерального закона от 24 июля 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» позволяет чётко определить, что по национальному законодательству к несовершеннолетним, являющимся специальными субъектами правовых отношений, относятся физические лица в возрасте до восемнадцати лет.

С точки зрения законодательства в сфере образования обучающийся, в том числе и несовершеннолетний, реализующий своё конституционное право на образование, относится к основным участникам этих отношений, и фактически является центральной фигурой [1], с которой взаимодействуют остальные субъекты: родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся, педагогические работники и их представители, организации, осуществляющие образовательную деятельность.

Начиная уже с самого раннего детства на дошкольном уровне участвовать в образовательных отношениях, несовершеннолетние вместе с приобретаемыми знаниями, умениями и навыками получают и всё больший объём общей дееспособности, позволяющий им всесторонне развиваться как самостоятельным личностям. При этом, в отличие от совершеннолетних граждан, юридически они тесно связаны с другими участниками образовательных отношений, прежде всего, своими родителями (законными представителями), которые в силу своего статуса обладают особыми – правами и обязанностями, носящими преимущественный характер, в отношении своих детей в соответствии со ст. 44 ФЗ Об образовании.

Перечисленные в ст. 34 ФЗ Об образовании основные академические права обучающегося не связаны с наличием определённого возраста, за исключением выбора организации, осуществляющей образовательную деятельность, формы получения образования и формы обучения, которые могут быть реализованы только при условии получения основного общего образования или после достижения восемнадцати лет. В данном случае обязанность родителей (законных представителей) несовершеннолетнего обучающегося обеспечить получение их ребенком общего образования наделяет их фактическим правомочием делать соответствующий выбор за него.

При этом п. 1 ст. 12 Конвенции о правах ребенка обязывает государство обеспечивать ребенку, способному сформулировать свои

собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, с учётом возраста и зрелостью ребенка. Однако, п. 4 ст. 63 ФЗ Об образовании требует учитывать мнение несовершеннолетнего обучающегося только в отношении формы получения общего образования и формы обучения, оставляя без внимания такие существенные вопросы как выбор образовательной организации, языка образования, факультативных и элективных учебных предметов и др.

Да и сам порядок учёта этого мнения ребёнка в отличие, например, от процедур, прописанных в Семейном кодексе РФ, законом никак не определяется. Видимо абсолютно не случайно понятие «согласие» заменено на «учёт мнения», что, с одной стороны, вроде как позволяет учитывать интересы несовершеннолетнего, а, с другой, фактически делает его несамостоятельным и зависимым от мнения родителей (законных представителей), которое вероятнее всего должно формироваться с максимальным вниманием к пожеланиям и предпочтениям ребёнка.

Таким образом, до получения несовершеннолетним обучающимся основного общего образования, правовое регулирование образовательных отношений в силу ч. 4 ст. 43 Конституции РФ носит в основном императивный характер с некоторыми элементами диспозитивности в виде возможности выбора или учёта мнения, как для ребёнка, так и его родителей (лиц, их заменяющих). Впоследствии, когда обучающийся получает возможность самостоятельно определять необходимость получения высшего образования и выбирать конкретный вуз, характер правового регулирования образовательных отношений становится диспозитивным.

Аналогичное правило закреплено и в приказе Министерства науки и высшего образования РФ от 21 августа 2020 г. № 1076 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры», согласно которому при подаче заявления о приеме поступающий, в частности, представляет документ (документы), удостоверяющий личность, гражданство (в том числе может представить паспорт гражданина Российской Федерации, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации), а также документ установленного образца о получении среднего образования (в том числе документ иностранного государства об образовании со свидетельством о признании иностранного образования, за исключением случаев, в которых в соответствии с законодательством Российской Федерации и (или) международным договором не требуется признание иностранного образования).

Следовательно, при предоставлении несовершеннолетним документов в образовательную организацию высшего образования присутствие

родителей (законных представителей) абитуриента не требуется. Все документы, предоставляемые на этапе подачи документов для участия в конкурсе, заполняются абитуриентом лично, в том числе и посредством подачи документов в электронном виде и (или) с использованием специальных сервисов. Получается, что ключевым моментом в данном случае является не возраст несовершеннолетнего, а наличие документа о среднем образовании, который и наделяет его правом на продолжение своей образовательной траектории уже на ступени высшего образования.

При этом возможность для несовершеннолетнего поступать в вуз не означает, что он становится полностью дееспособным (эмансипированным), поэтому, например, присутствие родителя (законного представителя) будет обязательным при зачислении на места с оплатой стоимости обучения для заключения договора на обучение.

Список литературы

1. Барабанова С.В., Пешкова Х.В., Баранов И.В., Менкенов А.В. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». М.: Юридическое образование и наука, 2019.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

О НАРУШЕНИИ ИМПЕРАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНА В ПРОЦЕССЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают гражданско-правовые отношения, складывающиеся в процессе заключения гражданско-правового договора возмездного оказания юридических услуг. Целью работы является обоснование значимости основных начал гражданского законодательства РФ, принципов осуществления гражданских прав для обеспечения заключения действительного договора возмездного оказания юридических услуг и свободного формирования воли сторон. Поставлены следующие задачи: на основе анализа правоприменительной практики выявить типичные гражданские правонарушения со стороны исполнителя договора возмездного оказания юридических услуг на стадии переговоров с заказчиком; установить предпосылки и причины таких нарушений и дать им правовую оценку на основе доктрины гражданского права и актов судебных органов; доказать первостепенное значение таких принципов, как соответствие договора закону, соблюдение баланса прав и интересов сторон в системе принципов гражданского права России; обосновать необходимость и важность учета особенностей характера и содержания юридических услуг при согласовании существенных условий договора. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования авторских выводов в правоприменительной деятельности по предупреждению нарушений прав заказчиков и защите таких прав. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений. Помимо этого, были применены общенаучные методы (в частности, общелогические методы теоретического анализа), междисциплинарные методы (аксиологический, метод системного анализа) и специализированные методы юридических наук (формально-юридический, метод технико-юридического анализа, конкретизации, толкования).

Ключевые слова: договор, юридические услуги, юридическая помощь, свобода договора, заключение договора, оферта, существенные условия, предмет договора, цена, переговоры, автономия воли, добросовестность, баланс интересов, императивные нормы, злоупотребление правом, заблуждение.

В сфере представленного исследования находятся гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с заключением договора возмездного оказания юридических услуг. В качестве исполнителей в таком договоре мы рассматриваем прежде всего тех лиц, которые осуществляют предпринимательскую деятельность в этой сфере, а заказчиками являются частные лица, в первую очередь, граждане. Если последние обладают признаками потребителя, то, совершенно очевидно,

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке Компании СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 9 января 2024 г.).

их статус определяется специальным федеральным законом – Законом РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1. В рамках настоящего исследования автор не отождествляет исполнителя юридических услуг с юристом как лицом, имеющим юридическое образование, т.к. действующим законодательством оказание юридических услуг, услуг в области права, по общему правилу, не требует не только наличия лицензии, но и юридического образования. Исключения составляют те виды трудовых функций, должностей в правоохранительных организациях, государственных и муниципальных органах, виды юридических услуг (например, представительство по определенным категориям дел), когда федеральными законами предусмотрено требование о наличии у лица высшего юридического образования.

Автор уверен, что причины многих споров между сторонами рассматриваемого договора возникают еще на этапе выбора лицом своего будущего контрагента – исполнителя юридических услуг, а затем и на стадии ведения переговоров и согласования конкретных условий договора. Уже на этих стадиях, как мы убедились, обнаруживаются ошибки в действиях лица, действующего в качестве исполнителя или от имени исполнителя, включая ошибки в применении норм гражданского законодательства в сфере регулирования договорного процесса. При этом такие ошибки зачастую являются не столько результатом недооценки преддоговорных отношений, неумышленного неверного применения правовых норм, но и порой намеренного неприменения необходимых правовых норм, неверного их применения с целью удовлетворения собственных интересов, которые для исполнителя оказываются более важными, чем интересы заказчика. Исполнитель, что следует из анализа использованных практических материалов, ставит целью любыми средствами привлечь потенциального клиента и склонить его к решению заключить договор. При этом условия такого договора он также стремится сформулировать как отвечающие в первую очередь его потребностям. Учитывая то, что исполнитель, должен обладать специальными знаниями в области права, юриспруденции (что презюмируется), то это преимущество и используется им для убеждения заказчика при составлении проекта договора. Конкретные примеры из судебной практики позволяют оценивать его поведение порой как злоупотребление гражданскими правами: правом на осуществление предпринимательской деятельности, которое предполагает как наличие специальных знаний, о которых шла речь выше, так и проявление такой степени инициативы в переговорном процессе, в изложении предложений об условиях договора, которыми не наделяются заказчики (в первую очередь граждане). Такие ситуации характеризуют как «неравенство в переговорном процессе». В этих отношениях важным является также понимание и использование конструкции «слабой» стороны договора. Совершенно справедливы в этом

случае рассуждения А.Г. Карапетова и А.И. Савельева о том, что участники оборота нередко вводят контрагента в заблуждение, пользуются слабыми переговорными возможностями или невысокой правовой грамотностью своих партнеров, навязывают им абсолютно несправедливые условия, норовят обойти законы, недобросовестно не исполняют свои обязательства, <... > и в целом ведут себя порой весьма сомнительно с этической точки зрения [1].

Последствием этого является порочность в формировании воли заказчика, приводящая к его заблуждению разной степени, а иногда и к его обману. Это свидетельствует еще и о нарушении баланса прав и интересов сторон. Избежать этого возможно, если исполнитель действует в качестве добросовестного участника таких сделок. Однако анализ жизненных ситуаций, описание которых размещено в средствах массовой информации, а также являющихся обстоятельствами гражданских споров, рассмотренных в судах Российской Федерации, доказывает наличие множества правонарушений, в которых лица, предлагающие оказание юридических услуг, не проявляют уважение к таким принципам, как добросовестность, разумность, недопустимость злоупотребление правом. Об этом свидетельствуют и дела, имевшиеся в практике деятельности юридической клиники, созданной на базе юридического факультета Тверского государственного университета.

Выделим некоторые, на наш взгляд, самые распространенные виды таких правонарушений в исследуемой области. Нормативной базой для квалификации поведения исполнителя (в первую очередь) следует рассматривать основные начала гражданского законодательства Российской Федерации, принципы осуществления гражданских прав, а также нормы договорного права. Значимыми императивными нормами в процессе принятия решения о заключении договора, выбора контрагента, в целом в преддоговорных отношениях, являются положения, предусмотренные в ГК РФ: ст. 431.2 «Заверения об обстоятельствах» и п. 1, 2 ст. 434.1 «Переговоры о заключении договора». Они регламентируют специальные требования в процессе переговоров о заключении договора, как особой стадии, предваряющей факт его заключения. В контексте имеющихся в них требований о предоставлении каждой из сторон полной и достоверной информации, которая может повлиять на принятие решения, на содержание договора, специальными нормами, конкретизирующими объем и содержание такой информации, выступают ст. 731, 732 (в силу ст. 783) ГК РФ, а также ст. 8, 9, 10 Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023 г.) «О защите прав потребителей», когда заказчиком является гражданин-потребитель.

Например, о нарушении такой обязанности идет речь, если будущий исполнитель не ставит в известность предполагаемого заказчика, что осуществляет деятельность по оказанию услуг в качестве

предпринимательской, а значит, нацелен на возмездность отношений. В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в средствах массовой информации можно обнаружить огромное количество объявлений, обращенных к неопределённому кругу лиц, такого рода: «Бесплатные юридические консультации! Грамотная помощь юриста! Гражданские споры. Поможем законно (освободиться от долгов, получить отсрочку от армии, взыскать долг и т.п.)!». По своим признакам они, как правило, подпадают под понятие «приглашение делать оферты» (п. 1 ст. 437 ГК РФ). Они побуждают потенциальных заказчиков, чаще всего граждан, откликаться на них, а в последующем и заключать договоры на оказание для них услуг юридического характера. Наиболее привлекательным в объявлениях является прилагательное «бесплатная» (помощь, консультация). Если в них содержится также указание на Федеральный закон № 324-ФЗ от 21.11.2011 г. «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», то при этом такие рекламодатели (в будущем исполнители) обычно «забывают» сообщить, что правом на бесплатную юридическую помощь закон наделяет не всех граждан, а только определенные категории (ст. 20 этого закона). Еще одно несоответствие положениям названного закона выражается в том, что к лицам, оказывающим такой вид помощи в качестве участника негосударственной системы бесплатной юридической помощи, скорее всего рекламодатели не относятся. Соответственно, на них не распространяется та система гарантий и контроля за осуществлением бесплатной юридической помощи, предусмотренная тем же законом. Однако все это, как правило, неизвестно откликающимся на эти соблазнительные предложения.

Из собственной консультационной практики автора в связи с обращением к нему нескольких граждан, известно, что такие псевдоюристы способны создавать обстановку доверия. Складывается устойчивое убеждение, что их специально этому обучают, прежде чем они вступают в переговоры с заказчиком. Для них главной целью является убедить гражданина заключить договор, исполнение которого для них уже порой не столь важно. Учитывая, что большинство будущих заказчиков, – это пожилые люди, то манипуляции таких юристов достигают желаемого результата.

В судебной практике имеется пример, когда исполнитель представил подложные документы о юридическом образовании. До обнаружения данного факта он успешно в течение нескольких лет оказывал юридическую помощь в качестве адвоката [5].

Ссылка на принцип свободы договора в этом случае не может быть аргументом на стороне исполнителя. Оправдание себя тем, что «заказчик меня не спрашивал, поэтому я не сообщил ему ту или иную информацию», безусловно, не имеет никакого отношения к названному принципу,

искажает его правовую сущность. Важно подчеркнуть, что приоритет здесь будет иметь принцип соответствия договора закону (ст. 421 ГК РФ). Уместно напомнить толкование норм о принципе свободы договора, которое дано в п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16: если в норме, которая регулирует права и обязанности по договору, отсутствует явно выраженный запрет установить иное, она является императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон [3].

Следовательно, поведение исполнителя должно соответствовать императивным нормам, размещенным в вышеперечисленных законах, в частности, нормам об обязанности сообщить полную и достоверную информацию. В практике, в публикациях появился даже термин «полумошенники». Иногда, как считает лицо, предлагающее юридические услуги, для привлечения заказчика достаточно не сообщить информацию в полном объёме. Примерами таких ситуаций являются те обстоятельства, в которых так называемые юристы берутся помочь в ситуации, которая очевидно для клиента будет иметь отрицательный результат. О таком результате может свидетельствовать имеющаяся актуальная судебная практика по юридической проблеме заказчика. Об этом же свидетельствует такое поведение исполнителя на стадии переговоров и согласования условий, как неосуществление надлежащего качественного правового анализа проблемы заказчика, с которой он обращается, неверное понимание такой проблемы, а возможно, и намеренное «непонимание» с целью навязывания дополнительных юридических услуг. Это может быть выражено, например, в подготовке искового заявления в ситуации, когда разрешение спора не требует при данных конкретных обстоятельствах использования судебной формы защиты. Аналогичная правовая квалификация поведения исполнителя следует и в случаях понуждения заказчика заключить кредитный договор с целью оплаты им полностью или в части цены юридических услуг. Что удивительно, представитель кредитной организации, как правило, уже находится рядом, в соседнем помещении.

Далее, напомним, что согласно п. 2 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если одновременно соблюдено несколько обязательных условий: у сторон заключаемого договора есть свободно сформированная воля заключить определённый договор с конкретным контрагентом; они согласовали все существенные условия договора; их волеизъявление облечено в требуемую законом форму (ст. 434 ГК РФ).

Определенная группа нарушений в процессе переговорного процесса свидетельствует о том, что имеется порочность в согласовании существенных условий договора возмездного оказания юридических

услуг. Первым существенным условием для любого договора является условие о предмете договора. Такое условие должно быть сформулировано в договоре с использованием определения соответствующего договора, закрепленного в законе. Поскольку речь идет о поименованном договоре – договоре возмездного оказания услуг, то, следовательно, такая дефиниция содержится в п. 1 ст. 779 ГК РФ. Мы исходим из того, что предметом любого договора является определенный вид гражданско-правового обязательства, который отражает целевую направленность такого договора (его основание), правовое существо. Значит, в условии договора возмездного оказания услуг должна присутствовать формулировка: исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Включить ее в текст договора не представляет никаких сложностей. При этом мы исходим из письменной формы рассматриваемого договора, опираясь на ст. 161 ГК РФ. Ошибки допускаются в конкретизации действий и ожидаемого от них результата. Важно учитывать, что в том же п. 1 ст. 779 ГК РФ речь идет об *определённых* действиях (выделено нами – О.Г.). Кроме того, юридические услуги – это не любые действия, а прежде всего юридические. Они связаны с применением норм права в определенной отрасли (отраслях), что зависит от юридической проблемы, имеющейся у заказчика. Учитывая, что такой договор часто характеризуют как имеющий лично-доверительный характер, а также то, что исполнитель порой вступает в отношения с третьими лицами, представляя интересы заказчика, то такой договор может содержать в себе элементы договора поручения. Впрочем, оговоримся, что для оказания юридических услуг стороны могут изначально использовать конструкцию договора поручения, когда заказчику (доверителю) важно, чтобы исполнитель действовал как его представитель (поверенный). Такую аналогию автор выстраивает еще и для того, чтобы воспользоваться п. 1 ст. 973 ГК РФ, из которого следует, что поверенный обязан исполнять данное ему поручение в соответствии с указаниями доверителя. При этом такие указания доверителя должны быть правомерными, осуществимыми и конкретными. Полагаем, что это может быть применимо и к формулированию условия о предмете в договоре возмездного оказания юридически услуг. Важен и термин «задание», который законодатель закрепил в дефиниции такого договора. Таким образом, условие о предмете в рассматриваемом договоре, кроме той общей формулировки, которая указана выше, должно содержать перечисление (наименование, объем, содержание) правомерных, конкретных, осуществимых действий юридического характера, связанных с применением норм определённой отрасли права (одной или нескольких), направленных на решение юридической проблемы, которая имеет связь с субъективными правами заказчика и (или) охраняемыми законом

имеющимися у него интересами. Выявленная исполнителем юридическая проблема, с которой обратился заказчик, должна быть также описана и зафиксирована в тексте договора, например, в том же условии (или разделе договора), посвященному предмету договора. Когда мы указываем на решение юридической проблемы, то не имеем в виду результат, как тот, который отличает любой договор возмездного оказания услуг от договора подряда. Это, кстати, важно разъяснять заказчику в процессе заключения договора, исключая всякие иллюзии того, что, например, суд обязательно удовлетворит его требования или контрагент, которому направляется претензия, составленная исполнителем, обязательно согласится с ней, или консультация, данная по вопросам заказчика, обязательно подтвердит его лучшие ожидания в разрешении возникшей проблемы. Задача исполнителя, владеющего юридической техникой, а также навыками переговоров (предполагается, что это должно быть ему присуще, если он занимается этой деятельностью), информировать заказчика обо всех возможных вариантах разрешения проблемы, включая и неблагоприятные. И это не будет свидетельствовать о ненадлежащем качестве оказанных услуг. Напротив, это характеризует такого исполнителя как добросовестного. Вместе с тем, конкретизация результата планируемых юридических услуг может также присутствовать. Важно, как следует из разъяснений высших судебных инстанций, чтобы такой результат действительно находился в причинно-следственной связи с действиями исполнителя, а не являлся исключительно итогом правосудия, осуществляемого судебными органами. Это относится и к так называемым дополнительным премиям («гонорарам успеха») за успешное разрешение уголовного, административного, гражданского дела в пользу истца (заявителя).

В связи с этим следует обратить внимание на то, что при согласовании условия о цене юридических услуг необходимо обеспечить баланс интересов сторон. Другой подход свидетельствовал бы о противоречии публичному порядку Российской Федерации.

Правильно сформулированное условие о предмете договора с позиций юридической техники, соответствующее нормам закона, полное, конкретное, недвусмысленное, отражающее реальную юридическую проблему, в разрешении которой имеется интерес заказчика, должно получить отражение, в частности и в условии о цене услуг. Это еще одна из проблем, когда знакомишься с текстами договоров, переданных на экспертизу, а также отмеченная в судебной практике.

Не останавливаясь в рамках данного исследования на ее подробном описании, заметим, что, исходя из п. 1, 2 ст. 10, п. 1 ст. 423 ГК РФ встречное предоставление по договору (плата за услуги) не должно приводить к неосновательному обогащению одной из сторон либо. Не допускается иным образом нарушать основополагающие принципы

разумности и добросовестности. Содержание этих норм предполагает соблюдение баланса прав и обязанностей сторон договора. Кроме того, встречное предоставление не может быть основано на несправедливых договорных условиях, наличие которых следует квалифицировать как недобросовестное поведение [4]. Цена должна быть справедливой и отражать адекватность блага [2].

Что же на практике?

Автору приходилось неоднократно проводить экспертизу договоров на оказание юридических услуг, где условие о предмете не соответствовало либо ни одному, либо нескольким требованиям, описанным выше.

Например, из беседы с гражданином ФИО 1 (заказчиком), который находился в состоянии спора с исполнителем – индивидуальным предпринимателем ФИО 2, заключившим с ним договор возмездного оказания юридических услуг, стало известно, что заказчик желал получить ответы на два вопроса в сфере пенсионного законодательства РФ:

1) в каком порядке и в какой срок будет произведена индексация его пенсии и, соответственно, когда он получит пенсию уже с учетом индексации, в связи с тем, что, будучи пенсионером, уволился с последнего места работы;

2) учтены ли в его трудовом стаже для расчета пенсии все периоды работы, которые указаны в трудовой книжке.

Сотрудники исполнителя убедили гражданина в том, что именно они смогут оказать ему помощь в решении этих проблем, причем более оперативное и эффективнее, чем если бы он лично обратился в определенное районное отделение Социального фонда России в Тверской области. Более того, убедили его и в том, что он имеет право на накопительную пенсию, которую он обязательно получит, но только с их помощью. Разделив эти проблемы на две, они сумели склонить гражданина к заключению двух отдельных договоров возмездного оказания услуг. В одном предмет был определен следующим образом: «Заказчик поручает, а исполнитель принимает на себя обязательства по оказанию Заказчику комплекса юридических услуг согласно п. 3.2 настоящего договора, по вопросу: правовой анализ, подготовка документов по пенсионному вопросу». Стоимость услуг в таком договоре была определена в размере 9000 руб.

По второму договору: «Заказчик поручает, а исполнитель принимает на себя обязательства по оказанию Заказчику комплекса юридических услуг согласно п. 3.2 настоящего договора, по вопросу: правовой анализ, подготовка документов по вопросу накопительной части пенсии». Стоимость услуг согласована в размере 5000 руб. Никакой конкретизации ни одной из услуг, о которых шла речь в договорах, в них не было предусмотрено. Договоры заказчиком были подписаны, оплата произведена, причем с использованием кредитных средств. Когда в

последующем мною было разъяснено, что он мог получить эту информацию бесплатно, сделав соответствующие запросы на портале государственных услуг, его состояние трудно описать. Выбор в этой ситуации форм и способов защиты оставим для будущего исследования.

Нарушение норм гражданского законодательства, даже если оно связано с незнанием таких норм, не меняет противоправного характера поведения и не может служить основанием для освобождения лица от гражданско-правовой ответственности с учетом п. 1 и п. 3 ст. 401 ГК РФ. При этом мы исходим из того, что такие исполнители оказывают юридические услуги, осуществляя один из видов экономической деятельности, предусмотренный Разделом М.69 в «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст). Если этот вид деятельности не заявлен ими в процессе государственной регистрации и постановки на налоговый учет (или они осуществляют ее с нарушением требования о государственной регистрации), это не меняет ранее сделанные нами выводы в силу, например, п. 3 ст. 23 ГК РФ. Следовательно, они могут рассматриваться в качестве лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность (конечно, при условии других существенных признаков предпринимательской деятельности, закрепленных в абз. 3 п. 2 ст. 2 ГК РФ). Но даже наличие у исполнителя юридического образования, в том числе высшего, не является гарантией от правонарушений в отношениях с заказчиками.

Как следует из опубликованной Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) статистики и аналитических отчетов за период с 2018 г. по 2022 г. количество жалоб в его адрес на некачественные юридические услуги выросло почти в два раза — с 4,5 до 8 тысяч. Ежегодно такой показатель увеличивается на 15–20%. В денежном выражении ущерб для граждан от такого рода ненадлежащих услуг составил более 200 миллионов рублей [7].

Правовая оценка поведения исполнителя в договорах возмездного оказания юридических услуг, когда факт нарушения им прав (интересов) заказчика подтверждается, дается правоприменителями с использованием следующих юридических характеристик: как недобросовестное, неразумное, несправедливое, выражающееся во введение заказчика в заблуждение, как злоупотребление правами, незаконное обогащение за счет заказчика и даже как обман заказчика. При наличии признаков обмана или злоупотребления доверием заказчика, являющихся формами мошенничества, речь может идти также о возбуждении уголовного дела на основании ст. 159 Уголовного кодекса РФ [6, 8].

Проведенное исследование вновь подтверждает настойчиво высказываемые в юридическом сообществе предложения,

обосновывающие необходимость введения лицензирования для лиц, оказывающих юридические услуги, закрепления обязательности наличия у них юридического образования, а также специального федерального закона.

Список литературы

1. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. 452 с. // Сетевая версия СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 07.02.2024 г.).

2. Томтосов А.А. Цена гражданско-правового договора: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 208 с. // Сетевая версия СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 07.02.2024 г.).

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Сетевая версия СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 07.02.2024 г.).

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.03.2016 г. № 83-КГ16-2. // Сетевая версия СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 07.02.2024 г.)

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.03.2021 г. № 5-КГ20-160-К2// Сетевая версия СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 07.02.2024 г.).

6. Владимирев Е. В Басманном суде начинается процесс по делу о крупном мошенничестве на рынке юруслуг // Сетевое издание LEGAL.REPORT. 05.05.2023 г. URL: <https://legal.report/v-basmannom-sude-nachinaetsya-proczess-po-delu-o-kрупnom-moshennichestve-na-rynke-yuruslug/> (дата обращения: 09.02.2024 г.).

7. О защите прав потребителей некачественных юридических услуг: Главная. Список новостей. 26.10.2022 г. // Официальный портал «Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=22953 (дата обращения: 09.02.2024 г.).

8. Сасевич Ю. В суд передано дело лжеюристов о мошенничестве на Р4,4 млн//РБК Новосибирск. 12.10.2023 г. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/12/10/2023/6527ba5a9a79472a096df93b> (дата обращения: 09.02.2024 г.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ПРАВО ГРАЖДАН НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ, ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ

Ю.В. Васильчук

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с реализацией и защитой права граждан на возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением. Предметом исследования являются правовые нормы, закрепляющие механизм реализации и возмещения вреда, причиненного здоровью граждан, экологическим правонарушением.

Ключевые слова: право граждан на возмещение вреда, здоровье, негативное воздействие на окружающую среду, экологическое правонарушение, судебная защита права граждан на возмещение вреда.

В современных условиях возрастания роста и интенсивности различных форм воздействия хозяйственной деятельности и иной антропогенной нагрузки на окружающую среду, приобретают особую значимость вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды. Так, в соответствии с Докладом о состоянии окружающей среды в Тверской области в 2022 г., одним из важнейших факторов внешней среды, определяющим условия проживания населения, является состояние атмосферного воздуха. Уровень загрязнения воздуха в Твери в 2022 г. характеризовался как «повышенный». Проблема обеспечения качественной питьевой водой приобретает определяющее значение для здоровья населения Тверской области. Практически все источники подвергаются антропогенному воздействию разной интенсивности. Наиболее сильно подвержены загрязнению поверхностные воды. Несмотря на относительную защищенность подземных вод, на качество воды из артезианских скважин влияет несоблюдение режима эксплуатации зон санитарной охраны и ненадлежащее содержание водоисточников [7]. Среди основных причин загрязнения остается отсутствие в достаточном количестве эффективного комплекса современных систем и технологий очистки и обеззараживания сточных вод, в результате чего в водные объекты поступает большое количество загрязняющих веществ, включая нефтепродукты, фенолы, соединения меди, железа; формальдегид и другие, которые не только ухудшают органолептические свойства воды, но и оказывают физиологическое воздействие на человеческий организм.

Многочисленные исследования последних лет убедительно доказывают, что негативное состояние окружающей среды напрямую влияет на состояние здоровья населения, что выражается в увеличении количества заболеваний, появлению неспецифических болезней,

повышению смертности и другим негативным последствиям. Экологический вред опасен по своей масштабности, так как затрагивает интересы большого количества людей, проживающих на загрязненной территории, состояние которой представляет реальную угрозу жизни и здоровью граждан, оказывает влияние на социально-демографическую ситуацию нынешнего и будущих поколений. Несмотря на предпринимаемые в последнее время государством активные меры по снижению негативного воздействия на окружающую среду, реализацию национального проекта «Экология», современное состояние окружающей среды, ее отдельных компонентов не отвечает в полной мере требованиям безопасности и благоприятности для человека.

Е.А. Кравцова подчеркивает: «является очевидным, что в современных экономических условиях ни одно из государств не в состоянии обеспечить полное отсутствие негативных воздействий на окружающую среду. Поэтому как на международном уровне, так и на национальном проводятся многочисленные исследования влияния различных факторов на окружающую среду» [4, с. 50–52].

М.И. Васильева обоснованно подчеркивала, что в экологическом праве возмещение вреда здоровью граждан составляет неординарную правовую проблему, что объясняется исключительностью характера самого вреда. С точки зрения медицинских аспектов экологии, здоровье понимается как сбалансированность между приспособительными возможностями организма и состоянием окружающей среды, ухудшение качества окружающей среды нарушает этот баланс, и как следствие возникает расстройство здоровья. Доказано достоверное увеличение заболеваемости населения, проживающего на наиболее загрязненных территориях. Вклад только лишь загрязнения атмосферного воздуха в суммарную заболеваемость взрослого населения составляет примерно 10%, а в заболевании детей – более 30%, причем в заболевании органов дыхания – около 50% [1, с. 26–27]. В юридической литературе приводятся данные о доле заболеваемости, обусловленной загрязнением окружающей среды, в общей заболеваемости и ее вкладе в ухудшение здоровья: от 7–10% до 40–60%. По большинству известных оценок, примерно 20% заболеваемости населения обусловлено действием факторов окружающей среды (природно-климатические факторы и качество окружающей среды), а на некоторых территориях этот процент значительно выше [3, с. 7–14]. Тверская область относится к категории регионов с пониженным популяционным здоровьем. При этом экологические проблемы являются одним из определяющих факторов. Первое место в структуре заболеваемости у детского населения занимает класс «Болезни органов дыхания». Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что риск возникновения заболеваний на загрязненных участках выше, чем на условно чистых. Анализ полученных данных, позволил авторам сделать

выводы, что в течение последних 10 лет в Тверской области отмечается рост детских заболеваний, включая болезни эндокринной системы, в частности сахарного диабета – в 19,8 раза, новообразований более чем в 2 раза, а также болезней кровообращений, органов дыхания и других [6, с. 20–24]. Возможны и генетические изменения, вызванные негативным воздействием окружающей среды, которые могут проявляться и в следующих поколениях.

Таким образом, несмотря на снижение некоторых показателей по уровню загрязнения отдельными веществами, современное состояние окружающей среды в целом можно признать неблагоприятным, о чем свидетельствует состояние атмосферного воздуха, водных, земельных и иных природных объектов. Безусловно, следует отметить снижение некоторых показателей по уровню загрязнения отдельных природных объектов, но в определенной степени это связано с объективными причинами снижения в последнее время промышленной активности и экономического роста либо внедрением наилучших технологий.

Определяя правовые основы регулирования данного вопроса, следует отметить положения ст. 42 Конституции РФ, в соответствии с которой, каждый имеет право на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Общие положения также закреплены в Основах законодательства «Об охране здоровья граждан», в частности, каждому гарантируется право на охрану здоровья, которое обеспечивается охраной окружающей среды, созданием безопасных условий труда, благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией продуктов питания соответствующего качества, качественных, безопасных и доступных лекарственных препаратов, а также оказанием доступной и качественной медицинской помощи (ст. 18).

Федеральный закон от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды» в ст. 79 закрепляет положение о том, что вред, причиненный здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, подлежит возмещению в полном объеме. Определение объема и размера возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется в соответствии с законодательством. Речь идет прежде всего о гражданском законодательстве: в частности, в соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда. Необходимо также отметить ст. 1085 ГК РФ закрепляющую положение о том, что при причинении гражданину

увечья или ином повреждении его здоровья возмещению подлежит утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение. Отдельные законодательные акты также закрепляют нормы в части возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью граждан отдельными видами негативного воздействия на здоровье человека, такими как деятельность в области обращения с отходами производства и потребления, действием стационарных и передвижных источников загрязнения атмосферного воздуха, связанную с использованием объектов атомной энергии и других, отличающихся повышенным уровнем экологической опасности.

Правовой анализ юридической конструкции права граждан на возмещение вреда, причиненного негативным воздействием окружающей среды, позволяет сформулировать ряд выводов. В частности, важно понимать, что первоначально вред причиняется окружающей среде, ее отдельным компонентам. Этот вред выражается, например, в загрязнении водного объекта химическими веществами, например, в результате сброса сточных вод, в загрязнении (атмосферного воздуха в результате физического или химического воздействия, в загрязнении почв путем поступления вредных химических веществ в почву и т.п. Источники загрязнения, истощения, засорения или иного изменения свойств природных объектов многообразны, их классифицируют по различным основаниям, например, в зависимости от вида загрязнения выделяют химическое, физическое, биологическое. При этом, вред окружающей среде может причиняться как в результате деятельности конкретного предприятия (группы предприятий), в том числе относящихся к группе экологически опасных, например, нефтеперерабатывающего комплекса, металлургических предприятий, так и возникать вследствие сочетания различного рода факторов, в том числе на первый взгляд безобидных. Так, в г. Твери основным источником загрязнения атмосферного воздуха является автотранспорт. Не исключено, безусловно, и причинение вреда окружающей природной среде в результате природных явлений и бедствий, однако в большинстве своем антропогенный источник превалирует в структуре различных форм негативного воздействия на природу. Далее, загрязненная, и прежде всего в результате антропогенной хозяйственной деятельности человека, окружающая природная среда, ее отдельные компоненты оказывают негативное воздействие на условия проживания, здоровье и даже жизнь человека. Природа как бы опосредует

все негативное антропогенное воздействие, не являясь при этом непосредственным источником причинения такого вреда в отношении человека. В юридическом аспекте важно понимание, что экологический вред может быть, как правомерным, так и неправомерным. Однако, далеко не каждое причинение вреда жизни и здоровью человека в результате негативного воздействия окружающей среде, может быть возмещено или компенсировано в судебном или административном порядке. На основании анализа действующего конституционного, экологического, гражданского, административного и иных отраслей законодательства, возмещен может быть только вред, причинный в результате правонарушения. Способ возмещения причиненного вреда здоровью зависит от разных обстоятельств. Так, формой является получения пособия по временной нетрудоспособности, когда возмещение вреда осуществляется при обращении в медицинское учреждение, оформление листка о временной нетрудоспособности. Кроме того, законодательство предусматривает возможность возместить вред в административном порядке, когда компенсация происходит путем предоставления социальных выплат и льгот определенным категориям граждан в особом порядке на основании специального федерального закона. В качестве примера можно привести Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», Федеральные законы «О социальной защите граждан РФ, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» и «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне».

Вред, причиненный здоровью неблагоприятным воздействием окружающей среды, выражается в заболевании, ином расстройстве здоровья, негативных генетических эффектах, нравственных и физических страданиях, снижении работоспособности. М.И. Васильева отмечала, что экологическое воздействие может выступать как в роли катализатора, ускоряя и усиливая течение многих неспецифических болезней, так и быть непосредственной причиной их возникновения. В частности, могут возникать заболевания, связанные исключительно или преимущественно с загрязнением окружающей среды. В масштабах общества экологически обусловленная заболеваемость является одной из причин роста общей заболеваемости, снижения продолжительности жизни, фактором ухудшения демографической ситуации. При этом отсутствуют как юридические механизмы, так и экономические методики оценки ущерба. Выявление и оценка взаимосвязей в системе «общество – здоровье», а также выраженности долевого вклада отдельных видов загрязнений окружающей среды в развитие основных форм патологий человека

является трудной задачей [1, с. 26–27]. С данным выводом трудно не согласиться. В реальной действительности возможно предположить, что расстройство здоровья напрямую сопряжено с проживанием в экологически неблагоприятном районе или в непосредственной близости от вредного промышленного производства, но невероятно сложно доказать наличие причинно-следственной связи между загрязнением окружающей среды и экологическим вредом, причиненном жизни и здоровью граждан. Вместе с тем возмещение вреда, причиненного неблагоприятным воздействием окружающей среды, в судебном порядке происходит в рамках гражданской ответственности за причинение вреда здоровью, а значит, в предмет доказывания по такого рода делам входят следующие обстоятельства: 1) факт причинения вреда здоровью; 2) факт причинения вреда здоровью неблагоприятным воздействием окружающей среды 3) факт неправомерной (противоправной деятельности) причинителя вреда (факт правонарушения или преступления); 4) наличие причинно-следственной связи между причинением вреда здоровью и противоправной деятельностью причинителя вреда (ответчиком). По мнению М.И. Васильевой, доминирующие в гражданском процессе принципы диспозитивности и состязательности сторон применительно к искам о возмещении экологического вреда здоровью граждан фактически ставят этих граждан-истцов в заведомо невыгодное положение по сравнению с ответчиками [1, с. 33]. Истцу необходимо доказать, что вред его здоровью был причинен исключительно противоправной деятельностью ответчика. Нельзя не учитывать, что экогенный вред в значительной степени носит латентный характер: реальное повреждение здоровье человека может наступать в результате длительного воздействия неблагоприятной окружающей среды. В этом случае речь идет о потенциальном, или презюмированном, экогенном вреде, который обусловлен риском проживания или работы в условиях неблагоприятной окружающей среды и гражданско-правовые механизмы в силу своих особенностей не могут обеспечить возмещение такого вреда [2, с. 37].

Сложность установления и доказывания причинной связи между неблагоприятным воздействием окружающей среды и наступлением вреда здоровью, обусловили достаточно небольшое количество дел в судах, связанных с возмещением вреда, причиненного неблагоприятным воздействием окружающей среды. И причина этого отнюдь не в благоприятном состоянии окружающей среды. Учитывая отсутствие специального федерального закона, который системно регулировал бы отношения, возникающие в связи с причинением вреда здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды, в качестве одного из направлений по решению данной проблемы может стать разработка и принятие такого закона. Также важно соблюдение мер предупредительного характера в совокупности с повышением уровня

экологической культуры российского общества позволят снизить уровень негативного воздействия на природные объекты. Необходимо развивать конвергенцию и дальнейшее взаимопроникновение междисциплинарного взаимодействия в целях исследования и выявления объективно существующих факторов влияния и риска, измененных под влиянием хозяйственной и иной деятельности людей компонентов окружающей среды на среду обитания, условия жизни и здоровье различных половозрастных групп; при этом основу должны составлять результаты естественно-научных исследований.

Список литературы

1. Васильева М.И. Правовые проблемы возмещения вреда, причиняемого здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды // Государство и право. 2008. № 10. С. 26–33.
2. Велиева Д.С. Конституционно-правовые основы экологической безопасности в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 50 с.
3. Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. Правовое регулирование возмещения вреда окружающей среде в современных реалиях // Экологическое право. 2018. № 5. С. 7–14.
4. Кравцова Е.А. Социальная составляющая конституционного права на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 50–52.
5. Кодолова А.В. О возмещении (ликвидации) вреда окружающей среде, в том числе связанного с прошлой хозяйственной деятельностью // Хозяйство и право. 2012. № 8.
6. Соболева Н.П., Макарова И.И. Состояние здоровья детского населения Тверской области». Экология человека. 2006. № 8. С.20–24.
7. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Тверской области. Тверь, 2023 // https://xn--d1ahaoghfib6i.xn--80aaccp4ajwpgbl4lpb.xn--p1ai/deyatelnost-iogv/npravleniya/okhrana-okruzhayushchey-sredy/%D0%93%D0%BE%D1%81%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B7%D0%B0%202022_%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf (дата обращения: 09.02.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

А.Б. Вобликов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рассматриваются актуальные проблемы защиты прав и законных интересов в сфере таможенного дела. Анализируются нормы таможенного законодательства и судебная практика по делам о защите прав участников таможенных правоотношений. Объектом исследования являются правоотношения, возникающие в сфере таможенного дела. Предметом исследования выступают нормы таможенного права, деятельность таможенных органов. Целью является разработка предложений по обеспечению таможенными органами публичных интересов, защиты прав и законных интересов лиц, являющихся участниками таможенных правоотношений. Необходимо соблюдение принципов равноправия и состязательности сторон в спорах с государственными органами.

***Ключевые слова:** защита прав и законных интересов, сфера таможенного дела, таможенные правоотношения, участники таможенных правоотношений.*

Правоотношениями могут быть признаны функционирующие в конкретном государственном образовании официально признаваемые, материально выраженные отношения, урегулированные юридическими нормами [2]. Дополнением определения в случае с таможенными правоотношениями, является наличие специфического источника таможенного права – Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и нормативных правовых актов Евразийского экономического союза [1]. Урегулированные нормами таможенного права отношения (таможенные правоотношения) возникают по значительному количеству поводов. Каждое таможенное правоотношение влечет необходимость соблюдения прав и законных интересов его участников.

Таблица 1

Права и законные интересы участников таможенных правоотношений

№ п/п	Повод возникновения правоотношения	Участники правоотношения	Права и законные интересы участников правоотношений	Нормативные правовые акты
1	Трансграничное перемещение товаров и транспортных средств	Участники внешнеэкономической деятельности (юридические лица, индивидуальные предприниматели). Физические лица. Перевозчики. Таможенные органы	Конституционные права	Конституция РФ гл. 1, ст. 34, 74, 106
2	Помещение товаров под таможенные	Участники внешнеэкономической	Права участников ВЭД.	Таможенный Кодекс ЕАЭС

	процедуры	деятельности (юридические лица, индивидуальные предприниматели). Физические лица. Перевозчики. Таможенные органы	Права перевозчиков. Права физических лиц	гл. 13 ФЗ «О таможенном регулировании в РФ»
3	Декларирование	Декларанты. Таможенные представители. Таможенные органы	Права декларантов. Права таможенных представителей	Таможенный Кодекс ЕАЭС ст. 83, гл. 55, ФЗ «О таможенном регулировании в РФ»
4	Кодификация товаров	Участники внешнеэкономической деятельности. Таможенные органы	Права участников ВЭД	Таможенный Кодекс ЕАЭС гл. 3, 4 ФЗ «О таможенном регулировании в РФ»
5	Определение таможенной стоимости товаров и исчисление и взимание таможенных платежей	Участники внешнеэкономической деятельности. Таможенные органы	Права участников ВЭД	Таможенный Кодекс ЕАЭС гл. 5 ФЗ «О таможенном регулировании в РФ»
6	Соблюдение запретов и ограничений внешнеэкономической деятельности	Участники внешнеэкономической деятельности (юридические лица, индивидуальные предприниматели). Физические лица. Перевозчики. Таможенные органы	Права участников ВЭД. Права перевозчиков. Права физических лиц	Таможенный Кодекс ЕАЭС ст. 7, гл. 44, 45, 46 ФЗ «О таможенном регулировании в РФ»
7	Осуществление государственного контроля таможенными органами	Объекты контроля (товары, транспортные средства, документы и др.). Таможенные органы	Права участников ВЭД. Права перевозчиков. Права физических лиц Права лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела	Таможенный Кодекс ЕАЭС раздел 6, ФЗ «О таможенном регулировании в РФ»
8	Совершение правонарушений в сфере таможенного дела	Участники внешнеэкономической деятельности (юридические лица, индивидуальные предприниматели). Лица, осуществляющие деятельность в сфере таможенного дела.	Права участников административного процесса Права участников уголовного процесса	Кодекс РФ об административных правонарушениях Уголовный кодекс РФ Уголовно-процессуальный кодекс РФ

		Физические лица. Таможенные органы		
--	--	---------------------------------------	--	--

Систематизация таможенных правоотношений (табл. 1) позволяет с достаточной полнотой определить перечень поводов их возникновения. Эти правоотношения могут быть связаны с регулируемым законодательством осуществлением перемещения товаров и транспортных средств международной перевозки через границу. Особенности такого рода правоотношений обусловлены конституционными нормами, определяющими государственные границы. Кроме того, Конституцией Российской Федерации определен порядок имплементации в правовую систему Российской Федерации норм, содержащихся в международных договорах России. В рассматриваемых условиях – норм Таможенного кодекса ЕАЭС [1], в которых содержится понятие и содержание таможенной границы Евразийского экономического союза. Таможенные границы Союза могут не только соответствовать внешнему контуру государственных границ стран, входящих в ЕАЭС, но и ограничивать территории свободных таможенных зон и свободных складов внутри государства. Трансграничное перемещение товаров и транспортных средств возможно при условии помещения товаров под таможенную процедуру (законодательством их установлено семнадцать). Кроме того, оно возможно при осуществлении таможенных операций, которые могут быть связаны с перемещением товаров стационарными видами транспорта (трубопроводы, линии электропередачи), в международных почтовых отправлениях, физическими лицами для личных нужд, отдельными категориями иностранных лиц, либо в качестве припасов. Основным условием помещения товаров и транспортных средств под таможенные процедуры или совершения в отношении них вышеперечисленных таможенных операций является декларирование. Таможенный кодекс ЕАЭС содержит нормы, определяющие возможность приобретения лицом статуса декларанта, а также права и обязанности декларанта. При осуществлении декларирования необходимо обеспечить классификацию товара в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности, обозначить код товара, который влияет на определение суммы таможенных платежей. Существенное влияние на сумму таможенных платежей, с учетом преференциальной составляющей, оказывает определение страны происхождения товара. Декларант наделен правом выбора одного из шести установленных законом методов определения таможенной стоимости товаров. Исходя из таможенной стоимости товаров, декларант вправе самостоятельно исчислить сумму подлежащих уплате таможенных платежей. Нормами Конституции РФ, национального законодательства, действующими в России международными конвенциями и соглашениями обеспечиваются защита

жизни и здоровья человека, окружающей среды, экономическая безопасность. Это далеко не полный перечень факторов, влияющих на необходимость запретов и ограничений при трансграничном перемещении товаров и транспортных средств, помещении их под таможенные процедуры, совершении с ними таможенных операций. Контроль соблюдения запретов и ограничений внешнеторговой деятельности, правовых норм, регламентирующих перемещение товаров и транспортных средств через таможенную и государственную границу, кодирование товаров, исчисление и уплату таможенных платежей, осуществление деятельности в сфере таможенного дела осуществляют таможенные органы. Таможенные органы выступают в качестве стороны таможенных правоотношений. При этом таможенные органы наделены административными полномочиями. От имени таможенных органов административные полномочия реализуют должностные лица таможенных органов. Они осуществляют такие виды государственного контроля как таможенный контроль, валютный контроль, экспортный контроль, радиационный контроль, транспортный контроль автотранспортных средств международной перевозки, ветеринарный контроль, фитосанитарный контроль, санитарно-карантинный контроль. Кроме таможенного контроля, все перечисленные виды государственного контроля осуществляются не только таможенными органами, но и другими федеральными структурами, наделенными контрольными функциями. Итак, одна из сторон таможенных правоотношений – это наделенные административными полномочиями таможенные органы и их должностные лица. Другой стороной таможенных правоотношений выступают лица, указанные наряду с таможенными органами в табл. 1. Таможенные правоотношения возникают также, в связи с нарушениями таможенных правил либо в случае совершения преступлений в сфере таможенного дела. При выявлении таможенными органами нарушений таможенного законодательства со стороны других участников таможенных правоотношений, реализуются полномочия в рамках таможенного, административного, уголовного, уголовно-процессуального законодательства. Реализация прав и законных интересов участников таможенных правоотношений закономерно сопровождается возникновением конфликтных ситуаций, споров. Такие ситуации могут быть связаны со сроками осуществления таможенных операций, сроками и обоснованностью помещения товаров под таможенные процедуры, применением различных форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля, в том числе в ходе таможенного контроля после выпуска товаров. Значительное количество спорных ситуаций возникает по поводу методов и результатов определения таможенной стоимости товаров, исчисления и уплаты таможенных платежей и налогов, соблюдения запретов и ограничений

внешнеторговой деятельности. Конфликтные ситуации связаны либо с обжалованием решений о привлечении лиц к административной ответственности, либо с оспариванием иных действий, бездействия и решений таможенных органов. По частоте обжалования преобладают именно действия или бездействие таможенных органов, затем – решения таможенных органов, которые не носят нормативного характера, далее – обжалование нормативных актов таможенных органов и решения о привлечении лиц к административной ответственности. По данным Федеральной таможенной службы России в 2022 г. таможенными органами возбуждено 146936 дел об административных правонарушениях. По результатам рассмотрения дел вступило в законную силу 146886 постановлений о назначении административных наказаний по делам об административных правонарушениях. За 9 месяцев 2023 г. таможенными органами возбуждено 116305 дел об административных правонарушениях. По результатам рассмотрения дел вступило в законную силу 113881 постановление о назначении административных наказаний [3]. Данные Федеральной таможенной службы России свидетельствуют о положительных результатах административной практики таможенных органов, соблюдении этой государственной федеральной структурой прав и защитой законных интересов участников таможенных правоотношений. Значительное количество споров в таможенной сфере разрешается арбитражными судами, если одной из сторон являются юридические лица или индивидуальные предприниматели. Дела, в которых стороной является физическое лицо, рассматриваются судами общей юрисдикции. Таких дел немного. Судебная практика по спорам, связанным с обжалованием решений, действий (бездействия) таможенных органов при контроле таможенной стоимости товаров. При рассмотрении дел данной категории суды, принимая решения не в пользу таможенных органов, в большинстве случаев указывают на недоказанность со стороны таможенных органов достоверности или недостаточности документов (сведений), представляемых (заявляемых) декларантами для обоснования применения метода определения таможенной стоимости по стоимости сделки, отмечая при этом, что при помещении товаров под таможенные процедуры заявителями представлялись все необходимые документы, подтверждающие заявленную ими таможенную стоимость [3]. Защита прав и законных интересов участников таможенных правоотношений осуществляется и Верховным Судом РФ. В 2023 г. судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ приняты Определения от 12.07.2023 г. № 301-ЭС23-1513 по делу № А43-34986/2021 и от 06.06.2023 г. № 301-ЭС23-1708 по делу № А43-33079/2021 [4]. Выводы Коллегии по рассмотренным делам продолжают тенденцию судебной практики, в рамках которой применяется весьма широкий подход к квалификации дополнительных начислений, подлежащих включению в таможенную

стоимость ввозимых (вывозимых) товаров. Кроме того, Коллегия также обращает внимание на манипулирование компонентами таможенной стоимости участниками внешнеторгового оборота. Определения помогут декларантам избежать незаконного начисления пеней в том случае, если на лицевом счете декларанта имеются денежные средства, превышающие сумму задолженности перед таможенным органом, на практике теперь будет достаточно заявления о принятии обеспечительных мер лишь от одного лица – либо декларанта, либо таможенного представителя. Впрочем, следует отметить, что публичные интересы защищены не только административным правом, но и конституционной юстицией [2]. В постановлении Конституционного Суда РФ от 28.04.2023 г. № 22-П [4] содержатся выводы о том, что п. 2 ст. 235 ФЗ не соответствует Конституции РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он не обеспечивает права проверяемого лица (его представителя) в ходе ознакомления с материалами таможенной проверки осуществлять из них выписки и (или) использовать технические средства, предназначенные для их копирования (фотографирования), – в части, в которой данные материалы не содержат государственной или иной охраняемой законом тайны, – и в связи с этим допускает в правоприменительной практике отказ проверяемому лицу (его представителю) в осуществлении такого права. КС РФ также постановил, что федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения. Выводы КС РФ способствуют обеспечению защиты прав декларантов, прямо указывая о необходимости применения справедливого подхода к возможности ознакомления с материалами таможенных проверок, а также напоминая о важности соблюдения принципов равноправия и состязательности сторон в спорах с государственными органами.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г., с изм. от 18.03.2023 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024 г.).
2. Вобликов А.Б. Защита прав и законных интересов в сфере таможенного дела // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 55–62.
3. Федеральная таможенная служба Российской Федерации – официальный сайт <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 22.01.2024 г.).
4. Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.07.2023 № 301-ЭС23-1513 по делу № А43-34986/2021 и от 06.06.2023 № 301-ЭС23-1708 по делу № А43-33079/2021 // <https://www.alumnipartners.ru/tpost/grtj6ui5z1-obzor-sudebnoi-praktiki-po-tamozhennim/> (дата обращения: 05.02.2024 г.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ПРАВО КАК ОСНОВА И РЕЗУЛЬТАТ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ

А.А. Воротников

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

Интересы всегда отражают конкуренцию, борьбу между различными социальными группами, а нередко и между государством и обществом. Как избежать этого, как интересы могут стать основой взаимодействия и консенсуса? Эту роль должно выполнить право, как самый мощный и вместе с тем, сложный из социальных регуляторов, как по механизму принятия, так и по мерам воздействия.

Ключевые слова: интерес, право, общество, государство, консенсус, власть, правотворческий процесс.

О том, что право «есть воля господствующего класса», сегодня знает каждый юрист. Знают, конечно, и многие другие, но не очень над этим задумываются. Глобально волевой момент в праве всегда сочетается с интересами двух не совпадающих структур – государства и общества. Первопричиной интересов служат потребности человека или социальной группы.

Интерес в обществознании – это осознанная потребность человека в чем-либо или ком-либо. Интересы могут определяться положением различных социальных групп, партий и движений. Слово интерес происходит от ср. лат. *interesse* «иметь важное значение». Именно интерес лежит в основе действий индивидов, социальных общностей, определяющих их социальное поведение. Поэтому интересы всегда отражают конкуренцию, борьбу между различными социальными группами, а нередко и между государством и обществом. Как избежать этого, как и на какой основе интересы могут стать основой взаимодействия и консенсуса? Эту роль должно выполнить право. Именно оно может стать основой согласования интересов.

Именно в праве к интересу относятся как феномену. В интересе выражаются притязания с одной стороны, правовая и иная оценка явлений, действий в правовой сфере. Интерес выступает первопричиной, основой действия или бездействия.

В правовой сфере интерес становится признанным правом, им обеспеченным и охраняемым. Чаще всего для этого используются нормы-цели, нормы-принципы и нормы аксиоматического порядка.

К сожалению, сегодняшняя мир – это мир конфликтов интересов, изменчивых по содержанию и масштабам, не только внутри страны, но и на международной арене. И в этой связи на первый план выходит необходимость поиска инструментария урегулирования интересов. Только право обладает набором необходимых средств урегулирования

возникающих конфликтов. Право, его нормы являются основой согласования интересов.

Право есть конструкт государства, государственной воли. Право необходимо, когда общественная жизнь становится немыслимой без его норм. В этой ситуации именно право должно стать основой гражданского согласия и мира.

В правовых нормах должны быть отражены прописные истины демократических процессов. Точки зрения как общества, так и государственной власти могут быть не бесспорными, содержащими те или иные ошибки, неточности, противоречия. Они не должны находить отражения в праве. Консенсусное право не может выражать крайние точки зрения государственной власти и общества. Консенсус (лат. consensus – согласие, единодушие) – способ разрешения конфликтов при принятии решений; принятие решения на основе общего согласия. Право должно содержать лишь консолидированную, согласованную волю и быть образцом компромисса тех или иных интересов. Элементы несовпадения интересов выступают основой для всенародного обсуждения.

Наряду с основой право может стать и результатом согласования интересов. В условиях демократического государства консенсус достигается на основе дискуссий в высших представительных органах власти (куда общество делегирует своих членов), приводящей к общему согласию, к единству норм. Диалогу должны предшествовать многочисленные консультации, переговоры во всевозможных фракциях, комитетах, комиссиях по урегулированию спорных интересов. Именно так рождаются формулы консолидированного права государства с обществом.

Правовая культура представителей высших органов власти может служить основой взаимопонимания, определенного взаимосближения позиций, согласования интересов.

Противостояние, многочисленные разногласия, манипуляция общественной волей крайне непродуктивны для создаваемого права. Право, созданное в результате победы одной из конкурирующих сторон (ввиду количественного преимущества в тот или иной период времени), будет неэффективным в применении.

Единение взглядов, интересов общества и государства – сложный, многоуровневый процесс, но именно он позволяет создать непротиворечивое, согласованное право. Через консенсус и необходимый компромисс на базе социальных норм, критику позиций и предыдущих нормативных установлений создается право устойчивого эволюционного развития. Именно поэтому установка на консенсус и консолидацию интересов должна стать исходной для представителей законодательной власти. Это стабилизирует не только правовую, но и политическую систему общества. Обращение к референдуму, к каждому гражданину страны позволит преодолеть любые противоречия общества и государства.

В разные исторические эпохи, периоды это происходит по-разному. Эта зависимость проистекает от типа государства, с которым взаимодействует общество, формы его правления, политического режима и массы иных факторов. Казалось бы, рождаясь в недрах самого общества, право должно выражать его волю. Именно она способна консолидировать общество, руководить его поведением. Она не должна быть навязанной обществу извне, она должна быть создана и оберегаема структурами, делегируемыми обществом, то есть органами верховной власти. Именно через представителей общества, облеченных уже государственной властью, и рождаются те решения, которые консолидируют общество и государство, социальные нормы и правовые, свидетельствуют об их непротиворечивости.

Органы законодательной власти, возводящие в закон всё большее количество консолидированных интересов, способствуют единению общественных и государственных структур.

Многоуровневый правотворческий процесс должен способствовать эффективному вмешательству в общественную жизнь, обеспечивая как государственный, так и общественный интерес. Вместе с тем сложная разноплановая социальная действительность гораздо богаче многих правовых конструкций и установлений. Задача «законодателя» состоит в том, чтобы вовремя отреагировать на возникающие события, наметившиеся тенденции, изменения и согласовать порой разновекторные интересы.

Социальное существование немыслимо без права. Интересы национальной экономики, как интересы безопасности страны, нередко недооцениваются. Наше государство с помощью права пытается защищать свои экономические интересы во внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности.

Во внутреннем праве публичный интерес выражен достаточно конкретно. Государственные служащие призваны добросовестно исполнять должностные обязанности, действовать строго в рамках компетенции органа, быть независимыми от каких-либо влияний. Госорганы должны неукоснительно выполнять свои публичные функции и соотносить с их характером ведомственные интересы, которые не должны им противопоставляться.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО ГРАЖДАН И КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

А.В. Гайдашов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В работе отражены подходы к определению элементов состава преступления, предусмотренного ст. 128 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Помимо того, указывается статистика применения указанной статьи на данном этапе развития законодательства и судебной практики. Проводится разграничение таких понятий как «госпитализация» и «помещение в медицинскую организацию».

Ключевые слова: психическое здоровье, недобровольная госпитализация в психиатрический стационар, незаконная госпитализация, преступления против свободы личности, уголовная ответственность медицинского работника, врач-психиатр.

Двадцать первый век войдет в историю человечества как время колоссального скачка в развитии научно-технического прогресса, информационной перезагрузки и высоких технологий в медицине. Однако все эти положительные достижения имеют и негативные последствия. Изменение социальных норм провоцирует возрастание социальных проблем и приводит человечество не только к снижению физического, но и психического здоровья.

В настоящее время отношения, складывающиеся по поводу охраны здоровья личности, в том числе психического, охватывается не только предметом гражданско-правового регулирования (ст. 150 ГК РФ), но и уголовно-правового (ст. 128 УК РФ).

В связи с изменениями в текущем отраслевом законодательстве, внесенным Федеральным Законом от 25.11.2013 г. № 317 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации, медицинская терминология, используемая в Особенной части УК РФ, была приведена в соответствие с действующим законодательством. В частности, появилось новое название ст. 128 УК РФ: «Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях».

В то же время на страницах юридической печати, можно было наблюдать широкую дискуссию, о медицинско-правовых аспектах правоприменения ст. 128 УК РФ. Научный интерес, вызванный к вышеуказанной проблеме вполне объясним. Дело в том, что преступление, предусмотренное ст. 128 УК РФ, затрагивает не только фундаментальное право личности человека на его личную свободу, но и его психическое здоровье.

Статья 122 Конституции РФ гласит следующее: каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность [1]. Данная норма подразумевает, что в Российской Федерации не допускается произвольное ограничение права на свободу (в том числе на физическую свободу), а также нарушение физической (анатомической) и психической неприкосновенности лица.

При этом российское законодательство (как и международные правовые акты) предусматривает ряд исключительных случаев, при которых право лица на свободу и личную неприкосновенность и корреспондирующее ему право пациента на самостоятельное решение вопроса об оказании/неоказании ему медицинской помощи могут быть ограничены.

В частности, таким исключением может являться возможность госпитализировать лицо, страдающее тяжелым психическим расстройством, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке (п. 3 ч. 9 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3], ст. 29 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [4]) При этом стоит отметить, что такое исключение нарушает фактически право на свободу и личную неприкосновенность, поэтому законом устанавливаются определенные условия, при которых реализуется данное исключение.

Такие условия, а иначе основания, следующие:

1. Обследование или лечение больного возможно только в стационарных условиях.

2. Психическое расстройство является тяжелым.

3. Психическое расстройство обуславливает одно или несколько следующих состояний:

а) непосредственную опасность больного для себя или окружающих;

б) беспомощность больного, т.е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности;

в) существенный вред здоровью больного вследствие ухудшения психического состояния, если больной будет оставлен без психиатрической помощи [5].

Для защиты права лица, в случае незаконного его помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях законодателем установлена уголовная ответственность, предусмотренная в ч. 1 ст. 128 УК РФ [2]. Для того чтобы разобраться с сущностью вышеуказанного преступления, следует определить его состав.

В теории уголовного права дискуссионным остается вопрос, о характере объекта преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ. С одной стороны, это личная свобода, а с другой, психическое здоровье

конкретного человека. И оба объекта можно признать основным и непосредственным.

Таким образом, можно предположить, что основным непосредственным объектом донного преступления, является психическое здоровье личности и его свобода. Причем безопасность личности рассматривается в контексте угрозы состоянию его здоровья, которое может быть нанесено лечением в психиатрической медицинской организации, производимым в результате незаконной госпитализации. Свобода личности в качестве объекта анализируемого преступления определяется по причине существенного ограничения многих действий лица в результате незаконной госпитализации в психиатрическую медицинскую организацию [8]. Однако упоминание безопасности личности, как объекта данного преступления может быть опровергнуто. Безопасность личности в широком смысле не относится ни с родовым объектом раздела VII УК РФ, ни с видовым объектом ст. 16 УК РФ. Именно поэтому объект лучше обозначать через призму того, в какую главу законодатель поместил ст. 128 УК РФ. Так, ст. 128 УК РФ входит в гл. 17 УК РФ, предусматривающую преступления против свободы, чести и достоинства личности. Соответственно основным объектом данного преступления будет являться свобода человека. Не стоит забывать о том. Что существует также дополнительный объект – а именно жизнь и психическое здоровье (а по некоторым источникам – и имущество), если незаконная госпитализация в психиатрический стационар повлекла по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

Что касается объективной стороны преступления, то она напрямую зависит от корректной и всесторонней трактовки термина «госпитализация».

Словарь русского языка С.И. Ожегова определяет госпитализацию довольно широко, а именно как помещение в больницу, госпиталь для лечения. До внесения изменений законом от 23.11.2013 г. в ст. 128 УК РФ использовался термин «незаконное помещение в психиатрический стационар». Каким же образом соотносятся термины «госпитализация» и «помещение»? Представляется, что поместить человека в стационар может гораздо больший круг лиц, нежели чем осуществить госпитализацию.

Так, поместить в психиатрическую больницу, то есть фактически доставить лицо в приемный покой, могут близкие, в том числе родственники, законные представители, соседи, работники правоохранительных органов и т. д.

Процедура госпитализации же более узко специфична, имеет фактические и юридические основания. К их числу законодательство относит:

1. Наличие психического расстройства у лица и решение врача-психиатра о проведении обследования или лечения в стационарных

условиях при наличии информированного добровольного согласия лица (в отношении несовершеннолетнего в возрасте до 15 лет – согласия его законного представителя или решения органа опеки и попечительства) либо постановления судьи.

2. Постановление (определение) о назначении стационарной судебно-психиатрической экспертизы на основании норм ГПК РФ или УПК РФ; определение о принудительном направлении лица на экспертизу (ст. 283 ГПК РФ); постановление о помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства экспертизы (ст. 203 УПК РФ).

3. Установление факта психического заболевания у лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, и решение суда о переводе (помещении) данного лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, принятое в порядке, предусмотренном ст. 435 УПК РФ.

4. Постановление суда об освобождении лица от уголовной ответственности (или от наказания) и о применении к нему принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях определенного типа; постановление суда об изменении или продлении применения указанных мер.

5. Направление комиссии по постановке граждан на воинский учет (или призывной комиссии) на обязательное стационарное психиатрическое обследование в рамках военно-врачебной экспертизы.

6. Направление специализированного бюро медико-социальной экспертизы на стационарное психиатрическое обследование лица с его согласия в рамках медико-социальной экспертизы в соответствии с Федеральным законом от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и Правилами признания лица инвалидом, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 20.02.2006 № 95.

Таким образом, по своей правовой природе госпитализация лица есть не что иное, как правоприменительная процедура, тогда как фактическое помещение лица в медицинскую организацию может осуществляться как в рамках осуществления указанной процедуры, так и вне правоприменительного процесса. Соответственно госпитализация охватывает и помещение, и отказ в выписке, и продление пребывания в медицинской организации. Если такие действия будут проводиться не в рамках закона, то они и будут составлять объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ [7].

Дискуссия в уголовно-правовой науке также ведется по поводу установления признаков субъекта состава преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ. Корни этой дискуссии необходимо

искать в действовавших ранее редакциях исследуемой нормы. В отдельных изданиях прошлых лет говорится, что субъект данного состава преступления общий, авторы перечисляют работников медицинской организации, выполняющих профессиональные функции, которые заключаются в медицинском обследовании, постановке диагноза, назначении лечения госпитализированных пациентов, а также лиц согласие которых необходимо для госпитализации при недобровольном её осуществлении: законные представители, близкие родственники [10, с. 142].

В современной же правовой доктрине чаще встречается определение субъекта данного преступления, как специального. Им могут являться только те лица, в должностные обязанности которых входит принятие решения и осуществление такой госпитализации (например, главный врач психиатрического стационара, должностные лица органов здравоохранения и пр.). А частные лица, в том числе родственники, попечители, могут быть лишь соучастниками данного преступления [8].

Субъективная сторона преступления является наиболее определенной в отличие от остальных элементов состава данного преступления. Субъективная сторона основного состава преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ, характеризуется исключительно умышленной формой вины. Мотивы совершения данного преступления на его квалификацию не влияют.

Таким образом, состав преступления, как можно заметить из его анализа, носит латентный характер, именно поэтому приходится иной раз обращаться к правовой доктрине. Также стоит отметить, что уровень совершения преступления, предусмотренного данной статьёй достаточно низок, что свидетельствует о правильной и эффективной работе медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (УК РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Габай П.Г., Карапетян Р.Ю. О проблемах уголовной ответственности за незаконную госпитализацию лица в психиатрический стационар // СПС «КонсультантПлюс».
7. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 26.01.2024).

8. Жинкин А. А. Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ): некоторые проблемы квалификации и законодательной регламентации // Теория и практика общественного развития. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnaya-gospitalizatsiya-v-meditsinskuyu-organizatsiyu-okazyvayuschuyu-psihiatricheskuyu-pomosch-v-statsionarnyh-usloviyah-st> (дата обращения: 26.01.2024).

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.// СПС «КонсультантПлюс».

9. Манукян А.Р. Совершенствование уголовной ответственности за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях // СПС «КонсультантПлюс».

10. Медицинское уголовное право: монография / отв. ред. А.И. Парог. М.: Проспект, 2022. 576 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

К ВОПРОСУ О БАЛАНСЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется проблематика института административной преюдиции в уголовном праве с позиций соответствия между его последовательным закреплением в российском уголовном законодательстве в последнее десятилетие и вопросом о соблюдении баланса частных и публичных интересов при реализации ключевых направлений уголовной политики государства.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовное право, состав преступления, уголовная ответственность, административная ответственность.

Институт административной преюдиции в российском уголовном праве в последнее десятилетие остается не только одним из самых очевидных трендов уголовной политики государства, но и, как следствие, активно дискутируемой проблемой в уголовно-правовой доктрине.

Прежде чем перейти к анализу аспекта, заявленного в названии статьи, имеет смысл кратко остановиться на истории вопроса. В предшественнике действующего УК РФ – УК РСФСР 1960 г. содержалось значительное количество норм с административной преюдицией. Их удельный вес составлял почти десятую долю от общего объема статей Особенной части. Вместе с тем на момент принятия и вступления в силу УК РФ 1996 г. противоположений о преступлениях с административной преюдицией он не содержал вообще. Одно из наиболее адекватных объяснений такого концептуального изменения состояло в том, что законодатель целенаправленно исключил данный институт из уголовного права, обозначив таким образом принципиальную разницу между преступлениями и административными правонарушениями с точки зрения качественно иного характера и степени их общественной опасности.

Поскольку подробный анализ истории возвращения института административной преюдиции в российское уголовное законодательство не представляется целесообразным в рамках данного исследования, отметим лишь, что на конец 2023 года в действующем уголовном законе содержалось уже 29 статей Особенной части с административной преюдицией.

Отправной точкой в новейшей истории рассматриваемого института стало Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009 г., в котором Д.А. Медведев, в частности, отметил, что «в уголовном законе следует шире использовать так называемую административную

преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения» [6]. Именно в 2009 г. в УК РФ появляется первая статья, сконструированная по принципу административной преюдиции.

Еще одним стимулом для законодателя к дальнейшему развитию института административной преюдиции в уголовном законе стали следующие слова, озвученные В.В. Путиным в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 г.: «Прошу Государственную Думу поддержать предложения Верховного Суда России о декриминализации ряда статей Уголовного кодекса и перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние ... особое внимание необходимо обратить на принципиальность внесения поправок, касающихся привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших повторное административное правонарушение» [5].

Таким образом, уже сама история возвращения рассматриваемого института в российское уголовное законодательство определенным образом отражает суть вопроса о балансе частных и публичных интересов.

Более значимый аспект, который следует рассмотреть в рамках данной публикации, состоит в том, насколько обоснованным является столь явно наметившийся в уголовной политике российского государства тренд. Вопрос: насколько оправдана сама идея о перерастании в преступление ситуации совершения лицом двух или более тождественных административных правонарушений?

С одной стороны, закрепление в УК составов преступления с административной преюдицией основано на том, что лицо, совершившее подобное деяние, становится более общественно опасным, поскольку вследствие применения более мягкого вида юридической ответственности у него возникает чувство определённой безнаказанности, и увеличиваются риски повторения соответствующего поведения. Таким образом, административная преюдиция в уголовном праве становится инструментом, посредством которого государство демонстрирует данным лицам недопустимость подобных повторений. Однако этот подход встречает достаточно резкую критику в уголовно правовой доктрине. В частности, Р.А. Сабитов указывает, что криминализация деяния в связи с общественной опасностью личности «есть отступление от принципа ответственности за виновное совершение предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния (ст. 5 УК РФ), ведущее к реакционной теории «опасного состояния личности» [7]. Нельзя не признать, что выдвинутый тезис является в определенной степени справедливым, и при желании, солидаризируясь с его автором, в

последовательном закреплении в УК РФ составов преступлений с административной преюдицией можно усмотреть выраженный дисбаланс между частным и публичным интересом в сторону придания большей значимости последним.

Своего рода концептуальное обоснование правомерности и целесообразности данного вектора уголовной политики государства сформулировал Конституционный суд РФ в Постановлении, в котором, в частности, указывается, что «возможность такого – дуалистического – подхода к использованию административной и уголовной ответственности для борьбы с теми или иными правонарушениями обусловлена тем, что, будучи разновидностями юридической ответственности за совершение деяний, представляющих общественную опасность, они имеют схожие задачи, базируются на рядоположенных принципах, преследуют общую цель защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка и, по сути, во многом дополняют друг друга. Именно этим объясняется наличие в правовом регулировании смежных составов административных правонарушений и преступлений, что – принимая во внимание возможность изменения степени общественной опасности некоторых деяний – не исключает законодательной корректировки их противоправности, предполагающей допустимость преобразования составов отдельных административных правонарушений в составы преступлений и наоборот» [1].

В качестве еще одного аргумента противников института административной преюдиции в уголовном праве выступает позиция о нарушении принципа «non bis in idem» (никто не должен дважды нести наказание за одно деяние). Представляется, что данный аргумент безоснователен, так как при квалификации преступления с административной преюдицией имевший место ранее факт привлечения лица к административной ответственности выступает лишь условием его привлечения уже к уголовной ответственности. При этом постулируется, что за новое деяние лицо не должно быть подвергнуто еще и административному наказанию наряду с уголовным.

Данный аспект также исследовался Конституционным Судом РФ в указанном выше Постановлении. На примере ст. 212.1 УК РФ (Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования) Конституционный Суд четко артикулировал невозможность наступления уголовной ответственности за те нарушения, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию.

Несмотря на очевидность изложенной выше позиции о том, что конструкция составов преступлений с административной преюдицией в уголовном праве не может поколебать принцип «non bis in idem», в правоприменительной практике последних лет нередки случаи, когда

осужденные обжаловали приговоры по соответствующим статьям УК РФ, ссылаясь на то, что они были привлечены одновременно и к административной, и к уголовной ответственности за совершение одного правонарушения. Суды последовательно отказывают в удовлетворении жалоб по данному основанию и отмечают, что при квалификации преступления учитывалось не само по себе административное правонарушение, совершенное ранее, а состояние административной наказанности лица (см., например, Постановление Омского областного суда от 13 мая 2021 г. по делу № 22-1266/2021 [3]; Постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 22 июля 2020 г. по делу № 22-521/2020 [2]; Постановление Мурманского областного суда от 15 сентября 2020 г. по делу № 22-1070/2020 [4]).

Отмеченные в настоящей статье аспекты, отражающие проблематику баланса частных и публичных интересов при закреплении института административной преюдиции в УК РФ и в практике применения соответствующих статей Особенной части, безусловно, не исчерпывают указанную проблематику в целом. Однако изложенное вполне позволяет утверждать, что данный институт, с одной стороны, обеспечивает публичный интерес, состоящий в необходимости противодействия устойчивому правонарушающему поведению, а с другой стороны, не колеблет основных постулатов уголовного права, обеспечивающих возможность привлечения к уголовной ответственности лишь за виновные общественно опасные деяния в соответствии с принципом «non bis in idem».

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 24.02.2024 г.).
2. Постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 22 июля 2020 г. по делу № 22-521/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/565545792> (дата обращения: 24.02.2024 г.).
3. Постановление Омского областного суда от 13 мая 2021 г. по делу № 22-1266/2021 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/607195477> (дата обращения: 24.02.2024 г.).
4. Постановление Мурманского областного суда от 15 сентября 2020 г. по делу № 22-1070/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/566235045> (дата обращения: 24.02.2024 г.).
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. «Послание Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542> (дата обращения: 24.02.2024 г.).
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. «Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31381> (дата обращения: 24.02.2024 г.).
7. Сабитов Р.А. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Челябинского государственного ун-та. Серия: Право. 2019. Т. 4. № 1. С. 85.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ОХРАНЯЕМЫЕ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются охраняемые законом интересы как предмет судебной защиты, всесторонне исследованные Р.Е. Гукасяном в монографии «Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве», в отношении такого субъекта права, как несовершеннолетний. Обосновывается положение о том, что защита прав и законных интересов несовершеннолетних должна быть обеспечена не только при рассмотрении семейных или гражданских дел, но и при защите публичных интересов в порядке административного судопроизводства, при рассмотрении экономических споров, например по делам о банкротстве их законных представителей. Особый порядок защиты интересов несовершеннолетних предусмотрен в рамках уголовного судопроизводства.

***Ключевые слова:** несовершеннолетние, право на судебную защиту, гражданский процесс, административное судопроизводство.*

Интересы несовершеннолетних составляют не только самостоятельный предмет судебной защиты наряду с правами, но и входят составной частью в предмет защиты по многим категориям дел. Поэтому важно определить, что представляет собой интерес как предмет судебной защиты.

Монография Рафаэля Егишевича Гукасяна «Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве», опубликованная более 50 лет назад, не только не утрачивает своей актуальности сегодня, но и позволяет давать свое толкование и осмысление исследованных положений. В настоящей статье рассмотрим охраняемые законом интересы как предмет судебной защиты такого субъекта права, как несовершеннолетний.

Как утверждал Р.Е. Гукасян, предметом судебной защиты выступает не любой, а только охраняемый законом интерес. В широком смысле понятие «охраняемые законом интересы» охватывает как интересы, опосредствованные в субъективных правах, так и интересы, не имеющие такого опосредования. Поэтому вполне правомерно употребление термина «защита интереса» в тех случаях, когда речь идет о защите субъективного права. Под охраняемыми законом интересами в узком смысле следует понимать только те интересы, которые не опосредствованы субъективными правами (не являются элементом правоотношения), но взяты законодателем под правовую охрану с использованием иных форм и средств правовой охраны, чем предоставление его носителю субъективного материального права. Охраняемые законом интересы – это интересы, взятые законом под свою охрану не путем предоставления их носителям субъективных материальных прав, а предоставлением им (или

же другим лицам) права прибегнуть к судебной или иным формам защиты [3, с. 41–42].

Конституция РФ, закрепляющая положение о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38), предопределяет необходимость во всех правоотношениях признавать приоритет защиты интересов ребенка. Государство прежде всего заинтересовано в том, чтобы соблюдались права и законные интересы детей. С одной стороны, защита прав и законных интересов ребенка должна осуществляться совместно законными представителями, органом опеки и попечительства, прокурором и судом, поскольку несовершеннолетний самостоятельно не может защитить свои права в суде. С другой стороны, право на судебную защиту означает не только возможность обратиться в суд, но и воспользоваться самой процедурой рассмотрения дела, обеспечив тем самым защиту интересов несовершеннолетних.

Охраняемыми законом могут быть любые по своему содержанию интересы только при условии, что государство с помощью правовых средств гарантирует их реализацию [3, с. 214], поэтому важно, чтобы законодательно был предусмотрен особый порядок судебной защиты охраняемых законом интересов несовершеннолетнего.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних предусмотрена не только при рассмотрении семейных или гражданских дел, но и при защите публичных интересов в рамках административного судопроизводства, при рассмотрении экономических споров, например по делам о банкротстве их законных представителей. Особый порядок защиты интересов несовершеннолетних предусмотрен и в порядке уголовного судопроизводства.

Безусловно, защита интересов ребенка закреплена, прежде всего, в нормах семейного законодательства. Так, в ст. 1 СК РФ прямо предусмотрено положение о том, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних. Ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов, которая осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), органом опеки и попечительства, прокурором и судом. При этом родители не вправе представлять интересы своих детей, если будет установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В случае разногласий орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей.

Защита семейных прав и законных интересов ребенка осуществляется по правилам гражданского судопроизводства. СК РФ прямо закрепляет положения о том, что, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей, в суде рассматриваются дела об определении места жительства детей; об устранении препятствий к общению с ребенком; о восстановлении в

родительских правах; об отобрании ребенка у родителей и др. В интересах ребенка орган опеки и попечительства вправе предъявить иск о лишении родителей (одного из них) родительских прав. Суд принимает меры к защите интересов ребенка при расторжении брака; или, например, вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, исходя из интересов их несовершеннолетних детей. Вместе с тем обязательный учет мнения ребенка при рассмотрении любого спора, затрагивающего его права и законные интересы, не получил законодательного закрепления.

Интерес несовершеннолетних является предметом исследования и в порядке административного судопроизводства. Так, например, интересы несовершеннолетних могут стать предметом судебной защиты при рассмотрении административного дела об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами (гл. 21 КАС РФ). Необходимо отметить особый порядок нормоконтроля в отношении защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, поскольку нормативно-правовой акт должен быть исследован не только с точки зрения его законности, а, в первую очередь, целесообразности и эффективности в отношении защиты прав и охраняемых законом интересов детей.

Анализ судебной практики показывает, что защита интересов несовершеннолетних возможна в соответствии с положениями гл. 22 КАС РФ в связи с рассмотрением требований о выделении им доли в имуществе, приобретенном за счет средств материнского (семейного) капитала; о признании незаконным бездействия органов местного самоуправления, выраженного в непринятии мер по обеспечению инженерно-техническими коммуникациями земельных участков в защиту интересов многодетных семей; с обжалованием отказа в лекарственном обеспечении несовершеннолетних региональными органами власти в сфере здравоохранения; об организации предоставления общедоступного образования путем строительства образовательных учреждений и др.

В порядке КАС РФ осуществляется судебный контроль за соблюдением прав и свобод несовершеннолетних. Глава 27.1 КАС РФ регулирует судебный порядок признания информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Поскольку в настоящее время для несовершеннолетних пространство «Интернет» нередко заменяет реальную жизнь, и они буквально «живут» в нем, то источником размещения информации, которая запрещена к распространению, может легко стать ребенок, который либо не знает соответствующих норм закона, либо в силу своей психологической незрелости пытается таким образом заявить о себе. Поэтому важно не только оперативно ограничивать доступ

несовершеннолетних к незаконной информации, но и закрепить порядок предварительной защиты от получения причиняющей вред информации. Ведь ребенок не может сам осознанно осуществлять выбор получаемой информации. Безусловно, контроль за распространением информации должен иметь постоянный характер как в семье, где создаются условия для воспитания и развития ребенка, так и со стороны государства, устанавливая законодательные ограничения и запреты по распространению информации.

Правило о помещении иностранных граждан, подлежащих депортации или реадмиссии, закрепленное в гл. 28 КАС РФ, нередко касается всей семьи в целом, в состав которой могут входить и несовершеннолетние дети. Получается, что в этих случаях все члены семьи выступают административными соответчиками, а значит, для защиты прав несовершеннолетних нужен специальный порядок.

Необходимо отметить и особый порядок защиты интересов несовершеннолетних при оказании медицинской помощи. КАС РФ регулирует судебный порядок госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь (гл. 30), в медицинскую противотуберкулезную организацию (гл. 31) и защиту интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства (гл. 31.1).

Непосредственное правовое закрепление вопросов, связанных с оказанием медицинской помощи, осуществляет Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах здоровья граждан»), который декларирует приоритет охраны здоровья детей как один из принципов охраны здоровья (ст. 4). Установлено, что государство признает охрану здоровья детей как одно из важнейших и необходимых условий физического и психического развития детей. Дети независимо от их семейного и социального благополучия подлежат особой охране, включая заботу об их здоровье и надлежащую правовую защиту в сфере охраны здоровья, и имеют приоритетные права при оказании медицинской помощи. Медицинские организации обязаны признавать и соблюдать права детей в сфере охраны здоровья [5, с. 202–231]. Законодательное закрепление прав несовершеннолетних в сфере охраны здоровья предполагает обеспечение реализации этих прав государственными гарантиями, а также судебную защиту этих прав в случае их ограничения, нарушения или создания препятствия к осуществлению.

Представляется, что необходимо дополнительное исследование положений гл. 30 КАС РФ о госпитализации несовершеннолетнего в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, поскольку возникают вопросы о том, является ли дополнительной гарантией для несовершеннолетних положение закона о

том, что помещение в психиатрический стационар с 15 лет возможно только с согласия несовершеннолетнего или сможет ли получить медицинскую помощь без своих законных представителей 15-летний несовершеннолетний, который нуждается в этой помощи? Насколько можно полагаться на добровольное информированное согласие несовершеннолетних, достигших 15 лет, могут ли они самостоятельно принимать решение о своем лечении, выбирать методы, лекарства и т.д.? Ведь сам несовершеннолетний не может уклоняться от лечения или давать согласие на добровольную госпитализацию. Поэтому административным ответчиком во всех случаях выступают его законные представители, которые в той или иной форме противодействуют медицинскому вмешательству, но при этом наряду с публичным интересом, судебной защите подлежит и право ребенка на охрану его жизни и здоровья. При этом сам несовершеннолетний не является лицом, участвующим в деле, хотя именно его правовое положение устанавливается судом, а при госпитализации решается вопрос о его праве на свободу и личную неприкосновенность. Безусловно, в случае помещения несовершеннолетнего в психоневрологический стационар, должно применяться правило ст. 277 КАС РФ об обязательном представителе. Аналогично должен решаться вопрос и в других случаях оказания медицинской помощи, тем более что иные болезни не влияют на психическое и умственное состояние, а значит, важно узнать и позицию самого ребенка, выяснить причины, по которым законные представители препятствуют его лечению.

При рассмотрении вопроса о госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию трудно утверждать, что несовершеннолетний, больной заразной формой туберкулеза, может взять на себя ответственность за неоднократное нарушение санитарно-противоэпидемического режима либо умышленное уклонение от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза. Законные представители до достижения ребенком 18 лет обязаны заботиться о его здоровье, физическом, психическом развитии (ч. 1 ст. 63 СК РФ), поэтому положения ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» идут вразрез с положениями семейного законодательства и здравым смыслом.

Не менее значимыми являются и вопросы защиты интересов несовершеннолетних в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения его жизни (гл. 31.1 КАС РФ). Законодательное закрепление специального процессуального порядка рассмотрения таких дел обеспечивает защиту интересов несовершеннолетних до достижения 15-летнего возраста, когда они не могут самостоятельно выразить добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство, а их законные представители от

такого вмешательства отказываются, действуя при этом не в интересах детей [1, с. 379–387]. Однако остается не решенным вопрос о том, в каком порядке следует рассматривать заявление медицинской организации, если сам несовершеннолетний, достигший установленного законом возраста на добровольное информированное согласие, отказывается от медицинского вмешательства.

В КАС РФ были введены новые главы, регулирующие судебный порядок помещения несовершеннолетнего в центр временного содержания (гл. 31.2) и в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (31.3). Представляется, что, решая вопрос о помещении несовершеннолетнего в эти учреждения, суд должен определить и своеобразную меру воздействия на родителей, ведь, по сути, они на определенный срок лишаются своих родительских прав.

Следует отметить, что далеко не все спорные ситуации, возникающие из правоотношений, имеющих публично-правовую природу, подлежат разрешению в порядке административного судопроизводства. Так, например, нельзя не отметить публично-правовой характер дел, рассматриваемых в рамках гражданского судопроизводства: о признании незаконным акта об отобрании ребенка; о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании Международного договора РФ (гл. 22.2 ГПК РФ); о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении (гл. 37 ГПК РФ); о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния (гл. 36 ГПК РФ). В делах о лишении родительских прав не ребенок хочет прекратить родительские права, а государство применяет эту меру ответственности для обеспечения интересов ребенка [6, с. 13–17].

Вызывают вопросы и рекомендации, направленные Верховным Судом РФ по категориям гражданских дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции в исковом порядке, содержащиеся в письме от 5 ноября 2015 г. № 7-ВС-7105/15 (далее – письмо Верховного Суда РФ), которые разъясняют подсудность семейных дел и дел о защите прав детей. С одной стороны, в письме Верховного Суда РФ указано, что критерием правильного определения вида судопроизводства, в котором подлежат защите права и свободы гражданина, оспаривающего решения, действия (бездействие) органа власти, является характер правоотношений, который предопределяется не только участием в них в качестве одного из субъектов таких органов, но и тем, что участники таких правоотношений не обладают равенством и один из них наделен властными полномочиями по отношению к другому. С другой стороны, судам дается разъяснение, в соответствии с которым в порядке гражданского судопроизводства должны быть рассмотрены, например, такие категории дел, связанные с защитой прав и интересов детей, как: о признании недействительным (незаконным) решения комиссии по жилищным правам детей-сирот и детей, оставшихся

без попечения родителей; о признании недействительными (незаконными) актов органов опеки и попечительства и др. Действительно, требования о признании незаконным (отмене) постановления органов опеки и попечительства о заключении договоров доверительного управления имуществом подопечных, а также о выдаче (отказа в выдаче) разрешений на совершение сделок с имуществом подопечных является реализацией имущественных прав несовершеннолетних, поэтому такой спор должен быть рассмотрен в порядке гражданского судопроизводства. Но по всем остальным категориям дел участники правоотношений точно не обладают равенством, и один из них наделен властными полномочиями по отношению к другому [4, с. 15–23].

При рассмотрении всех перечисленных дел в суде необходима активная роль суда в защите права и обеспечение дополнительных гарантий «слабой» стороны в процессе, которой является несовершеннолетний. Данные правоотношения имеют публично-правовую природу, поскольку принятым решением могут быть нарушены или оспорены права, свободы и законные интересы несовершеннолетних и (или) их законных представителей, созданы препятствия к осуществлению их прав или незаконно возложены на них какие-либо обязанности (запреты или ограничения), что и составляет предмет административного судопроизводства. В случае спора с властью именно органы, наделенные публичными полномочиями, должны доказывать законность оспариваемого решения или совершенного оспариваемого действия (бездействия), а не истец, которым является законный представитель, действующий в интересах несовершеннолетнего. Судебная защита прав и законных интересов несовершеннолетних в этих случаях имеет меньше шансов, чем, например, защита лиц, полагающих, что нарушены условия их содержания под стражей или содержания в исправительном учреждении, предусмотренная ст. 227.1 КАС РФ [2, с. 169–190].

Законные интересы несовершеннолетнего являются предметом судебной защиты и в арбитражном процессе при банкротстве их законных представителей. При разрешении требования об оспаривании соглашения об уплате алиментов в рамках банкротства законных представителей, с одной стороны, суд оценивает достаточность размера алиментов для удовлетворения разумных потребностей ребенка, а с другой – не используется ли институт алиментных обязательств недобросовестными участниками гражданского оборота с целью лишить кредиторов возможного к взысканию имущества. Анализ законодательства о банкротстве показывает, что необходимо закрепить дополнительные гарантии имущественных прав ребенка, например в части увеличения стоимости имущества гражданина, которое исключается из конкурсной массы, для обеспечения достойного уровня жизни ребенка и удовлетворения его разумных потребностей после завершения процедуры

банкротства. Кроме того, следует предусмотреть порядок признания задолженности безнадежной к взысканию и ее списание для несовершеннолетних – собственников имущества, законные представители которых были признаны в установленном порядке банкротами.

В правоприменительной практике возникают вопросы при исполнении обязанности несовершеннолетних по уплате налогов [7, с. 131–137]. Несовершеннолетние могут получить долю в праве собственности на недвижимость, приобретенную с использованием средств материнского (семейного) капитала, стать собственниками имущества в порядке наследования и т.д. Налоговый кодекс РФ устанавливает обязанность всех собственников платить налог на имущество (ст. 400), но не содержит отдельного положения, закрепляющего порядок уплаты налогов несовершеннолетними. В соответствии со ст. 80 СК РФ родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, но уплата налогов за имущество, находящееся в собственности несовершеннолетнего, не является реализацией обязанности по его содержанию. Более того, СК РФ не предусматривает обязанности родителей содержать имущество своих несовершеннолетних детей.

Охраняемые законом интересы несовершеннолетнего являются предметом судебной защиты и в порядке уголовного судопроизводства. Глава 50 УПК РФ регулирует порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения преступления возраста 18 лет. При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, наличие или отсутствие у несовершеннолетнего заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, проводится медицинское освидетельствование. Особые требования касаются допроса несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, обязательное участие в допросе его законных представителей, защитника, педагога или психолога.

Кроме того, если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший это преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания, то суд прекращает уголовное дело в отношении такого несовершеннолетнего и применяет к нему принудительную меру воспитательного воздействия или, постановив обвинительный приговор, освобождает несовершеннолетнего осужденного от наказания и направляет в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа до наступления совершеннолетия. Необходимо отметить, что вопросы, связанные с пребыванием

несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (досрочное прекращение, продление или восстановление срока пребывания, перевод в другое специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа), разрешаются в порядке гл. 31.3 КАС РФ.

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает особый порядок содержания несовершеннолетних заключенных, возможность отбывания наказания в воспитательных колониях, организацию учебно-воспитательного процесса. Вместе с тем гл. 29 КАС РФ, регулирующая производство об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, не содержит специальных правил в отношении несовершеннолетних. Статья 180 УИК РФ устанавливает только положение о том, что в случае освобождения от отбывания наказания несовершеннолетнего осужденного администрация учреждения, исполняющего наказание, уведомляет в указанные сроки о его предстоящем освобождении комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту его жительства. Представляется, что закрепление обязательного административного надзора в отношении несовершеннолетних имеет, прежде всего, превентивное значение и может положительно отразиться на его дальнейшей судьбе. Ведь дополнительные ограничительные меры направлены на недопустимость совершения повторных преступлений (например, ограничение посещения массовых мероприятий, пребывание в определенное время в общественных местах, установление обязательного посещения несовершеннолетним государственных органов, осуществляющих надзор и т.д.).

В заключение необходимо отметить, что анализ охраняемых законом интересов свидетельствует о необходимости дальнейшего развития теории юридического интереса в целом и особенно как предмета судебной защиты в отношении несовершеннолетних.

Список литературы

1. Административное судопроизводство в вопросах и ответах: учебное пособие / под общ. ред. А.А. Муравьева. М.: Проспект, 2020.
2. Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов: монография / отв. ред. Л.В. Туманова. М.: Проспект, 2023.
3. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008.
4. Жукова О.В. Некоторые вопросы унификации и дифференциации процессуального законодательства по делам с участием несовершеннолетних // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4. С. 15–23.
5. Очерки по правовым вопросам в сфере медицины: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023.
6. Туманова Л.В. О необходимости расширения сферы административного судопроизводства // Актуальные вопросы развития административного судопроизводства: Сб. материалов научно-практической конф. / Под общ. ред. А.Ю. Карташова. Тверь, 2016. С. 13–17.
7. Юстус О.И. Правовые основы для разрешения вопроса о взыскании налогов с законных представителей налогоплательщиков, не достигших совершеннолетия // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 131–137.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ СУДЕБНОГО АКТА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ф.Ф. Жуков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье автор рассматривает проблемы, связанные с отсутствием доктринального осмысления принципа своевременности судебного акта, соотношением его с доктриной правомерного ожидания, приводит примеры из судебной практики. Объектом исследования является реализация правомерного ожидания лица на своевременный судебный акт. Цель работы – обоснование важности данного принципа и его реализации при отправлении правосудия. Методы: диалектический, анализ, синтез. По результатам исследования сделан вывод о том, что принцип своевременности судебного акта на практике фактически не действует, даны предложения по его реализации в процессе совершенствования судебной системы и на уровне разъяснений высшего суда.

Ключевые слова: *своевременность, судебный акт, цивилистический процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, судебная защита, законные ожидания, правомерные ожидания.*

Юристы, интересующиеся римским правом, наверняка помнят выражение «*Qui jure suo utitur, nemini facit injuriam*» («Все, что человек делает для защиты самого себя, считается сделанным законно»). Правильность данного суждения сомнений не вызывает, несмотря на появившиеся с момента этого изречения новые концепции субъективного права.

Однако любая защита прав и охраняемых законом интересов должна соответствовать тем принципам, которые доктрина и законодатель применяют при отлаживании и настройке механизмов защиты. Здесь следует согласиться с мнением Р.Е. Гукасяна о том, что охраняемый законом интерес охраняется законом не путем наделения носителя интереса материальным субъективным правом, а путем предоставления ему права прибегнуть к судебной или иным правовым формам защиты [5, с. 179]. В рамках настоящей статьи нас будет интересовать судебная защита прав и охраняемых законом интересов, а ещё конкретнее – цивилистический процесс (т.е. производство по гражданским делам).

В чём должен быть результат такой защиты (итоговый, промежуточный, не суть)? Разумеется, в судебном акте (постановлении). Каким должен быть судебный акт? Формально к нему предъявляются только два требования: законность и обоснованность (ст. 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК) [2], ч. 4 ст. 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК) [1]).

Остальные требования к нему можно вывести как логичное последствие соблюдения в процессе многообразия принципов: законности (ст. 1 ГПК, ст. 6 АПК), гласности (ст. 10 ГПК, ст. 11 АПК), состязательности и равноправия сторон (п. 3 ст. 12 ГПК, ст. 8–9 АПК), и многих других.

Последние изменения в ГПК и АПК в части увеличения сроков перерывов и изготовления судебных актов, в совокупности с опытом автора участия в судебных разбирательствах подводят к мысли о том, что в Кодексах должно появиться ещё одно требование-принцип: своевременность судебного акта.

Из соображений профессиональной корректности автор не приводит номера и иные индивидуализирующие признаки дел и судебных споров: их анализ нас не интересует, нас интересует само по себе наличие таких дел.

Первый пример: участник общества, которого лишили корпоративного контроля, просит суд обязать ответчика предоставить истцу для ознакомления копии документов, сведений и данных бухгалтерского учета Общества за предшествующий подаче иска период.

Второй пример: участник общества пытается получить по суду выплату действительной стоимости доли после выхода из общества. За время рассмотрения дела другой кредитор просуживает задолженность и начинает банкротить должника. К моменту вступления в силу решения суда введено наблюдение, и бывший участник не попадает в реестр требований кредиторов со своей корпоративной задолженностью.

Третий пример: судья отказывает во введении обеспечительных мер в отношении имущества юридического лица. Истец подает заявление об обеспечении повторно, когда уже состоялось первое заседание и суд более-менее разобрался с тем, что ответчик несколько некорректно ведет себя по отношению к должнику. Суд вводит запрет на регистрационные действия. Но имущество уже продано.

О чем это говорит? Доктрина и Конституционный суд Российской Федерации достаточно глубоко проработали вопрос о принципе оперативности судебного разбирательства (или процессуальной экономии) [3, 6]. Однако оперативность судебного разбирательства всё-таки инспирирована процедурными вопросами. Своевременность акта – это проблема момента, т.е. судебный акт должен быть принят в надлежащий момент, нужный момент, вовремя, кстати. Обеспечивается эта своевременность тем, что правоотношения, в которых участвует лицо, собирается вступать в них, или наоборот, прекратить, были актуальны. Тогда можно будет говорить, что принятый по делу судебный акт действительно может повлиять на эти правоотношения либо у лица будет четкое понимание, что у суда иное мнение (выраженное, разумеется, в судебном акте).

Чтобы не усложнять прокрустово ложе сборника диаграммами и кругами Эйлера, достаточно вспомнить популярную в массовой культуре дихотомию: «Ожидание – реальность».

Применительно к рассматриваемым случаям это будет выглядеть следующим образом.

В первом случае ожидание таково: своевременным для истца считался бы такой судебный акт (вступившее в силу решение, не отмененное и не измененное апелляционной инстанцией), который бы позволил не заявлять истцу требования за следующий календарный год. Добившись в суде акта о получении документов, проведя на их основании расчеты, участник общества мог выйти с иском о взыскании дивидендов и (или) исключении участников из общества. Реальность: пока суд рассматривал дело, период, за который истец не получал документов, с трех лет увеличился до шести, общество ушло в процедуру ликвидации, и к моменту оглашения резолютивной части решения документы по заявленным требованиям истца не интересовали.

Во втором случае ожидание: своевременным считался бы такой судебный акт, который бы, вступив в силу, позволил вышедшему из общества участнику наложить арест на имеющиеся активы должника до введения процедуры наблюдения, взыскать хотя бы какие-то деньги, а потом надеяться, что, когда «реестровые» кредиторы получат удовлетворение, ему тоже достанется хотя бы мизерная часть конкурсной массы.

В приведённых выше двух первых случаях можно возразить, что закон даёт лицу, права которого нарушены, такие инструменты, как привлечение виновных лиц к субсидиарной ответственности в рамках как процедуры банкротства (ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», так и без такового (ст. 61.19 данного закона). Однако в ответ здесь можно только иронизировать о том, как же быть с принципом экономии и оперативности – как первый случай, так и второй требуют больших временных и трудовых затрат как суда, так и участников.

Третий случай – самый интересный. Истец ожидает, что его заявление об обеспечении иска суд либо удовлетворит, либо откажет. Если будет отказ, из текста определения истец может понять, что нужно, чтобы требование было удовлетворено (конкретизировать, какое имущество подлежит аресту, внести встречное обеспечение, привести более конкретные обстоятельства, затрудняющие исполнение судебного акта в случае удовлетворения иска, и так далее). И если в судах общей юрисдикции определения об обеспечении иска (или об отказе в обеспечении) не публикуются, т.е. истец может выиграть время и подать заявление об обеспечении иска ещё раз, пока ответчик не ознакомится с делом, то арбитражные суды практически незамедлительно после

принятия соответствующего определения публикуют заявление об обеспечении иска (или об отказе в них).

Всё указанное нами – как раз пример несовпадения таких ожиданий и реальности, которое выражается в том, что эффект от судебного акта нулевой или стремится к этой отметке, судебный акт становится ненужным, в сознании «потерпевшего» лица правосудие девальвируется. В практике автора статьи имеются случаи, когда стороны не приходили за судебными актами и исполнительными листами, не получали их по почте и не изучали в ГАС «Правосудие» или в Картотеке арбитражных дел по причине ненадобности.

Но что в таком случае можно принять за «надлежащее» ожидание субъекта, которое закон может и должен охранять? Одному субъекту хотелось бы, чтобы суд рассмотрел и вынес решение по спору в течение дня со дня поступления иска. А другому хотелось бы, чтобы процесс тянулся как можно дольше, поскольку всё это время в отношении оппонента будет начисляться неустойка.

Ответ на этот вопрос заставляет нас обратиться к доктрине законного (правомерного) ожидания (защиты доверия), которая пока не нашла своего отражения в отечественном законодательстве, в отличие от законодательства зарубежного (например, немецкого или английского), но постепенно пробивает себе путь в судебной практике [4] и юридической литературе [9]. Законное ожидание может определяться в следующем виде: если лицо полагалось на момент вступления в публичные правоотношения на конкретное поведение носителя публичной власти, то государство (в нашем случае – суд) обязано учитывать эти правомерные ожидания лица в своей деятельности, но в пределах, в каких это прямо не противоречит более значимым общественным интересам [12]. Аналогичное по смыслу определение применимо к законному ожиданию в частных правоотношениях, в которых лицу противостоит уже не государство, а частные лица.

Следует оговориться, что само правомерное ожидание в цивилистическом процессе не исчерпывается только ожиданием своевременности, это категория намного более широкая и многогранная (лица много чего вправе ожидать от судов: профессионализма, эмпатии по социальным и семейным спорам, доступности и понятности процесса и т.д.).

Таким образом, своевременный судебный акт – это такой судебный акт, который является не просто законным, обоснованным. Это судебный акт (постановление), принятый в соответствии с формальными требованиями процессуального законодательства и удовлетворяющий правомерные ожидания участника спора относительно сроков и результата рассмотрения дела или разрешения отдельного (частного) вопроса, которые позволят на основании указанного судебного акта полностью или

частично реализовать свои права и законные интересы в рамках спорного правоотношения.

Приведенные выше нами примеры – там, где ожидания имели истцы – были даны как наиболее показательные и релевантные обсуждаемой теме. Данное правило в полной мере применимо и к другим участникам судопроизводства. В подтверждение можно привести примеры в отношении ответчика и третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора.

Истец – уволенный работник подаёт иск к ответчику – бывшему работодателю о восстановлении на работе, взыскании компенсации за вынужденный прогул и морального вреда. Пока суд принимал, назначал к рассмотрению и рассматривал иск, истец нашёл новую работу, но колебался, выходить или нет, пока дело не будет рассмотрено. Работодатель не мог никого принять на должность, ранее занятую работником, поскольку опасался, что работник будет восстановлен (хотя, разумеется, работодатель этого не желал). В какой момент наступала бы своевременность? Для каждого – в свое время. Для истца – в тот момент, когда суд заявил, что видит нарушения в связи с увольнением (работник не был ознакомлен с приказом об увольнении под роспись). Для ответчика – в момент первого судебного заседания, когда он мог бы просто признать иск, поскольку в нем уже содержалась информация, что приказ работнику не предоставлялся. Однако ответчик представлял дополнительные доказательства, обеспечивал явку свидетелей, а судья в целях состязательности предоставлял ответчику такую возможность.

Банк выдал независимую гарантию подрядчику по договору. Заказчик в одностороннем порядке отказался от договора, заявил к взысканию с подрядчика штраф, а также предъявил требование банку. Подрядчик, хотя и понимая, что отказ заказчика правомерен, обратился в суд за оспариванием одностороннего отказа заказчика, чтобы успеть вывести активы и «бросить» юридическое лицо на номинального участника-директора. По требованию подрядчика суд наложил обеспечительные меры в виде приостановления взыскания по независимой гарантии. У банка, привлеченного к участию в деле в качестве третьего лица на стороне истца, было законное ожидание, что суд в отсутствие весомых доказательств откажет в иске как можно скорее, чтобы, соответственно, были сняты обеспечительные меры и можно было уплатить гарантию и проценты. Однако разбирательство продолжалось, в отмене обеспечительных мер банку отказали как нарушающему законные интересы истца. Результат: банк уплатил и основной долг, и проценты за весь срок по дате вступления решения суда в законную силу, но взыскать их в порядке регресса с уже неплатежеспособного должника, разумеется, не смог. В какой момент наступала бы своевременность? В тот момент,

когда у суда были все основания вынести решение, но по каким-то причинам дело продолжилось.

Кто в таком случае должен быть инициатором того, чтобы суд оправдал правомерные ожидания? Представляется, учитывая сугубо субъективный характер правомерного (законного) ожидания, инициатива всегда должна исходить от лица. Судейский «активизм» здесь видится излишним. Роль судьи – понять, в какой момент для участника может стать «поздно» и принять все меры для того, что судебный акт был принят своевременно.

Ряд авторов, в частности О.Н. Шерстобоев, связывают правомерное ожидание с доверием к суду и вообще органу власти [11], т.е. субъект открыт, уверен в порядочности суда или иного органа. Мы не берёмся спорить с данным суждением на общетеоретическом уровне, но строго в рамках цивилистического процесса, если брать частные (и многочисленные) случаи в объективной реальности, догму можно оспорить. Исходя из своих субъективных соображений, лицо не всегда может доверять суду [10], но оно всегда имеет ожидание, по его мнению, должного, несмотря на недоверие. Более того, если у суда есть право не доверять лицу, почему оно не должно делать то же самое в отношении суда? Полагаем, что здесь нужно говорить о процессуальном стандарте: сторона должна объяснить судье, почему ей очень важно, чтобы судебный акт был принят в определенное время или период; у нее есть для этого все необходимые доказательства; имеющиеся доказательства по существу дела позволяют рассмотреть его по существу или спрогнозировать условия и момент такого рассмотрения. При достижении данного стандарта судья должен оправдать правомерные ожидания стороны, даже если имеется недоверие.

Интересный вопрос: является ли обсуждаемый принцип универсальным для всех судебных инстанций? Полагаем, что, скорее, нет. Можно уверенно говорить, что в первой инстанции – да, в апелляционной инстанции – да. Относительно судопроизводства в кассационной и надзорной инстанциях можно предположить, что тоже – да, но в усеченном виде: все обстоятельства дела уже установлены и оценены и сторона не может приводить новые доводы; производство в судах первой и апелляционной инстанции, как правило, занимает намного больше времени, чем в кассационной и надзорной инстанциях, и совпадение или несовпадение ожидания и судебной реальности скорее всего уже произошло; кассационное и надзорное обжалование в Верховном Суде Российской Федерации имеет фидерный характер и для лица добиться передачи жалобы в соответствующую Судебную коллегия или Президиум – уже оправдание ожиданий, пусть и несколько иных по сравнению с теми, которые у него были в процессе на ранних стадиях; если в доктрине и законодательстве достаточно четко определены функции судов первой и

апелляционной инстанций, то в отношении функций высших инстанций понимания нет до сих пор [7, 8].

Как данный принцип может быть реализован? Как ни странно, но для этого не нужно менять законодательство, чтобы решить проблему (по наблюдениям автора, если в цивилистическом процессе возникает какая-то проблема, то непременно нужно вносить изменения в ГПК или АПК). Ожидания оправдываются по мере совершенствования судебной системы в целом: ускорение и автоматизация процессов, снижение бюрократии, повышение профессионального уровня судейского корпуса, решение кадровых вопросов, и т.д. Значительную роль в этом может сыграть и Пленум Верховного Суда Российской Федерации - на уровне Постановлений или обзоров судебной практики.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2022 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 05.01.2024) // СПС «Консультант плюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2022 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // СПС «Консультант плюс».
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.10.2015 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.И. Карабанова и В.А. Мартынова» // СПС «Консультант плюс».
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.10.2023 г. № 2710-О «По запросу мирового судьи судебного участка № 1 Верхнепышминского судебного района Свердловской области о проверке конституционности части 1 статьи 157 Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».
5. Лукасян Р.Е. Охраняемый законом интерес как предмет судебной защиты // Ученые труды Саратовского юрид. ин-та. Саратов, 1969. Вып. 3. С. 166–179.
6. Изотов Ю.Г. Принцип процессуальной экономии // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1216–1217.
7. Князькин С.И. Экстраординарный характер деятельности надзорной судебной инстанции в гражданском и арбитражном процессе России. М.: Инфотропик Медиа, 2015 // СПС «Консультант плюс».
8. Кожемяко А.С. Кассационное производство в арбитражном суде: теория и практика. М.: Городец, 2004 // СПС «Консультант плюс».
9. Кондрашова М.А. Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 199–214.
10. Лазарев С.В. Судебное управление движением дела. М.: Статут, 2022 // СПС «Консультант плюс».
11. Шерстобоев О.Н. Защита законных ожиданий - основополагающий принцип административного права // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 21–26.
12. Richter K. «Compensable Regulation in the Federal Republic of Germany». Arizona Journal of International and Comparative Law. 1988. P. 34–65.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ЗАКУПКИ

О.Н. Замрий

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется развитие цифровизации сферы закупок и возникающие в связи с этим проблемы и ошибки, влекущие нарушение прав и законных интересов участников закупки. Приводятся примеры типичных ошибок, допускаемых Заказчиками при размещении извещения и формирования заявки в Единой информационной системе. А также отмечены возможности обеспечения защиты прав и законных интересов участников закупки.

Ключевые слова: заявки в структурированном виде, защита прав и законных интересов, административная ответственность.

С 1 октября 2023 г. извещение и заявку участники закупок формируют в цифровом виде, это происходит с использованием Единой информационной системы, где указываются функциональные, технические, качественные и эксплуатационные характеристики объекта закупки.

Постановлением Правительства РФ от 27 января 2022 г. № 60 «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по организации в ней документооборота, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» были установлены требования к формам и порядку формирования и размещения информации и документов в Единой информационной системе на электронных площадках.

Согласно ст. 8 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок.

При этом Заказчиками при размещении извещения и формирования заявки в ЕИС стали допускаться ошибки, связанные с установлением противоречивых требований к характеристикам объекта закупки в извещении и приложенных электронных документах, также не предоставляется техническая возможность выбора значения конкретной характеристики товара. Направление Заказчику, Оператору электронной площадки запроса о даче разъяснений положений документации о закупке не всегда дает возможность устранить выявленные противоречия.

В связи с этим складывается разная практика при рассмотрении и принятии Заказчиком решений по отклонению или нет поданных заявок

участников. Это может приводить к нарушению их прав и законных интересов.

Направление жалобы в Федеральную антимонопольную службу может стать способом защиты интересов участника закупки, а главное, позволит избежать повторения данных нарушений вновь.

Процедура обжалования в сфере закупок состоит из следующих последовательных шагов. Первый шаг – подготовка участником закупки жалобы и ее направление в уполномоченный орган. При проведении электронных процедур жалоба может быть подана исключительно с использованием единой информационной системы путем формирования и размещения в этой системе информации с указанием установленной информации о закупке.

Второй шаг – предварительное рассмотрение жалобы. На этом этапе уполномоченным органом осуществляется, не позднее двух рабочих дней в реестре информации о принятии жалобы к рассмотрению по существу с указанием даты, времени и места ее рассмотрения, о возможности использования систем видео-конференц-связи или об отказе (с обоснованием такого отказа) в принятии жалобы к рассмотрению по существу

Далее осуществляется рассмотрение жалобы по существу. При рассмотрении информации о признаках нарушения законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок как правило проводится внеплановая проверка в части действий Заказчика, Оператора специализированной электронной площадки. По результатам рассмотрения жалобы по существу при принятии решения о признании жалобы обоснованной и выявлении нарушений в соответствии с ч. 22 ст. 99 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» контрольный орган вправе:

1) составлять протоколы об административных правонарушениях, связанных с нарушениями законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, рассматривать дела о таких административных правонарушениях и принимать меры по их предотвращению в соответствии с законодательством об административных правонарушениях;

2) выдавать обязательные для исполнения предписания об устранении таких нарушений в соответствии с законодательством Российской Федерации, в том числе об аннулировании определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

3) обращаться в суд, арбитражный суд с исками о признании осуществленных закупок недействительными в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации.

За установление в структурированной форме извещения и в электронном документе описания объекта закупки извещения противоречивых характеристик закупаемого товара для должностного лица Заказчика предусмотрена административная ответственность. И как показал анализ типичных ошибок Заказчиков органами Федеральной антимонопольной службы выявляются признаки состава административного правонарушения, ответственность, за совершение которого предусмотрена ч. 1.4 ст. 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1].

Можно сделать вывод, что процесс перехода на формирования извещения и заявок участников закупок в цифровом виде сопровождается сложностями, которые влекут нарушение законных прав и законных интересов участников закупок. При этом активная позиция по выявлению ошибок и обращения с жалобами в контролирующие органы позволяет формировать практику недопущения повторения таких нарушений Заказчиками в силу гласности и состязательности процедур административного обжалования. И позволит создавать достаточный уровень правовых гарантий для обеспечения защиты прав и законных интересов участников закупки в будущем.

Список литературы

1. Милонец О.В. Ошибки заказчиков и участников торгов при переходе на структурированную форму извещения и заявки в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Специально для системы ГАРАНТ, 2024 г. URL: // <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F481002166%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1932%2F10%2F0%2F0%2Fзаявка%20в%20структурированном%20виде%3A0> (дата обращения: 09.02.2024 г.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

О ПРАВАХ СУПРУГА И КРЕДИТОРА ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ

М.С. Иванова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор рассматривает вопрос о возбуждении процедуры банкротства второго супруга при недостаточности имущества первого супруга. Объектом исследования являются правоотношения между супругами и кредиторами при недостаточности общего имущества для удовлетворения требований кредиторов. Целью работы является установление материальных и процессуальных критериев для возбуждения дела о банкротстве второго супруга. С помощью общелогических методов теоретического анализа, системного анализа, формально-юридического метода и толкования исследуются вопросы основания и порядка возбуждения дела о банкротстве другого супруга, возможности автоматического банкротства второго супруга на основании судебного решения о банкротстве первого. Приводятся примеры использования различных возможных способов возбуждения процедуры банкротства, на примерах рассматривается, как обеспечивается баланс интересов супругов и кредиторов.

***Ключевые слова:** супруги; общие обязательства супругов; права кредиторов; права супругов при банкротстве, банкротство супруга.*

В российском правопорядке сложилась доктрина общности имущества супругов. Несмотря на длительность существования, она продолжает вызывать и споры, и критику, но поскольку в ближайшее время существенных изменений в режиме общности имущества супругов не предвидится, то и практикам, и ученым приходится разбираться с тонкостями и особенностями, которые выявляются в процессе применения норм права к новым реалиям жизни.

Все, что приобретено супругами в период брака, является их совместной собственностью. Активы, безусловно, составляют важную часть супружеской общности. При этом пассивы, без которых существование активов в полной мере вряд ли возможно, остаются отчасти совместными, отчасти нет. И, пожалуй, это тот самый правовой омут, где в зоне риска находятся интересы как супругов, так и кредиторов. Каким образом, например, супруг в обычной ситуации может проконтролировать и повлиять на поведение другого супруга, который заключает кредитные договоры или договоры займа. Сколько другой супруг может их заключить, и должен ли его супруг отвечать по данным договорам, или ответственность ему должна вменяться (презюмироваться), только исходя из факта состояния в браке с любителем заемных денег. Эти вопросы возникают не из смоделированных ситуаций. Доступность кредитных продуктов, да и некие социальные ожидания от человека и члена семьи ведут к излишней долговой нагрузке, а впоследствии к несостоятельности.

Правовая неопределенность, связанная с признанием обязательств супругов общими, совместными или отдельными порождает не только разнообразную судебную практику, научные дискуссии и обсуждения, но и ведет к неоднозначному пониманию возможности банкротных процедур

в отношении каждого из супругов отдельно или совместно. Вопросы материального и процессуального права, возникающие на стыке отраслей гражданского, семейного права, гражданского и арбитражного процесса в связи с обращением взыскания на общее имущество супругов в рамках процедуры банкротства, а также в связи с возбуждением дела о банкротстве одного из супругов при недостаточности имущества, установленного в деле о банкротстве другого супруга, остаются актуальными.

Целью этой статьи является рассмотрение возможных вариантов возбуждения процедуры банкротства супругов с точки зрения баланса интересов участников семейных правоотношений и защиты прав кредиторов.

При презумпции общности имущества судебная практика исходит из отсутствия презумпции общности долгов. Полагаем, что такой подход обоснован и позволяет соблюдать права как кредиторов, так и супругов, поскольку несправедливо было бы возлагать на другого супруга ответственность, размер которой непредсказуем. Существует и противоположная точка зрения, из которой следует, что кредитор не должен нести риск убытков из-за отсутствия внутрисемейного согласия по вопросу общности обязательств в браке, и что интересы семьи никак в этом случае не страдают. Однако автор считает, что дифференцированный подход к обязательствам, которые признаются общими, отвечает принципам справедливости и целям правового регулирования семейных правоотношений, поскольку количество долгов, которые может создать своими действиями один из супругов, объективно ничем не ограничено. Находясь в браке, люди не перестают быть самостоятельными субъектами правовых отношений, действующими по своей воле и, прежде всего, в своих интересах. Вменение одному из супругов ответственности за долги другого, очевидно, не способствует укреплению семьи и в целом намерению вступать в брак.

В рамках данной работы не будут рассматриваться вопросы о том, какие обязательства общие, а какие нет, а также вопросы распределения бремени доказывания и проявлений иных особенностей таких споров, поскольку для целей настоящего исследования достаточно наличия факта, что долг супругов является общим. Проблемным вопросом как раз является то, какой суд вправе установить этот факт, и каковы последствия, в том числе, для возбуждения дела о банкротстве.

Для возбуждения судебного дела о банкротстве гражданина необходимо наличие оснований, предусмотренных ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [1]. Помимо определенной суммы долга и времени просрочки исполнения для начала процедуры банкротства необходим судебный акт, устанавливающий размер задолженности. Если гражданин находится или

находился в браке, то следует учитывать, является ли этот долг общим, совместным или личным. А при реализации имущества в ходе процедуры банкротства определять статус имущества, на которое может быть обращено взыскание.

В статье 45 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [2] установлено, что взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи.

Кредитор по обязательствам, должником по которому является лицо, состоящее в браке, в случае нарушения своих прав может обратиться в суд общей юрисдикции с иском о взыскании долга. Если кредитору известно о матримониальном статусе ответчика, то целесообразно привлекать в качестве соответчика супруга должника. В этом случае солидарный характер ответственности по обязательству очевиден. Свои возражения по иску, в том числе о применении последствий пропуска срока исковой давности, размере обязательства, супруги вправе заявлять в рамках дела о взыскании долга.

В случае неисполнения решения суда кредитор вправе обратиться с заявлением о банкротстве должника или обоих супругов. До получения полного удовлетворения кредитор вправе требовать возбуждения дела о банкротстве каждого из солидарных должников (например, основного должника и поручителя) на основании всей суммы задолженности [3].

Поскольку обязательство солидарное, имеется вступивший в законную силу судебный акт о взыскании, то при недостаточности общего имущества, приходящегося на долю супруга-должника, для удовлетворения требований кредитора в отношении другого супруга так же может быть возбуждена процедура банкротства. В случае, когда процедуры несостоятельности введены в отношении обоих супругов, их общее имущество подлежит реализации в деле о банкротстве того супруга, который в публичном реестре указан в качестве собственника либо во владении которого находится имущество, права на которое не фиксируются в публичных реестрах. Средства от реализации общего имущества супругов распределяются между их конкурсными массами пропорционально долям в общем имуществе.

В целях процессуальной экономии и для упрощения порядка реализации имущества, удовлетворения требований кредиторов суд может рассмотреть вопрос об объединении двух дел о несостоятельности супругов [4].

Если споров об общности долга нет, или такие споры разрешены судом, и долг признан общим, то иск о взыскании долга с одного из супругов будет по своей правовой сути иском о присуждении. И решения по иску о присуждении достаточно, чтобы возбудить дело о банкротстве

другого супруга даже в том случае, если сам долг впоследствии был разделен в отдельном процессе в рамках дела о разделе имущества.

Из разъяснений, данных Верховным Судом РФ, так же следует, что даже если общее имущество не было разделено до введения процедуры банкротства, у второго супруга есть право обратиться в суд общей юрисдикции с требованием о разделе общего имущества супругов до его продажи в процедуре банкротства.

Суд выносит решение о разделе имущества, в том числе обязательств, устанавливает доли каждого из супругов в этих обязательствах. Это будет решение по иску о признании. Решение о признании долга общим не тождественно решению о присуждении. Это влияет на возможность «автоматического» возбуждения процедуры банкротства в отношении другого супруга при банкротстве одного из них и при отсутствии решения о присуждении в отношении него.

С одной стороны, супруги являются солидарными должниками в силу закона. Согласно абзацу второму п. 2 ст. 323 Гражданского кодекса РФ солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью. Поэтому само по себе распределение общих долгов супругов между ними в соответствии с положениями п. 3 ст. 39 СК РФ, произведенное без согласия кредитора, не изменяет солидарную обязанность супругов перед таким кредитором по погашению общей задолженности [4]. Внутренние отношения супругов по распределению имущества не должны затрагивать права кредиторов. В этом, по мнению законодателя, заключается баланс интересов.

Однако защита прав супруга или бывшего супруга в ходе процедуры банкротства одного из супругов связана с процессуальной формой, которая является способом реализации предусмотренных законом прав и интересов. Возьмем, например, такую ситуацию, когда нет решения суда о том, что долг супругов является общим. Такое возможно, если кредитор обратился с иском о взыскании к тому из супругов, с которым у него был заключен договор, получил судебное решение. Это решение супругом-должником не исполнялось, кредитор инициировал процедуру банкротства. В ходе процедуры банкротства выяснилась недостаточность имущества супруга-должника, к участию в деле привлечен другой супруг, и арбитражным судом в итоговом акте по делу о банкротстве установлено, что долг является общим долгом супругов. Полного удовлетворения своих требований от супруга-должника кредитор не получает и обращается с заявлением о возбуждении процедуры банкротства в отношении другого супруга. Поскольку обязательство супругов является солидарным, то ответственность по этому обязательству также солидарна, и кредитор вправе получить полное удовлетворение своих требований, обратившись к другому супругу, с которого должна быть взыскана недостающая часть общего долга. Имущественная масса, на которую вправе претендовать

кредитор, складывается из общего имущества, а при его недостаточности - за счет имущества каждого из супругов.

Возникает вопрос, необходимо ли кредитору сначала попытаться получить денежные средства от другого супруга, использовав хотя бы претензионный порядок. Или же установленный арбитражным судом факт общности долга сам по себе достаточен для возбуждения дела о банкротстве другого супруга, без подтверждения неисполнения (невозможности исполнения) в течение установленного Законом о банкротстве срока. Нужно ли соблюдать исковой порядок взыскания? Этот вопрос также остается без ответа. Если исходить из интересов кредиторов, то дополнительные обращения в суд и взыскание долга с другого супруга в отдельном процессе в суде общей юрисдикции усложняет и без того громоздкую и небыструю процедуру удовлетворения требований. Получается, что к моменту вступления решения суда в законную силу кредитор может ничего не получить, так как имущество благополучно выведено.

Тем не менее судебный акт арбитражного суда, установивший факт общности долга, и вынесенный в отношении супруга-должника как бы автоматически становится тем судебным актом, на основании которого возбуждается банкротство другого супруга. Не нарушаются ли при этом права последнего?

Для возможного разрешения подобной ситуации важно определить, является ли судебный акт о банкротстве супруга-должника решением о признании или решением о присуждении.

Если судебный акт о признании супруга-должника банкротом является решением о присуждении, то на основании этого акта начинается процедура реализации имущества должника, а раз этим же судебным решением установлено и то, что долг общий, обязательство супругов солидарно, то на основании этого акта можно обратиться с взысканием и на личное имущество другого супруга, не говоря уже о инициировании процедуры банкротства. Что тянуть время, кредиторы ждут полного удовлетворения своих требований. Только в этом случае, на наш взгляд, имеет место нарушение прав другого супруга. В силу простого факта состояния в браке супруг должника не участвует в первоначальном взыскании долга со всеми процессуальными правами ответчика. Кредитор может либо не знать о семейном статусе должника, либо умолчать в целях более скорого получения решения о взыскании денег с должника, либо привлечь супруга в качестве третьего лица без самостоятельных требований. То есть супруг должника в самом первом процессе уже лишен права как возражать против общности долга, так и заявлять о применении срока исковой давности, так как такие права есть только у ответчика. Получив решение о взыскании с должника денежных средств, и не получив денег, кредитор возбуждает дело о банкротстве должника. В этот процесс уже в обязательном порядке привлекается супруг в качестве третьего лица с правами ответчика, а свои возражения супруг должника

может заявить в порядке рассмотрения разногласий. То есть полноценных прав ответчика у такого супруга нет, это было бы процессуально странным – быть ответчиком по делу о банкротстве своей жены или мужа. И со статусом третьего лица невозможно, опять же, заявить о пропуске срока исковой давности в рамках рассмотрения разногласий. Получается, что права есть, а способа их реализации нет. Материальные и процессуальные нормы четкого ответа не дают, а квази-процедуры защиты прав как кредитора, так и супруга должника остаются на судейское усмотрение, что вряд ли оправданно. То есть кредитор, чтобы максимально реализовать свои интересы на получение удовлетворения требований от семейного должника, должен предусматривать риски, связанные с банкротством, и уже на стадии подачи иска о взыскании в суд общей юрисдикции привлекать обоих супругов к участию в деле.

Если судебный акт о признании супруга-должника банкротом является решением о признании и для другого супруга, то тогда этим решением может быть установлена общность долга, а сам судебный акт не будет являться основанием для инициирования процедуры банкротства этого супруга. Об этом весьма однозначно высказался Верховный Суд РФ, разрешая спор по конкретному делу, и указав, что наличие судебного акта о признании обязательства должника общим обязательством супругов не является применительно к п. 1 ст. 213.5 Закона о банкротстве решением суда, подтверждающим требование кредитора по денежному обязательству супруги должника [5].

Приведенные примеры нередко встречаются в практике судов. Единого подхода нет, опора на разрозненные судебные акты для формирования позиции защиты прав как кредиторов, так и супругов, которые оказались участниками банкротства члена семьи, не всегда эффективна и приводит к разным результатам. Теоретическое осмысление поставленных вопросов, вероятно, приведет к более детальному правовому регулированию и изменению материального и процессуального законодательства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022, с изм. от 31.05.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2024).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1. Ст. 16.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2024).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2024).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2022 № 309-ЭС22-16470 по делу № А71-2503/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ИНТЕРЕС В ФОРМАЛИЗАЦИИ БРАКА

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор обращается к проблематике интереса при заключении и расторжении брака, апеллируя к принципу добровольности брака и распоряжению семейными правами по своему усмотрению. Объектом исследования выступают отношения, возникающие при заключении и расторжении брака, в том числе при признании брака недействительным, а также признании факта состояния в брачных отношениях. Применение общенаучных и частнонаучных методов позволило автору выявить и показать взаимосвязь интереса каждого из супругов с фактом заключения, прекращения брака либо признания его недействительным.

Ключевые слова: *интерес, брачные отношения, недействительность брака, фиктивность брака, фиктивность развода.*

Семейные правоотношения, как правило, не только сопровождаются проявлением интереса со стороны соответствующих субъектов, но и предполагают его наличие в силу прямого предписания закона. Осуществление семейных прав имеет много общих черт с осуществлением прав гражданских, но основано на совершенно ином принципе. Если ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] прямо устанавливает свою волю и свой интерес граждан как ориентиры при осуществлении гражданских прав, а в ст. 9 ГК РФ указывается и на собственное усмотрение при осуществлении гражданских права, то в ст. 7 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] мы видим упоминание лишь своего усмотрения при распоряжении гражданами принадлежащими им правами. В связи с этим вполне обоснованным и сохранившим свою актуальность¹ видится вопрос о значении интереса гражданина как на этапе принятия решения о приобретении семейных прав (прав в семье), так и непосредственно при осуществлении соответствующих прав, исполнении обязанностей. Риторический характер приобретает вопрос: а в чьих интересах действуют мужчина и женщина, заключая брак либо принимая решение о его расторжении, инициируя признание брака недействительным?

Провозглашение 2024 года Годом семьи не только предполагает принятие государством комплекса решений, направленных на сохранение традиционных семейных ценностей (лишь бы это не стало клише при попытках представить идеи «для галочки»), но и провоцирует научное сообщество на демонстрацию нового облика семьи, обоснование эффективности существующих либо необходимости соответствия новым требованиям, отвечающим идее обеспечения защиты семейных ценностей,

¹ Автор настоящей статьи еще в 2007 году отмечал социальное и правовое значение указанного вопроса [6].

исторически присущих (традиционных) содержанию и форме семейных отношений в нашем государстве.

Конечно же, интерес гражданина в возникновении семейных правоотношений чаще всего соотносят именно с принятием решения о заключении брака либо его расторжении. Да, действительно, наличие взаимного добровольного согласия мужчины и женщины, намеревающихся заключить брак, должно соотноситься и с целью – создание семьи. В противном случае суд может признать брак недействительным, если он был заключен при отсутствии согласия одного из супругов, либо оба супруга или один из них заключили брак с какой угодно целью, не совпадающей с намерением создать семью.

По мнению Н.Н. Тарусиной, «заключение фиктивного брака не только приводит к нарушению частных (личных неимущественных) интересов добросовестного супруга, связанных с брачным союзом (в крепкой надежной семье нуждается каждый человек независимо от возраста), но и затрагивает интересы государства в позитивном развитии, сохранении и упрочении институтов брака и семьи» [7, с. 170].

С учетом последних изменений семейного законодательства [4], а также разъяснений, содержащихся в специальном Обзоре судебной практики [8], полагаем необходимым отметить некоторые моменты. Справедливости ради укажем, что буквально через пять дней после утверждения Обзора судебной практики по делам о признании брака недействительным, в ст. 51 СК РФ появилось новое основание для признания судом брака недействительным.

Итак, в соответствии с п. 4 ст. 51 СК РФ лица, состоявшие в браке, который был прекращен или признан недействительным (за исключением основания, указанного в пп. 1 п. 5 ст. 51 СК РФ) на момент записи родителями ребенка, могут быть записаны в качестве таковых только с согласия суррогатной матери, на основании решения суда и при условии, если судом не будет установлено, что соответствующий брак был зарегистрирован исключительно в целях последующего заключения договора о суррогатном материнстве без намерения создать семью.

Таким образом, законодатель установил еще одно основание (дополнительно к указанному в п. 1 ст. 27 СК РФ) для признания брака фиктивным, поскольку именно отсутствие намерения создать семью у обоих супругов или одного из них традиционно именовалось в законодательстве, науке семейного права и судебной практике как фиктивный брак. Основной вопрос, который пока остается открытым: кто может иметь интерес и требовать признания брака недействительным по данному основанию? В ст. 28 СК РФ предусмотрено, что при фиктивности брака в суд с соответствующим требованием могут обратиться только прокурор, а также супруг, не знавший о фиктивности брака. Как, впрочем, и иные правила о признании брака недействительным и последствиях

удовлетворения судом такого иска. В п. 6 ст. 51 СК РФ прямо определено только следующее: «Суд признает за супругом, права которого нарушены заключением данного брака (добросовестным супругом), право быть записанным родителем ребенка».

Кстати, в названном Обзоре судебной практики отмечается, что именно фиктивный брак выступал основанием для признания брака недействительным по наибольшему количеству дел о признании брака недействительным. В рамках настоящей статьи не предполагается обращение к дискуссии о понятии и признаках фиктивного брака, хотя, безусловно, интерес мужчины и женщины, намеревающихся заключить брак, заслуживает внимания. В чем заключалась потребность каждого из них при принятии соответствующего решения? Учитывая, что ст. 31 СК РФ провозглашает, что каждый из супругов свободен в выборе мест пребывания и жительства, весьма сложно обосновать подход, сложившийся в судебной практике, что совместное проживание супругов является признаком, свидетельствующим о создании семьи (чаще наоборот – раздельное проживание супругов, по мнению суда, означает, что семья не создана).

В Обзоре судебной практики, на наш взгляд, совершенно справедливо подчеркивается, что юридически значимым обстоятельством является установление воли мужчины и женщины, вступающих в брак, не только на создание семьи, но и на ее сохранение после заключения брака. В связи с этим совместное проживание не является тем исключительным признаком, которым надлежит руководствоваться при рассмотрении требования о фиктивности заключенного брака. «К признакам семьи, на создание которой должна быть направлена воля мужчины и женщины при заключении брака, относятся: совместное проживание, предполагающее ведение общего хозяйства (при этом временное непроживание супругов вместе в связи с работой, лечением, в силу других объективных факторов не рассматривается как отсутствие такового); построение семейных отношений на основании духовно-нравственных начал и чувств; забота друг о друге; совместное решение основных вопросов жизни семьи; наличие взаимных личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей, взаимной ответственности» [8].

Современная действительность демонстрирует нам весьма разнообразный спектр проявления интереса одного из супругов при решении вопроса о расторжении брака.

Так, жительница Екатеринбурга обратилась к мировому судье с заявлением об отмене развода, поскольку намерена получить соответствующие денежные выплаты как вдова участника специальной военной операции [9]. Как следует из опубликованной информации, решение о расторжении брака было принято 21.12.2023 г., когда военнослужащего уже не было в живых, 09.02.2024 г. суд принял решение

о пересмотре дела о расторжении брака в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Поводом для привлечения внимания общественности к этой истории послужил конфликт между вдовой и родственниками погибшего, со слов которых фактически брачные отношения были прекращены в 2020 г., но брак не был расторгнут. В настоящее время мать погибшего намерена установить в судебном порядке данный факт. Не имея доступа к информации официального характера, не рискуем вступать в дискуссию по данной истории, чтобы обосновать правоту или же ошибочность позиции каждой из сторон.

Следует отметить, что Федеральным законом от 03.04.2023 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» [3] определены специальные правила удостоверения подписи военнослужащего на заявлении о заключении брака, о расторжении брака и об установлении отцовства, в частности подпись мужчины может засвидетельствована командиром воинской части, соединения и другими уполномоченными лицами, что приравнивает ее к нотариально удостоверенной. Безусловно, это изменило лишь порядок подачи заявления о регистрации соответствующего акта гражданского состояния, но основания, условия и препятствия для государственной регистрации заключения или расторжения брака остались прежними. Добровольность брачного союза как одно из основных начал семейного законодательства, зафиксированное в ст. 1 СК РФ, предполагает взаимное добровольное согласие мужчины и женщины как при заключении брака, так и при его расторжении.

Интерес каждого из супругов в расторжении брака может быть обусловлен разными обстоятельствами и потребностями. Не секрет, что в правоприменительной плоскости уже весьма часто встречаются и фиктивные разводы, как правило, оба супруга изначально знают и осознают, что расторжение брака совершается для достижения какой-либо иной цели, но не для прекращения супружеских отношений. Фиктивные разводы имеют место среди участников различных государственных программ, при получении различных субсидий, пособий и льгот; расторжение брака государственных служащих тоже может вызвать подозрения при сохранении фактических брачных отношений; расторжение брака гражданином в преддверии банкротства также имеет признаки «подозрительной сделки», как и совершенные им сделки по распоряжению имуществом. Данный перечень может быть продолжен, при этом объединяющим соответствующие истории признаком выступает интерес одного или обоих супругов в получении, как правило, материальной выгоды. Примечательно, подчеркнем еще раз, что другой супруг понимает суть происходящего, иначе развод имел бы реальный характер.

Заметим, что действующее законодательство не предусматривает ответственности за фиктивное расторжение брака. Достижение поставленной одним из супругов или обоими супругами цели следует рассматривать с точки зрения баланса интересов мужчины и женщины, имеющих статус либо супругов, либо бывших супругов. Да, в настоящее время, в отличие от правил, действовавших в советский период, в один номер гостиницы могут заселить лиц, не являющихся супругами, но это ирония, не более. В то же время приобретение недвижимости, решение юридически значимых вопросов в отношении общего несовершеннолетнего ребенка, в конце концов, наследование – участие в этих и многих других правоотношениях в статусе супруга, наоборот, дает ряд преимуществ.

В контексте рассуждений об интересе или имитации реального интереса в семейных правоотношениях не можем оставить без внимания инициативу Президента Российской Федерации В.В. Путина о защите имущественных прав и интересов женщин, состоящих (состоявших) в фактических брачных отношениях с военнослужащими, принимающими (принимавших) участие в специальной военной операции. Однако трудно предположить, в какой степени этой идее соответствует содержание представленного законопроекта о признании фактических отношений брачными, уже принятого в первом чтении [5].

Заметим, что данный законопроект касается «одного из лиц, фактически состоявших в брачных отношениях», то есть это в равной степени касается и мужчины, и женщины. Если лицо погибло, было признано безвестно отсутствующим или объявлено умершим в связи с участием в специальной военной операции либо в связи с проживанием или временным пребыванием на территориях осуществления специальной военной операции, то другая сторона этих отношений имеет право установить факт состояния в брачных отношениях в суде в порядке особого производства. Если при рассмотрении такого заявления устанавливается наличие спора о праве, то он может быть разрешен в порядке искового производства.

Для установления факта нахождения в брачных отношениях необходимо будет подтвердить совместное проживание мужчины и женщины не менее трех лет или не менее одного года, если у них есть совместный ребенок, и ведение общего хозяйства. В судебном решении об установлении или о признании факта состояния в брачных отношениях указывается момент их возникновения. Еще одно из положений законопроекта заслуживает цитирования: «Установленный в судебном порядке факт состояния в брачных отношениях является браком, о чем вносятся сведения в Единый государственный реестр записи актов гражданского состояния».

Данный законопроект предполагает внесение дополнений вовсе не в СК РФ, а в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Очевидно, этим объясняется использование «несемейной» терминологии. Кроме того, отметим еще несколько моментов, явно обращающих на себя внимание в данном законопроекте.

Во-первых, среди оснований для обращения в суд авторы законопроекта указывают гибель, признание безвестно отсутствующим или объявление умершим лица (напоминая, что речь может идти как о мужчине, так и о женщине, в рамках настоящей статьи будем рассматривать один вариант, когда в суд обращается женщина). Полагаем, что гибель мужчины или объявление его умершим не могут быть юридически приравнены к признанию его безвестно отсутствующим, само название данного гражданско-правового института отражает его суть: гражданин жив, но не известно место его нахождения. В связи с этим вызывает сомнения соблюдение ранее упоминаемого нами принципа добровольности брачного союза и одного из условий заключения брака – взаимное добровольное согласие. В случае явки мужчины, признанного безвестно отсутствующим, может встать вопрос о признании такого брака недействительным. Кстати, ст. 46 ГК РФ предусматривает последствия явки гражданина, объявленного умершим, такой вариант тоже не стоит исключать, особенно в условиях проведения специальной военной операции.

Во-вторых, относительная свобода организации семейной жизни, присущая нашему обществу в течение последних нескольких десятилетий привела не столько к появлению и (или) распространению «гостевых» и иных моделей брака, сколько к признанию таких форм взаимоотношений мужчины и женщины, как вполне комфортных с точки зрения обеспечения частных интересов и вполне допустимых с позиции общественного интереса. В связи с этим не исключен вариант, что мужчина может состоять в фактических брачных отношениях с несколькими женщинами, периодически проживая совместно с каждой из них, демонстрируя при этом и ведение общего хозяйства. В равной степени такой вариант не исключен даже при наличии у нескольких женщин ребенка, отцом которого является один и тот же мужчина.

Очевидно, что только «скорость» реализации интереса каждой из женщин обеспечит получение ею статуса супруги в приоритете перед другой женщиной, тоже считающей себя фактической супругой. Можно предположить и более сложный вариант: если по заявлению каждой из них судом будет вынесено соответствующее решение, сведения о браке с которой из них будут внесены в Единый реестр?

В-третьих, учитывая, что в судебном решении должен быть указан момент возникновения брачных отношений, означает ли это, что именно

указанная дата и будет считаться датой регистрации заключения брака? Как следует из текста законопроекта, именно такой вариант имеют в виду его разработчики. Следовательно, в случае гибели или объявления супруга (будем именовать его теперь так) брак прекращается на основании ст. 16 СК РФ. Если же супруг признан безвестно отсутствующим, то брачные отношения будут продолжаться сколь угодно долго, поскольку соответствующее решение суда является лишь основанием для применения упрощенной процедуры расторжения брака в органах записи актов гражданского состояния, если у супругов есть общий несовершеннолетний ребенок (дети). Однако супруга, руководствуясь своими интересами, может и не инициировать развод.

Полагаем, что соответствующий законопроект нуждается в доработке отдельных положений, в том числе обоснованной необходимостью приведения в соответствие с нормами действующего семейного законодательства и законодательства об актах гражданского состояния, хотя сама мера регулирования соответствующих отношений своевременная и обоснованная.

Представленный законопроект призван урегулировать отношения лиц, одно из которых принимало участие в специальной военной операции либо проживало, временно пребывало на территории осуществления специальной военной операции. Что же касается иных граждан, то в отношении них действует прежний порядок.

Кстати, действующий СК РФ в некоторых случаях «озвучивает», что супруги, которые фактически прекратили семейные отношения, могут рассчитывать на применение режима, аналогичного тому, который действовал бы при отсутствии зарегистрированного брака. Так, в соответствии с п. 4 ст. 38 СК РФ суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них. В п. 2 ст. 133 СК РФ указывается, что согласие супруга на усыновление ребенка (если ребенка усыновляет один из супругов) не требуется, если супруги прекратили семейные отношения, не проживают совместно более года и место жительства другого супруга неизвестно.

Сохранение брака в данных и подобных случаях обусловлено исключительно интересами каждого из супругов, возможно, что и совпадающими. Публичная демонстрация своего союза как брака при фактическом прекращении семейных отношений явно чем-то обусловлена, не исключено, что и элементарным отсутствием надобности в формальном расторжении данного брака.

Автор вышеизложенных суждений отнюдь не претендует на тщательное и полное теоретическое исследование обозначенной проблематики, задача заключалась в актуализации вопроса о значении

интереса в создании и прекращении брака в его подлинном понимании или имитационной версии.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «Консультант плюс».

3. Федеральный закон от 03.04.2023 № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» // СПС «Консультант плюс».

4. Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.04.2023 г.) // СПС «Консультант плюс».

5. Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях) [Электронный ресурс]. URL: // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8?ysclid=lsk2o1f261278061223> (дата обращения: 09.02.2024 г.).

6. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. Монография. М.: Издательский Дом «Городец», 2007.

7. Социальные договоры в праве: монография / Н.Н.Тарусина, А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – М.: Проспект, 2017.

8. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) // СПС «Консультант плюс».

9. Экс-супруга погибшего в зоне СВО бойца отменила развод ради денег https://m.lenta.ru/news/2024/02/09/byvshaya-zhena-ne-vernuvshegosya-s-svo-boytsa-otmenila-razvod-radi-deneg/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.02.2024 г.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

НАСЛЕДОВАНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

Е.В. Козырева¹, Е.А. Давыдова²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» г. Тверь,

² Тверской городской нотариальный округ Тверской области

Статья посвящена наследованию авторских прав, где раскрываются проблемные вопросы, которые не нашли разрешения как в науке, так и в практике. В ней содержатся предложения по реализации данного права в практике.

Ключевые слова: авторские права, наследование, исключительное право, личные неимущественные права.

Вопросы наследования авторских прав являются по истине актуальными. Их актуальность обусловлена наличием проблем, как в науке, так и в практике, которые до настоящего времени не разрешены. Главным образом, эти проблемы вызваны тем, что вопросы наследования недостаточно полно урегулированы в гражданском законодательстве и зачастую носят порой фрагментарный характер.

Обратимся к действующему гражданскому законодательству. Начнем с того, что законодатель не выделил особенности наследования авторских прав, как в третьей части ГК РФ, так и в четвертой части ГК РФ [1]. Третья часть ГК РФ, вступившая в силу с 1 марта 2002 г. в главе 65 «Наследование отдельных видов имущества» раздела V «Наследственное право» не предусматривает таких особенностей, а следовательно, применяются общий порядок наследования. Отсутствовали особенности наследования авторских прав и в законе РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 г., ныне утратившим силу в связи с вступлением в силу части четвертой ГК РФ. По общему правилу наследование осуществляется как по закону, так и по завещанию. А.П. Сергеев в свое время в книге «Право интеллектуальной собственности в РФ», изданной в 2004 г. отмечает, что действующее законодательство и авторское, и наследственное, не содержит четкой регламентации авторских прав наследников, а конкретные правила наследования авторских прав определились из сложившейся судебной и нотариальной практики. При этом им были выделены следующие особенности наследования авторских прав:

1. не допускается частичное принятие или частичный отказ от наследства;

2. если наследство состоит из авторского права, фактическое вступление в наследство невозможно. Получение свидетельства о праве на наследство является необходимым условием;

3. авторские права действуют в течении 70 лет после смерти автора, считая с 1 января года, следующего за годом его смерти [3, с. 64].

Вместе с тем отдельные особенности наследования авторских прав названы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29.05.2012 г. № 9 (в ред. от 24.12.2020) [2], к которым обратимся.

В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. При этом не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается ГК РФ и другими законами. Кроме того, не входят в состав наследства личные неимущественные права и др. нематериальные блага (ст. 1112 ГК РФ).

В соответствии со ст. 1283 ГК РФ «Переход исключительного права по наследству» по наследству переходит исключительное право, которое является имущественным (ст. 1226, 1229 ГК РФ).

Исключительное право как таковое включает целый комплекс прав, которые переходят по наследству (ст. 1270 ГК РФ).

Согласно ст. 1270 ГК РФ исключительное право на произведение включает совершение следующих действий наследником:

- воспроизведение;
- распространение;
- публичный показ;
- импорт и прокат оригинала или экземпляра произведения;
- сообщения в эфир и по кабелю и др.

Кроме того, исключительное право предусматривает наследнику (правообладателю) заключить договор об отчуждении исключительного права на произведение либо соответствующий лицензионный договор.

Заметим, что переходит по наследству и право на вознаграждение по авторским договорам, которое не успел получить наследодатель.

Особого внимания заслуживают личные неимущественные права, которые согласно ст. 1112 ГК РФ не переходят по наследству. К личным неимущественным правам законодатель отнес:

- право авторства (ст. 1265 ГК РФ);
- право автора на имя (ст. 1265 ГК РФ);
- право на неприкосновенность произведения (ст. 1266 ГК РФ);
- право на обнародование, включая право на опубликование (ст. 1268 ГК РФ);
- право на отзыв (ст. 1269 ГК РФ).

Справедливо высказался на этот счет В.А. Хохлов: «Объем авторских прав наследников приходится выводить прежде всего путем толкования закона» [4, с. 96].

Обратимся к п. 90 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29 мая 2012 г № 9 (в ред. от 24.12.2020 г.) [2], в котором сформулировано важное положения о том, что при переходе исключительного права в порядке наследования у обладателей могут возникнуть права, имеющие неимущественный характер, в частности, право разрешать внесение изменений, сокращений и дополнений (п. 1 ст. 1266 ГК РФ), право на обнародование произведение, не обнародованного при жизни автора (п. 3 ст. 1268 ГК РФ).

Следует отметить, что законодатель внес отдельные дополнения в ГК РФ, которые следует учитывать. Так, заслуживает внимание, дополнения законодателя в п. 2 ст. 256 ГК РФ о том, что исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, принадлежащий автору такого результата, не входит в общее имущество супругов (в отличие от доходов, полученных от использования такого результата). При этом супруг может быть наследником. И конечно, особого внимания требует норма, предусмотренная в п. 2 ст. 1283 ГК РФ, которая дополнена Федеральным законом» от 12.03.2014 г. «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» применительно к соавторам: в случае смерти одного из соавторов исключительное право прекращается в части принадлежащего ему права, если произведение состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение, либо, если произведение образует неразрывное целое, доля умершего соавтора в исключительном праве переходит ко всем пережившим соавторам в равных долях (п. 2 ст. 1283 ГК РФ).

Произведения науки, литературы и искусства являются объектами авторских прав и для их возникновения, осуществления и защиты не требуется регистрация произведения или соблюдения каких-либо формальностей (ст. 1259 ГК РФ). Только программы для ЭВМ, являясь объектами авторских прав, охраняются как литературные произведения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ) могут быть при желании правообладателя зарегистрированы в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Отсутствие регистрации объектов авторских прав в отличие от объектов патентных прав, создает трудности как при защите авторских прав, так и при переходе авторских прав в порядке наследования и в частности, выявлении самих произведений, созданных автором.

В условиях сегодняшних реалий следует говорить о такой проблеме как о реализации права при наследовании авторских прав и следует продолжить выявление таких особенностей, хотя бы потому, что в условиях развития искусственного интеллекта данный вопрос как никогда может быть обострен и требует разрешения. В частности, это обусловлено тем, что в свидетельстве о праве на наследство, как правило, одной

строчкой имеется указание о наследовании авторских прав без конкретизации произведений, что порождает проблемы у наследников, как по выявлению созданных автором произведений, так и имеющихся заключенных договоров с автором. Представляется, что большинство проблем можно разрешить, если в завещание будет определен исполнитель завещания.

Кроме того, учитывая положения ст. 85 Основ законодательства РФ о нотариате «Удостоверение времени предъявления документа» нотариус проставляет надпись, к примеру, на представленной рукописи произведения как объекта авторских прав, указывая дату и время предъявления в двух экземплярах. Один из которых остается у нотариуса и это может быть и рукопись произведения, и, к примеру, нотная запись как музыкальное произведение.

Список литературы

1. Гражданский кодекс. Часть первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, 2024.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29.05.2012 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 2012.
3. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в РФ. М.: Проспект, 2004.
4. Хохлов В.А. Авторское право: Законодательство, теория, практика. М.: Издательский Дом «Городец», 2008.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ И КРИТИКА ТЕОРИЙ ИНТЕРЕСА В ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ¹

В.И. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье, с позиций конституционного правопонимания, анализируются некоторые критические аргументы, выдвинутые учеными-юристами различных исторических периодов, школ и правовых систем против отдельных положений теории юридического интереса. Раскрываются объективные предпосылки неизбежности такого рода научных дискуссий и равная несостоятельность доводов, обусловленных доктринальными пристрастиями полемистов. По мнению автора статьи, предлагаемый анализ может способствовать развитию теории конституционного интереса как особо значимого компонента национальной правовой системы России. Общеизвестный вектор поиска баланса законных интересов, обеспечивающего реализацию целей правосудия, нуждается в «безупречно» легитимном основании.

***Ключевые слова:** конституционное правопонимание, теории юридического интереса, критические аргументы, конституционный интерес.*

Проведенную коллективными усилиями ученых представителей отраслевых юридических дисциплин в России индивидуализацию категории интереса, сведение ее к понятию «субъективный законный интерес» трудно признать плодотворной в научном и практико-ориентированном отношении. В особенности это касается доктрины процессуального права. Между тем генеалогия соответствующего феномена богата концептами общетеоретического уровня, предложенными в различные исторические периоды и далеко не исчерпавшими своего познавательного и практико-ориентирующего потенциала. Конституционная методология права ориентирует и на критику этих концептов их оппонентами, поскольку открыто стремится консолидировать на своей «платформе» все предшествующие научные идеи и подходы, не входящие в прямое противоречие с духом конституционализма.

Фактически не оспариваемое в российской юридической науке и практике представление о принципиальной возможности практического разграничения субъективного права и законного интереса видится обоснованным. Тем более в виду отсутствия примеров содержательного «наполнения» второго названного элементами притязания и/или требованиями, чем-либо отличающимися от субъективных правомочий.

Прежде всего, отметим, что теоретическое сосредоточение на категории интереса в истории юриспруденции характеризуют нередко как проявление позитивистского (и даже вульгарно-позитивистского) и

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке Компании СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 января 2024 г.).

«командного» подхода и правопонимания. И уже одного этого аргумента достаточно для того, чтобы поставить под сомнение актуальность всего научного направления. В современном юридическом дискурсе трудно игнорировать доктринальную слабость позиции тех, кто (начиная с И. Бентама), без тени рефлексии, выводит заинтересованность из отождествления блага (и, тем более, добра) с удовольствием, благополучием и комфортом. С одной стороны, это очевидно умаляет значение этического компонента в праве, а также и понятия справедливости, как одного из наиболее часто ассоциируемых с сущностью права феноменов. С другой стороны, эгалитарное тиражирование приверженности людей к моральным обоснованиям, готовность «унифицированного потребителя» добровольно подчинить свои потребности обществу выглядит, при всей гуманистической «окраске» таких деклараций, явным преувеличением [8, с. 152–153].

В противовес выше отмеченному, в XXI веке российские и зарубежные специалисты констатируют значительные сложности правового разграничения интересов лиц, вовлеченных в экономические корпоративные отношения, тем более – ситуационного определения, в силу законодательно заданной необходимости, их «общего интереса». В том числе, при помощи лица, воля которого легально признается (номинаруется) решающей («диктатора») [2, с. 92–93].

Специфические дополнительные трудности в обозначенном отношении порождает стремление направить правовое регулирование на защиту интересов юридического лица [9].

Однако наиболее сильные возражения против классических (утилитаристских) теорий, признающих значение интересов определяющим не только для реализации права, но и в плане утверждения его сущности, продуцирует неизбежно вытекающее из таких представлений неконституционное отрицание неотчуждаемых прав и свобод человека [8, с. 144–145]. Неизбежное, говорим мы, поскольку предпосылки и подтверждения таких взглядов находим как в современной литературе, так и в эпоху, качественно отличающуюся от реального конституционализма.

Главное, что предполагает (и чего «требует») конституционное правопонимание для феномена интереса, это обоснование его органического наличия (присутствия) в материи и системе права. Без такой предпосылки переходить к стратегиям и технике процессуальной защиты законных интересов, по меньшей мере, некорректно. (Позитивизм оставляем за скобками.) Поэтому, как уже отмечалось, даже подчеркнутая фокусировка на процессуальных аспектах защиты интересов не избавляет ответственного ученого ни от «выбора» варианта доктринального утверждения интереса в значении квинтэссенции права (первенство здесь принадлежит Р. Иерингу), ни от критики тех, кто в число адептов и последователей сделанного выбора не входит. И при том, разумеется,

немаловажном условии, что речь не идет о критике «ради критики» или в силу требований научно-карьерной сертификации.

Соответствующей и остроумной выглядит, на наш взгляд, критика умозрительно-отвлеченных (безосновных) подходов к имплементации спекулятивной и уже ставшей «модной» категории интереса в нормативные конструкции позитивного права, предложенная на рубеже XX столетия Л.И. Петражицким. Выдающийся российский теоретик, родоначальник психологического направления в правоведении резонно замечает, что «интересы – психические явления, явления внутреннего мира». Поэтому «в области права удобнее и *правильнее* говорить <...> не об интересах, а о поведении, о действиях и поступках. <...> Право вообще не запрещает сознавать какие угодно интересы... <...> С другой стороны, право не дает собственно никакому интересу *carte blanche* для осуществления. Дело в поведении, которое может быть предписано, дозволено или запрещено, совершенно независимо от того интереса, которым оно вызывается. Например, весьма интенсивно проявляется и имеет существенное значение в обществе интерес наживы. Но право не говорит об этом интересе. Пусть себе он осуществляется безгранично до приобретения несметных богатств; но запрещается красть, обманывать etc., и притом эти действия запрещаются не только тогда, когда они производятся для собственного обогащения, но и тогда, когда они производятся из ненависти к противнику или из желания помочь третьему лицу. С другой стороны, эти действия запрещаются не только при том условии, что противник заинтересован в сохранении своего имущества, но даже в том случае, если бы он почему-либо имел интерес подвергнуться краже» [7, с. 253, 257].

Желающим возразить Л.И. Петражицкому нужно быть очень осторожными. Его аргументы часто кажутся «поверхностными» и даже не учитывающим теоретическую полноту вопроса или «отраслевую» детализацию правовой регламентации, но именно *кажутся*. (В противном случае их автор не удостоился бы всемирного признания.) Ученый прекрасно осведомлен, в том числе о специфике правового регулирования публичных и частных отношений, об обстоятельствах, смягчающих вину или исключаящих противоправность деяния, а равно и о правовом значении принципа добросовестности. Более того, его «психологическая», императивно-атрибутивная теория права во многом предвосхищает и подготавливает современные (конституционные) решения проблемы злоупотребления правом [4, с. 89–115].

Острые критики Л.И. Петражицкого направлены на другое: именно на *одностороннее* (частноправовое, субъективное) соотношение категории интереса с функциональным проявлением права в человеческой жизни, т.е. на подчиненность юристов и права задаче *разграничения* интересов сторон, в то время как не менее значимо их правовое *соединение* (согласование, примирение, сбалансирование). И это один из тех признаков, которые

роднят позицию ученого с методологией конституционного правопонимания. Но только в плане *возможности* окончательного к ней перехода, для чего столетие назад не было еще целого ряда объективных предпосылок. Включая решающую для данной конкретной проблемы – легитимацию оценочного понятия конституционного интереса.

Разумеется, свою роль здесь играют и субъективные (доктринальные) пристрастия: представление Л.И. Петражицкого о праве как всецело психическом явлении. Поэтому, в частности, он выступает и против идеи разграничения «совместного осуществления двух сталкивающихся интересов», которую находит у Н.М. Коркунова, – другого видного отечественного теоретика права. Тогда как в действительности критикуемый научный оппонент движется – на иной методологической основе – в том же направлении поиска алгоритма необходимого баланса правомерных (а не «законных») интересов. И также не достигает конечного результата, т.е. современного (конституционного) решения, хотя, опережая время, доходит уже до критериев пропорционального ограничения противопоставленных интересов.

«Осуществлению интересов каждого должна быть ограничена известная сфера», заключает Н.М. Коркунов, исходя из того, что «наибольшая часть интересов человека является продуктом жизни его в обществе и потому имеет общественный характер» [6, с. 80–81; 32–33]. Потому, кстати, интересы при таком их восприятии оказываются более значимыми для целей права, чем индивидуальные права. Так проявляет себя социально-психологическое понимание права. Которое и сегодня, как более ста лет назад, не позволяет объяснить феномен конституционных прав и свобод человека и гражданина без помощи фикций. И потому оно должно быть объектом критического оппонирования с позиций конституционного правопонимания.

Наряду с этим предложенная Н.М. Коркуновым конкретизация такой функциональной формы права как приспособление публично значимых (неделимых) объектов (инфраструктуры общего блага) к совместному осуществлению разграничиваемых интересов вполне согласуется с теорией совместного конституционного правопользования и конституционных интересов [5, с. 158–171]. Сущностно конституционным является и намечаемое такой функциональной спецификацией разделение права на области публичного и частного права, представление о неизбежности эволюции права в целом к публично-частному состоянию. Конституционная теория права обосновывает [3, с. 152–153], а доктринально-нормативные установления Конституционного Суда РФ и его правовые позиции все чаще констатируют соответствующее качество материи современного российского права [10, 11].

Названную выше тенденцию нельзя воспринимать, однако, в смысле безусловной поддержки судейского активизма, тем более с отсылками к доктрине и практикам судебного прецедента в англо-американской

правовой семье. Конституционализация российского правоведения диктует свои (суверенные) ориентиры научного поиска.

Так, известный американский юрист Р. Паунд разработал в том числе, под влиянием учения Л.И. Петражицкого, оригинальную теорию юриспруденции интересов [1, с. 11–18]. По мнению отдельных западных авторов, эта теория включает, по сути, исчерпывающую классификацию юридически значимых интересов, а также и вполне обеспечивает судебнопроцессуальную балансировку интересов, имеющих значение для правосудного разрешения конкретных дел [8, с. 186–187]. Трудно с этим согласиться.

На наш взгляд, приведенные научные оценки не только страдают преувеличением, но и подчеркивают, тем самым, адогматизм конституционного правопонимания. В контексте глобального кризиса современности юридический универсализм (интернационализм) уже в достаточной мере показал свою несостоятельность. Настало время преодолеть его подспудно действующую инерцию. В России XXI века никакой догматически выверенный баланс интересов исчерпывающим образом воплощать стратегию правоприменения не может. В каждом необходимом случае он устанавливается – посредством одного из методологических ресурсов – исключительно на основе конституционного «взвешивания» всех интересов, выражающих объективно комплементарное отношение к конституционно значимым ценностям.

Список литературы

1. Адыгезалова Г.Э. Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века (Роско Паунд, Толкотт Прасон и Гарри Бредемейер): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 35 с.
2. Арнаутов Д.Р. Формы участия кредитора в корпоративном управлении корпорацией-должником // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 81–120 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.
4. Крусс В.И. Научное наследие Л. Петражицкого и генеалогия конституционного правопонимания / Петражицкий Л.И. О комплементарных культурных течениях и закономерностях развития торговли / Пер. с польск.; под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Статут, 2020. 150 с.
5. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2024. 352 с.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб: Издательство «Лань», 2000. 608 с.
8. Пракаш С.С. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / Пер. с англ. М.: Издательский центр «Академия», 1996. 304 с.
9. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2003 г. № 8-П // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2018 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс».

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ТОРГОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АСПЕКТЕ ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕПОЧЕК

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена выявлению актуальных направлений совершенствования правового регулирования цифровой торговой инфраструктуры. С учетом всевозрастающей необходимости использования цифровых торговых площадок и развития транспортного обслуживания логистических связей возникает потребность в совершенствовании механизма продвижения товаров (услуг) на отечественном рынке от производителя к потребителю. Так, в качестве важных направлений совершенствования правового регулирования видятся: меры по технологическому развитию торговой инфраструктуры и логистических цепочек движения товаров; меры по совершенствованию правил оформления сделок на базе электронных торговых площадок; меры по улучшению логистической инфраструктуры электронной торговли и др.

Ключевые слова: *цифровая торговая инфраструктура, e-commerce, логистика, маркетплейс.*

Направлениями совершенствования правового регулирования, обеспечивающего применение взаимосвязанных мер по организации и деятельности торговой инфраструктуры и транспортному обслуживанию логистических цепочек продвижения отечественных товаров на рынке от производителей к конечным потребителям, можно рассматривать следующие положения.

1. Меры по технологическому развитию торговой инфраструктуры и логистических цепочек движения товаров

Функциональная среда цифровых торговых площадок формируется за счет большого количества данных. Аккумуляция информации об участниках рынка, совершаемых сделках, платежных операциях и др. позволяют эффективно работать и развиваться системе. Данные, которыми располагает маркетплейс, позволяют площадке прогнозировать будущее развитие торговли в аспекте изменения спроса и предложения, порядка взаимодействия с партнерами, направления логистических цепочек и т.п.

Совершенствование правового регулирования должно основываться на применении единых требований к информации, размещаемой на электронных площадках, в том числе применительно к виду, классификации данных об участниках рынка с организуемым доступом к интернет-сайтам организаций. И здесь немаловажное значение приобретает разработка механизмов определения организаций, осуществляющих свою торговую деятельность через интернет. Должное

внимание следует уделять определению основ деятельности операторов электронных торговых площадок и наделением их специальной правосубъектностью.

Унификация и упрощение механизмов обработки данных, накапливаемых в процессе функционирования электронных торговых объектах, будет способствовать эффективному анализу и применению соответствующей информации, способствующей синергии отраслей цифровой торговой инфраструктуры и логистики.

Существенное значение приобретает и оказание государством мер поддержки отечественных инновационных проектов, концентрирующихся на цифровых технологиях по обработке и анализу «больших данных».

Нельзя не согласиться с мнением научного сообщества о том, что «огромное количество логистических процессов сейчас невозможно представить без цифровых технологий. Документы передаются через электронный документооборот, а цифровые экспедиторы позволяют ускорять возможность транспортировки сборных грузов и удовлетворить существенно возросший спрос от e-commerce. Цифровизация логистических процессов способствует ускорению их реализации, улучшению управляемости, устранению потерь и снижению затрат, что является особенно актуальным в условиях усиливающейся конкуренции» [2, с. 3]. В аспекте анализируемой проблематики предоставление актуальной, полной, достоверной информации сочетается с запросами потребителей быть максимально осведомленным о состоянии товара и услуги, о нахождении товара в определенное время в определенном месте или в пункте назначения, так и с запросами контрагентов, предпринимающими меры для полноценного управления ресурсами и рисками. С другой стороны, законодательно должны быть определены критерии информации, доступ к которой закрыт, и соответственно необходимо принятие мер по обеспечению защиты и безопасности таких данных. В связи с вышеизложенным, необходимо принятие системы мер, направленных на защиту персональных данных, обеспечение безопасности цифровой торговой инфраструктуры, придания юридической значимости электронным документам в рамках электронного документооборота.

2. Меры по совершенствованию правил оформления сделок на базе электронных торговых площадок

Представляется, что гражданское законодательство на сегодняшний день требует дополнений в части регулирования электронных сделок. Такое улучшение необходимо в целях упрощения процесса оформления сделок между партнерами, занятыми в сфере электронной торговли, а также в целях достижения синергетического эффекта от применения таких мер для улучшения процесса взаимодействия маркетплейсов и лиц, оказывающих логистические услуги.

В качестве точечных мероприятий можно рассматривать расширение области нормативно-правового регулирования формы, обязательных реквизитов договоров, заключаемых на электронных площадках. Видится необходимым также совершенствование форм внесения изменений, расторжения договоров, а также регламентация одностороннего отказа от исполнения договора. Возможные перспективы открываются и в аспекте регулирования допустимых способов защиты участников электронной торговли в связи с заключением и исполнением электронных договоров.

На сегодняшний день расширяется сфера применения электронно-цифровой подписи, в связи с чем, обмен электронными документами между участниками электронной торговли должно сопровождаться приданием им большей юридической значимости посредством использования этого инструмента.

3. Меры по совершенствованию логистической инфраструктуры электронной торговли

Электронная торговля существенным образом отличается от традиционных продаж темпами организации и реализации цепочек поставки. Эффективность данной сферы ставится в зависимость от умения прогнозировать спрос на товары, что в свою очередь создает платформу для разумного планирования организации запасов товаров на складах. Умелая аналитическая политика помогает сократить время оборота товаров и соответственно уменьшает стоимость доставки. Таким образом, следует развивать область прогнозирования в торговле с возможным внедрением технологий анализа и обработки данных для достижения целей логистики, а именно: планирования объемов продаж, организации каналов сбыта, складирования и хранения продукции, предпродажного сервиса, упаковки, транспортировки продукции, организации гарантийного и послегарантийного обслуживания, сервисного обслуживания.

Перспективным на сегодняшний день является внедрение использования достижений «Интернета вещей».

В соответствии с Приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 29 марта 2019 г. № 113 «Об утверждении Концепции построения и развития узкополосных беспроводных сетей связи «Интернета вещей» на территории Российской Федерации» «Интернет вещей» (IoT) является совокупностью сетей межмашинных коммуникаций и систем хранения/обработки больших данных, в которых за счет подключения датчиков и актуаторов (исполнительных механизмов) к сети реализуется цифровизация различных процессов и объектов. Использование полученных данных позволяет проводить оптимизацию процессов и объектов на базе новых алгоритмов, а обратная связь с актуаторами позволяет реализовывать эту оптимизацию на практике без существенных затрат. Внедрение «Интернета вещей» позволяет через

цифровизацию процессов и объектов снизить расходы и повысить производительность труда практически в любой отрасли.

Внедрение технологии «Интернета вещей» в область логистики позволит оптимизировать систему, включая складские операции, перевозки, доставку, что позволит повысить эффективность процессов, безопасность и качество обслуживания. Аналитическая информация как продукт действия данной технологии может быть применена во всей цепочки создания стоимости, что в свою очередь становится выгодным и для лиц, оказывающих логистические услуги, их партнеров и конечных потребителей.

К проблемам правового характера относят и вопросы, касающиеся возврата товаров покупателями. И здесь представляется необходимым совершенствование системы управления возвратами. Интернет позволяет пользоваться широкими возможностями для реализации возвращенного товара со склада новому заказчику при условии использования информационных технологий и их доступности. Выражается мнение и о необходимости регулирования возврата товара надлежащего качества для удовлетворения нужд социально ориентированных организаций на условиях передачи им товара на безвозмездной основе или по льготной цене.

Важным считается также развитие финансирования инновационных проектов, направленных на создание объектов логистической инфраструктуры, освобождение от налогового бремени инвестиций в такого рода объекты.

4. Меры по совершенствованию налогового законодательства

Электронная торговля может создавать сложности для применения традиционных норм налогообложения. В этой связи важно выработать налоговую политику в отношении торговли в секторе маркетплейсов.

Осуществлять торговлю через маркетплейсы могут юридические лица и индивидуальные предприниматели на общей системе налогообложения, УСН и ЕСХН. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 146 Налогового кодекса РФ операции по реализации товаров на территории РФ признаются объектом налогообложения НДС. В связи с тем, что товары являются собственностью продавца, то обязанность по уплате НДС при реализации товара возникает у продавца. Важно отметить то обстоятельство, что обязанность исчислять НДС возникает у продавца по дате отгрузочных документов на товар, выписанных маркетплейсом конечному покупателю, а не по дате передачи товара продавцом на склад. В соответствии с п. 1 ст. 171 НК РФ налогоплательщик имеет право уменьшить общую сумму НДС на установленные ст. 171 НК РФ налоговые вычеты.

В ситуации продажи товаров предпринимателями на УСН выручка от продажи товаров учитывается в доходах, соответственно организации на УСН не могут уменьшать подлежащую учету выручку на сумму вознаграждения посредника (маркетплейса).

Вместе с тем указанная позиция не всегда согласуется с судебной практикой, так как с формальной точки зрения, в качестве доходов должны учитываться только те суммы, которые реально поступили продавцу от маркетплейса (посредника по договору), удержанное посредником вознаграждение не должно включаться в состав дохода организации или индивидуального предпринимателя, применяющих УСН.

Есть расхождения на практике и относительно вопроса о дате признания дохода у налогоплательщика – принципала (в нашем случае – продавца).

Так, датой получения дохода считают день поступления денежных средств на счет в банке или в кассу продавца от посредника. Однако, согласно другой позиции, доход у продавца отражается на дату поступления оплаты посреднику (маркетплейсу) от покупателя.

Полагаем, что аналогичное расхождение в позициях должно быть устранено. В противном случае это влечет неопределенность в правоприменительной практике. Более того, такая ситуация может служить поводом для злоупотребления со стороны предпринимателей в части создания искусственной задолженности и не учета сумм, подлежащих налогообложению в составе доходов при исчислении налога, уплачиваемого в связи с применением УСН.

В качестве важного направления для совершенствования налогового законодательства в исследуемой сфере видится и улучшение качества налогового администрирования организаций. Современная модель электронного документооборота не позволяет подключить возможность искусственного интеллекта к процессу анализа договоров между контрагентами электронной торговой деятельности [1].

Целесообразно разработать требования по интеграции электронных торговых площадок с отдельными сервисами государственных услуг, задействованных в электронной торговле, в том числе Федеральной таможенной службы РФ, Федеральной налоговой службы РФ и др.

При заключении сделки между юридическими лицами будет целесообразно подписывать договор с помощью электронной цифровой подписи, что позволит автоматизировано зафиксировать данный договор и контролировать его основные положения.

Полагаем, что заслуживает внимание дальнейшее развитие и правовое регулирование технологии Блокчейн. Данная среда видится важным шагом развития администрирования электронной коммерции. Главным элементом транзакций внутри Блокчейн является смарт-контракт. Представляется, что совершенствование налогового администрирования электронной коммерции и технология Блокчейн позволит создать автоматизированную модель сбора и уплаты налогов.

Названные выше меры позволят получить синергетический эффект от применения взаимосвязанных мер по совершенствованию торговой

инфраструктуры и транспортному обслуживанию логистических цепочек продвижения отечественных товаров на рынке от производителей к конечным потребителям.

В ходе проведенного исследования установлено, что перспективными направлениями развития законодательства являются следующие направления:

1. Меры по технологическому развитию торговой инфраструктуры и логистических цепочек движения товаров.

2. Меры по совершенствованию правил оформления сделок на базе электронных торговых площадок.

3. Меры по совершенствованию логистической инфраструктуры электронной торговли.

4. Меры по совершенствованию налогового законодательства.

Совершенствование правового регулирования должно основываться на применении единых требований к информации, размещаемой на электронных площадках, определении основ деятельности операторов цифровых торговых объектов при условии наделения их специальной правосубъектностью.

В качестве эффективных мероприятий можно считать расширение императивной области договорного регулирования, а именно регламентации формы, обязательных реквизитов договоров, заключаемых с использованием торговых агрегаторов, а также совершенствование способов внесения изменений и расторжения договоров, защиты участников электронной торговли.

Важной мерой по улучшению логистических связей в электронной торговле является финансирование инновационных проектов, направленных на создание объектов логистической инфраструктуры с освобождением от налогового бремени инвестиций, вкладываемых в такого рода объекты.

В целях улучшения инвестиционного климата также необходимо повышение эффективности систем администрирования сбора налогов. Развитие электронного документооборота должно идти по пути внедрения технологий искусственного интеллекта, позволяющих производить анализ договорного сотрудничества между участниками электронной торговли, и выявлять рискованные зоны такого взаимодействия.

Список литературы

1. Митин Д.А. Совершенствование действующей в Российской Федерации модели налогового администрирования электронной коммерции // *Налоги и налогообложение*. 2020. № 5. С. 1–17. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33517 (Дата обращения: 30.01.2024 г.).

2. Пястолов О.А. Обеспечение безопасности международной торговли на основе цифровой логистики в условиях пандемии / О.А. Пястолов, Э.А. Арустамов, Р.В. Самолетов // *Отходы и ресурсы*. 2021. Т. 8. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06ECOR421.pdf> (Дата обращения: 30.01.2024 г.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ГЕННАЯ ИНЖЕНЕРИЯ: ИНТЕРЕСЫ ГРАЖДАН, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЛИЧНЫХ ПРАВ

Т.В. Кувырченкова¹, В.В. Черевко²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь,

² Международный институт управления и бизнеса Российского биотехнологического университета (РОСБИОТЕХ), г. Москва

Объектом исследования выступают правовые отношения, возникающие в ходе осуществления генно-инженерной деятельности. Предметом исследования являются правовые нормы (международные и национальные), регулирующие эту деятельность, а также устанавливающие ответственность за возможные нарушения личных прав в ходе осуществления генно-инженерной деятельности. Цель - установление правовых пробелов в защите прав граждан при осуществлении генно-инженерной деятельности и разработка предложений по восполнению имеющихся пробелов. Одними из основных методов исследования являются сравнительный, системный. Результатом исследования стали следующие выводы: необходимость совершенствования национального законодательства, в том числе устанавливающего административную и уголовную ответственность за нарушения личных прав при осуществлении генно-инженерной деятельности; расширение правовых норм, предусматривающих административную ответственность; расширение перечня органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях в этой области.

Ключевые слова: *генная инженерия, геном человека, международные нормы, федеральное законодательство, геномная информация, геномная регистрация, административная ответственность.*

Возникновение генной инженерии относят к 1971–1973 гг. Именно в это время в американских лабораториях была получена рекомбинантная ДНК. Пол Берг вместе со своими коллегами создал такую «химеру», засомневался в безопасности ее введения в клетки живых организмов, приостановил эксперименты *in vivo*. В дальнейшем эта осторожность влияла на развитие генной инженерии, хотя *предпосылки* для ее возникновения сформировались достаточно давно. В середине XIX века биологи уже работали с микроскопом, законами наследственности Менделя. Проводился ряд экспериментов с выделением ДНК в Европе.

В настоящее время генетическую или генную инженерию можно определить, как научно-технологическую платформу, состоящую из генетики, биохимии, химической инженерии, молекулярной и клеточной биологии, микробиологии и вирусологии. Она активно развивается, представляет собой в широком смысле третье поколение инструментов для изменения наследственной информации [6]. Как считают многие она изменила мир. Человек получил возможность манипулировать генами, наделять живые организмы нужными свойствами. Но ее развитие связано также с этическими проблемами, которые необходимо решать.

Генные инженеры работают с ДНК, но проверять результаты своей деятельности им приходится с помощью живых организмов. Полученный таким образом продукт исследуется очень строго, исходя из экономических, эргономических и этических требований. Из экспериментальных разработок на рынок попадают единицы, что связано с безопасностью для человека. Особенно это касается медицинских препаратов.

Интересы человечества являются отправной точкой дальнейших фундаментальных исследований в этой области научных познаний. Мы уже сейчас едим ГМ-продукты, лечимся рекомбинантными белками и потихоньку входим в эпоху медицины, способной сражаться не с симптомами, а причинами болезней [7].

Но научные исследования должны иметь ограничения, если они идут в разрез с правами личности. Для этого необходимо их правовое регулирование. Так, Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принятая 11 ноября 1997 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в статье 1 указывает на то, что геном человека знаменует собой достоинство человечества, а в статье 5 – исследование, лечение или диагностика, связанные с геномом какого-либо человека, могут проводиться лишь после тщательной предварительной оценки связанных с ними потенциальных опасностей и преимуществ и с учетом всех других предписаний, установленных национальным законодательством [3]. Международная декларация о генетических данных человека, принятая резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 г. в ст. 6 закрепила положение о том, что по этическим соображениям настоятельно необходимо, чтобы сбор, обработка, использование и хранение генетических данных человека и протеомных данных человека осуществлялись на основе прозрачных и приемлемых с этической точки зрения процедур [2]. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принятая резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 г., в ст. 3 в качестве принципов закрепляет положение о том, что интересы и благосостояние отдельного человека должны главенствовать над интересами собственно науки или общества, в процессе применения научных знаний необходимо сводить к минимуму любой возможный вред для пациентов (ст. 4), любое медицинское вмешательство должно осуществляться только с предварительного, свободного и информированного согласия соответствующего лица (ст. 6) и т.д. [1].

Таким образом, международные нормы закрепили положения (принципы) на которых должно базироваться научное исследование в

области генной инженерии, соблюдение которых позволит охранять интересы отдельной личности, групп людей и человечества в целом.

Что касается национального законодательства, то Федеральный закон от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» также в ст. 5 в качестве принципов генно-инженерной деятельности определил безопасность граждан (физических лиц) и окружающей среды, безопасность клинических испытаний методов генодиагностики и генной терапии (генотерапии) на уровне соматических клеток [4].

В ходе развития генной инженерии возникает ряд вопросов, требующих разрешения. Например, необходимость геномной информации, как неотъемлемой части биометрических данных идентифицируемого человека; геномных данных для определения генеалогического древа, наследственных заболеваний и др. Так, А.В. Лисаченко поднимает проблему о целесообразности применения в отношении «больших геномных данных» режима свободного обращения [10, с. 144]. Данный режим имеет свои положительные стороны. Так, имея указанную базу, ученые могут проводить более обширные исследования, устанавливая причины многих заболеваний. Но есть и определенные риски и связаны они прежде всего с неприкосновенностью личности и его частной жизни. Высказываются опасения, что человек может быть подвергнут дискриминации при приеме на работу, при заключении страховки и т.д., так как заинтересованные должностные лица будут знать его геномную информацию [10, с. 144]. И они не напрасны, так как в последние годы была раскрыта деятельность военных биологических лабораторий США на территории Украины. Стали активнее говорить о необходимости защиты геномной информации. Кроме этого, возможна утечка этой информации с использованием компьютерных и иных технологий.

Таким образом, однозначного ответа на поставленный вопрос найти нельзя. Необходимо повышать уровень защиты геномных данных, чтобы применять режим их свободного обращения.

В России после принятия Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» были предприняты некоторые шаги в целях идентификации личности человека. В 2009 г. создана федеральная база данных геномной информации (ФБГИ), где содержатся сведения о неустановленных лицах, биологический материал которых был изъят при производстве следственных действий и др. Это позволило раскрывать ранее приостановленные уголовные дела и привлекать виновных лиц к ответственности. Система создавалась в соответствии с принятой Combined DNA Index System (CODIS) аналогичной системой. Это упрочило международное сотрудничество по разным направлениям, в том числе и по линии Интерпола.

Современные исследования генома человека должны проводиться комплексно, междисциплинарно, с подключением к процессу представителей гуманитарных наук. Так, еще в 1990 г. реализовывался международный проект «Геном человека», содержащий в себе исследование социальных, правовых и этических аспектов. Он был завершен в 2003 г. Окончательная сборка генома была завершена в 2022 г. Поднятые гуманитарные проблемы в рамках этого проекта касались возможности дискриминации людей при устройстве на работу, получении страховых выплат. США предприняли определенные юридические шаги, позволяющие защитить от несанкционированного распространения геномной информации юридическим лицам.

Итак, можно констатировать, что любые исследования генной инженерии, если они касаются личности, требуют предосторожности и повышения защиты от возможной утечки геномной информации.

Возможные нарушения прав человека при проведении геномных исследований должны предусматривать в качестве последствий юридическую ответственность. Так, в Германии действует Закон о регулировании генно-инженерной деятельности, предусматривающий возможность возмещения ущерба, причиненного жизни и здоровью гражданина при использовании растений ГМО; в случае смерти – расходы, связанные с похоронами, возмещение всех обязательств усопшего; также подлежат возмещению алиментные обязательства, утрата трудоспособности и др. [11, с. 99] Уполномоченные органы федеральных земель вправе возбуждать и расследовать дела об административных правонарушениях в области генной инженерной деятельности, предусмотренных Законом о регулировании генно-инженерной деятельности в Германии [9, с. 429]. Административная ответственность выражается в виде штрафа, а уголовная ответственность предполагает лишение свободы или штраф [11, с. 99].

В США регулирование осуществляется несколько иначе. Объектом правового регулирования является организм, а не метод его получения в отличие от стран Европы и России (генная инженерия). Таким образом, правила регуляции в США более либеральные, что способствует развитию современной биотехнологии в большей степени, чем в Европейском союзе, что в значительной степени определяет отставание этого региона от США [8, с. 68–69].

В Российской Федерации основным законом, регулирующим генно-инженерную деятельность, является Федеральный от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности».

Согласно закону система безопасности предполагает установление 4 уровня безопасности в зависимости от степени потенциальной опасности:

I уровень риска соответствует работам, которые не представляют опасности для здоровья человека, и сопоставим с риском при работе с непатогенными микроорганизмами;

II уровень риска соответствует работам, которые представляют незначительную опасность для здоровья человека, и сопоставим с опасностью при работах с условно-патогенными микроорганизмами;

III уровень риска соответствует работам, которые представляют умеренную опасность для здоровья человека, и сопоставим с опасностью при работах с микроорганизмами, потенциально способными к передаче инфекции;

IV уровень риска соответствует работам, которые представляют опасность для здоровья человека, и сопоставим с опасностью при работах с возбудителями особо опасных инфекций.

Работы, проводимые с микроорганизмами в замкнутых системах в масштабе, превышающем лабораторные исследования, относятся к III или IV уровню риска [4].

Указанные правовые нормы, с одной стороны, регулируют вопросы безопасности и защиты личности от неправомерного вмешательства, но с другой – не способствуют эффективному развитию генно-инженерной деятельности. В связи с чем некоторые исследователи предлагают учитывать прогрессивный опыт США, их систему регуляции ГММ, являющуюся менее бюрократичной и гибкой, основанной на принципе опасности объекта, а не боязни метода [8, с. 74–75].

Что касается юридической ответственности, то в Российской Федерации в КоАП РФ есть одна статья 6.3.1, устанавливающая административную ответственность за нарушение законодательства в области генно-инженерной деятельности, предусматривающая ответственность за использование генно-инженерно-модифицированных организмов или продукции, не прошедших государственную регистрацию, если государственная регистрация предусмотрена законодательством, или срок действия свидетельства о государственной регистрации которых истек, либо использовании генно-инженерно-модифицированных организмов не в соответствии с целями, для которых они зарегистрированы, либо в нарушении специальных условий использования генно-инженерно-модифицированных организмов, в том числе при производстве конкретного вида продукции. За указанные правонарушения установлена административная ответственность в виде административного штрафа для должностных лиц и юридических лиц.

Практика по данной статье незначительная и в основном касается юрисдикционной деятельности Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору и его территориальных органов, хотя полномочиями возбуждать и рассматривать административные дела по ст. 6.3.1 КоАП РФ наделены также органы Роспотребнадзора в соответствии с

постановлением Правительства от 13.03.2017 г. № 281. Так, постановлением заместителя руководителя Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Нижегородской области и Республике Марий Эл ООО «КиПиАй Агро Сеченово» было привлечено к административной ответственности по ст. 6.3.1 КоАП РФ. Как усматривается из материалов дела, в ходе внеплановой проверки 24 августа 2020 г. было установлено, что ООО «КиПиАй Агро Сеченово» допустило нарушение законодательства Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности, выразившееся в использовании генно-инженерно-модифицированных организмов и (или) продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, которые не прошли государственную регистрацию. Указанное административное дело прошло рассмотрение несколько судебных инстанций, но Верховный Суд Российской Федерации оставил постановление без изменения [5]. Это одно из немногих дел, возбужденных по ст. 6.3.1 КоАП РФ.

Специальной статьи, предусматривающей уголовную ответственность за нарушения в области генно-инженерной деятельности, нет. Есть статья 238 УК РФ, устанавливающая ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности; ст. 248 УК РФ, устанавливающая ответственность за нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами; ст. 355 УК РФ, устанавливающая ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения.

Таким образом, законодательство, касающееся установления юридической ответственности за нарушение в области генно-инженерной деятельности, в Российской Федерации в настоящее время требует совершенствования: установления специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность, а также внесения изменений в КоАП РФ, предусматривающих ответственность не только за нарушение процедуры регистрации ГМО. Кроме этого, есть ряд вопросов и к определению органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях. Необходимо расширить перечень этих органов, так как, например, за нарушения в области редактирования генома человека к ответственности должен привлекать контролирующий орган, компетентный в сфере медицины. Исследования в области генной инженерии в Российской Федерации еще только набирают обороты, но их законодательное регулирование уже сейчас требует усовершенствования.

Список литературы

1. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 12.02.2024).
2. Международная декларация о генетических данных человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 12.02.2024).
3. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. Принята 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 12.02.2024).
4. Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Верховного Суда РФ от 19.09.2023 по делу № 9-АД23-12-К1 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Биомолекула. 12 методов в картинках: геновая инженерия. Часть I, историческая // <https://biomolecula.ru/articles/12-metodov-v-kartinkakh-gennaia-inzheneriia-chast-i-istoricheskaia> (дата обращения: 12.02.2024).
7. Биомолекула. 12 методов в картинках: геновая инженерия. Часть II, инструменты и техники // <https://biomolecula.ru/articles/12-metodov-v-kartinkakh-gennaia-inzheneriia-chast-ii-instrumenty-i-tehniki> (дата обращения: 12.02.2024).
8. Воейкова Т.А., Журавлева О.А., Дебабов В.Г. Сравнительный анализ правового регулирования промышленного использования генно-инженерно-модифицированных микроорганизмов в США, Евросоюзе и Российской Федерации. Молекулярная генетика, микробиология и вирусология. 2020. 38 (2). С. 67–75. // <https://www.mediasphera.ru/issues/molekulyarnaya-genetika-mikrobiologiya-i-virusologiya/2020/2/1020806132020021067> (дата обращения: 12.02.2024).
9. Лебедева Е.А. К вопросу о полномочиях федеральных органов исполнительной власти Германии в сфере генно-инженерной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том 17. № 3. С. 421–430.
10. Лисаченко А.В. Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 140–151. СПС «КонсультантПлюс».
11. Романовский Г.Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом. Сравнительное право. 2016. № 7 (116). С. 93 – 101 // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-geneticheskikh-issledovaniy-v-rossii-i-za-rubezhom/viewer> (дата обращения: 12.02.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ПРОБЛЕМА ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ТРЕТЬИХ ЛИЦ И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ

Е.С. Любобенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье дается анализ предмету процедуры медиации. Сам предмет медиации является категорией многогранной, включает как типы споров, которые могут быть урегулированы посредством медиации, так и те конфликты которые надлежит рассматривать в ином порядке. Вместе с тем необходимо также учитывать вопрос о медиабельности спора в контексте общего блага и защиты интересов третьих лиц.

Ключевые слова: медиация, третьи лица, интерес, публичный интерес, медиативное соглашение.

С 1 января 2011 г. система санкционированных государством способов урегулирования споров дополнилась процедурой медиации. Речь идет о вступлении в силу Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) [1].

Несмотря на то, что Закону о медиации уже более десяти лет, предмет его регулирования остается до сих пор дискуссионным. Особо значимой встает проблема возможности применения медиации в спорах, затрагивающих интересы несовершеннолетних, а также медиации с участием органов государственной власти.

В ч. 5 ст. 1 Закона о медиации содержится следующее положение: «Процедура медиации не применяется к коллективным трудовым спорам, а также спорам, возникающим из отношений, указанных в части второй настоящей статьи, в случае, если такие споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы». Здесь идет речь о немедиабельных спорах в контексте «затрагивания» интересов, относящихся в первом случае к неким третьим лицам, во втором – к публичному интересу безотносительно упоминания каких-либо специальных субъектов права.

Понятие интересов третьих лиц и публичного интереса в Законе о медиации не раскрывается.

Следует отметить, что проблема интереса в целом в науке разрабатывается достаточно давно. Исследованию интереса, подлежащего правовой защите, посвящены в том числе и работы Р.Е. Гукасяна. Так, например, в монографии «Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве» категория интереса представлена в качестве социальной категории, потребности, обусловленной социальными условиями жизни [11, с. 9].

Право же, по мнению профессора Гукасяна, охраняя субъективные права управомоченных лиц, способствует созданию условий, необходимых для удовлетворения интересов, социальных потребностей. Как справедливо отмечал Рафаэль Егишевич, удовлетворение интересов обеспечивается созданием внешних условий. Само заинтересованное лицо может этого и не осознавать [11, с. 10]. В данной связи на стадии анализа медиабельности спора медиатор обязан спрогнозировать, какие права и интересы могут быть гипотетически затронуты условиями будущего медиативного соглашения и кому они принадлежат. По смыслу положений ч. 5 ст. 1 Закона о медиации такое лицо необходимо пригласить в процедуру и в случае его отказа от участия, спор будет считаться немедиабельным.

Следует особо отметить, что при помощи такого законодательного установления государство демонстрирует готовность обеспечивать непосредственную защиту интересов вовлеченных в конфликт третьих лиц.

Данный подход представляется верным. Однако возникает вопрос: кто эти «третьи лица»? И здесь можно проследить аналогию с необходимостью привлечения субъекта в качестве третьего лица в судебный процесс, в том случае, когда судебным решением могут быть затронуты его права и обязанности. В ст. 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2] и ст. 51 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [3] говорится о возможном нарушении прав и обязанностей третьих лиц. Такая формулировка вовсе не означает, что их интересы остаются незамеченными. Защита законных интересов в данном случае осуществляется опосредованно, через реализацию субъективных прав этих лиц.

Таким образом можно определить, что третьи лица в Законе о медиации – это иные помимо сторон конфликта субъекты. Согласно положениям ст. 1 Закона о медиации к сторонам отнесены субъекты споров, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений, которые выразили желание урегулировать спор с помощью процедуры медиации.

Также не следует отождествлять участие третьих лиц и законное или договорное представительство в процедуре медиации. Как справедливо отмечают С.К. Загайнова и В.В. Ярков, если родители решают вопрос о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, то субъектом алиментного обязательства является ребенок и родитель. В данном случае непривлечение ребенка к процедуре медиации не следует

рассматривать как непривлечение третьего лица, чьи права могут быть затронуты медиативным соглашением, поскольку один из родителей будет выполнять функции законного представителя в силу положений ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации [6], что в юридической доктрине приравнивается к личному участию несовершеннолетнего в урегулировании спора [9]. Кроме того, существуют различные форматы участия детей в медиации в зависимости от возраста, характера ребенка и разрешения родителей.

Третьими лицами могут выступать также и поручители, залогодатели по спорам, вытекающим из кредитных отношений. Например, в случае спора по кредитному договору, по условиям которого предусмотрено поручительство, отказ поручителя от участия в медиации сделает процедуру невозможной, так как данный субъект как раз и будет выступать третьим лицом, права и интересы которого могут быть затронуты условиями этой сделки. В рамках отношений кредитования поручитель может стать конечным исполнителем по сделке и по общему правилу рассматривается законом в качестве солидарного должника.

Дискуссионным остается вопрос о возможности проведения процедуры медиации по делам о лишении родительских прав. Представляется, что по данным категориям дел медиация невозможна. Зачастую родители злоупотребляют алкоголем или наркотическими средствами. При наличии зависимости какой-либо из сторон спор считается немедиабельным, так как нарушается волевой компонент. Кроме того, в большинстве случаев, приводящих к постановке вопроса об ограничении или лишении родительских прав, родителями не исполнялись их обязанности, не были созданы безопасные условия, не обеспечивались базовые потребности несовершеннолетних [6]. Налицо наличие публичного интереса, так как речь идет об обеспечении безопасности жизни и здоровья несовершеннолетнего гражданина. О том, что следует понимать под публичным интересом, высказался Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2]. В пункте 75 вышеупомянутого постановления содержится следующее положение: «Применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы, например, сделки о залоге или уступке требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (п. 1 ст. 336, ст. 383 ГК РФ), сделки о страховании противоправных интересов (ст. 928 ГК РФ). Само по

себе несоответствие сделки законодательству или нарушение ею прав публично-правового образования не свидетельствует о том, что имеет место нарушение публичных интересов [4].

Отметим, что такая трактовка соотносится с доктринальными разработками публичного интереса. Так, Д.Н. Горшунов полагает, что «публичный интерес» — это признанный государством общественный интерес, выраженный в нормах права и обеспеченный принудительной силой государства [8, с. 12]. В работе Ю.А. Тихомирова публичный интерес предстает интересом социума, удовлетворение которого является условием его развития и существования, интерес, который признан государством и обеспечен правом [12, с. 122]. В.Ф. Яковлев, в свою очередь, указывал, что публичные интересы — это не столько интересы государства, сколько совокупные интересы граждан этого государства [13, с. 167].

По смыслу, придаваемому публичному интересу в доктрине и практике, он связан с интересами общества, а не деятельностью органов государственной власти. В среде юристов и медиаторов бытует мнение о том, что споры, например, с налоговыми органами невозможны, так как в этом случае затрагивается публичный интерес. Данный вывод делается только исходя из того, что в медиации будет задействован орган государственной власти. Вместе с тем в пункте 27 Постановления Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 18.07.2014 г. «О примирении сторон в арбитражном процессе» говорится о допустимости заключения соглашений при рассмотрении налоговых споров. Так, в рамках заключения соглашения могут быть признаны обстоятельства, от которых зависит возникновение соответствующих налоговых последствий, например:

- признание налоговым органом не учтенных в ходе мероприятий налогового контроля сумм расходов и налоговых вычетов, влияющих на действительный размер налоговой обязанности,

- признание наличия смягчающих обстоятельств, приводящих к уменьшению размера налоговых санкций, и др.), которые содержат правовую квалификацию деятельности лица, участвующего в деле, влекущую изменение размера его налоговой обязанности (например, признание экономически обоснованного и (или) документально подтвержденного размера произведенных расходов, нормальной величины потерь товаров, приемлемости используемых налогоплательщиком способов налоговой оптимизации его деятельности и др.) [5]. В таком случае в соглашении об урегулировании спора могут содержаться условия о скорректированном размере налоговой обязанности. Кроме того, как пояснило УФНС России по Санкт-Петербургу, при установлении соответствующих документально подтверждённых обстоятельств и размера действительных налоговых обязательств, подлежащих уточнению, в медиативном соглашении стороны могут изложить в соответствии с положениями ст. 81 Налогового кодекса Российской Федерации

конкретные суммы пени, подлежащие уплате до подачи налоговых деклараций [10].

Однако есть и ограничение для применения медиации, за которые стороны в медиации не могут выходить. Речь идёт об изменении налоговых последствий спорных действий и операций в сравнении с тем, как такие последствия определены законом. Например, предметом такого соглашения не могут выступать вопросы о снижении применимой налоговой ставки, изменении правил исчисления пеней, об освобождении налогоплательщика от уплаты налогов за определенные налоговые периоды или по определенным операциям.

Таким образом, за пределами ограничений налоговый орган и налогоплательщик при содействии медиатора могут согласовывать любые условия, учитывающие риски первого и особенности финансово-хозяйственной деятельности второго, и здесь не будет иметь место затрагивание публичного интереса, так как не происходит недопустимого законом недопознания бюджета государства. В медиативном соглашении можно предусмотреть удобные для налогоплательщика сроки уточнения налоговых обязательств и уплаты согласованных сумм налога, гарантии налогового органа об отсутствии выездной проверки, пеней и штрафов на этот согласованный период.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.02.2024).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.02.2024).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.02.2024).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.02.2024).
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.02.2024).
7. Решение Чулымского районного суда Новосибирской области по делу № 2-168/2021 от 17.05.2021 г. URL. <https://sudact.ru/regular/doc/vwQYA8GqMigl/> (дата обращения: 12.02.2024).
8. Горшунов Д. Н. Нормы частного права и их реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 23 с.
9. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. М.: «Инфотропик Медиа», 2011 // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.02.2024).
10. О востребованности налоговой медиации. Юлия Костецкая, заместитель руководителя УФНС России по Спб. URL. <https://goszakaz.tv/video/details/1471-ovostrebovannosti-nalogovoj-mediacii-yu> (дата обращения: 12.02.2024).
11. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Гукасян Р.Е.; Отв. ред. Вкут М.А. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. 190 с.
12. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.
13. Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. 224 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

СТАНДАРТ ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Е.А. Нахова, Д.В. Царькова

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Санкт-Петербург

В статье затрагиваются исторические аспекты развития понятия стандарта доказывания в различных правовых системах, а также производится анализ осуществления данного понятия в российском праве, который в первую очередь определен теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с изучением стандарта доказывания в цивилистическом процессе. В связи нарастающей популярностью института доказывания возникают вопросы определения стандарта доказывания, ограничения его от аналогичных явлений, выявления наиболее эффективного подхода в аспекте определения указанного понятия для целей его практического использования, а также разграничения стандарта доказывания для различных видов споров.

Ключевые слова: *стандарт доказывания, доказательство, доказывание, фактические обстоятельства.*

В историческом отрезке понятие стандарта доказывания для отечественной науки не характерно и появилось в ней сравнительно недавно, но анализ возникновения данного понятия в англосаксонской и континентальной правовой семье говорит об обратном.

Первичные упоминания о доказательствах и их оценке появились еще до общего разделения систем права, но и после произошедшего разделения каждая система продолжила усовершенствовать существующие нормы в связи со своими правовыми особенностями [1].

Например, система континентального права хоть и имела в практике нормы, когда могла действовать по своему усмотрению, но все же делала больший упор на сами доказательства, чем англосаксонская.

Стандарт доказывания в англосаксонской системе права – это понятие, используемое в юридической системе для определения требований при предоставлении доказательств в суд. Стандарт доказывания определяет основу, в соответствии с которой суд должен принять решение в случае, когда доказательства представлены сторонами. В зависимости от вида дела (гражданское или уголовное дело), стандарты доказывания могут варьироваться. В англосаксонской системе права наиболее распространены следующие стандарты доказывания:

1. Стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения» (beyond a reasonable doubt) используется в уголовном процессе. Указанный стандарт доказывания требует устранения разумных сомнений у суда относительно виновности обвиняемого. Этот стандарт доказывания является самым высоким и требует представления наиболее весомых и убедительных доказательств.

2. Стандарт доказывания «перевес доказательств» (или «существенных фактов») (preponderance of the evidence) устанавливается по гражданским делам. Данный стандарт доказывания применяется для определения, насколько вероятно, что требования одной из сторон правомерны. В этом случае, суд должен быть убежден на 51% или более в правомерности доводов одной из сторон.

3. Стандарт доказывания «явных и убедительных доказательств» (или стандарт «вероятности») (clear and convincing evidence) применяется по некоторым гражданским и уголовным делам. Данный стандарт доказывания требует от стороны предоставить доказательства, которые убеждают суд в том, что доводы или требования стороны имеют достаточную вероятность быть правомерными.

Стандарты доказывания имеют важное значение для справедливого судебного разбирательства и гарантии защиты прав каждой стороны. Стандарты доказывания способствуют суду принять законный, обоснованный, объективный судебный акт на основе представленных доказательств. Также стандарты доказывания снижают вероятность постановления ошибочного или несправедливого судебного акта.

Проанализировав и обобщив различные подходы к пониманию определения стандарта доказывания в теории и его практического применения в англо-саксонской и романо-германской системе права представляется возможным обсуждать внедрение понятия стандарта доказывания в российскую теорию цивилистического процессуального права и судебную практику. В настоящее время доказательства оцениваются по «внутреннему убеждению». Однако в последнее время высшие российские суды все чаще стали говорить, о том, что для подтверждения спорного факта не требуется абсолютной убежденности в его истинности.

Советские правоведы также сформировали определенные категории в определении и применении стандарта доказывания в российском судопроизводстве, например: повышенный и пониженный стандарт доказывания, перевес доказательств или баланс вероятностей, наиболее высокий стандарт доказывания. Все перечисленные стандарты доказывания можно характеризовать как основные используемые виды стандартов доказывания в российском судопроизводстве [2].

Но при возникновении новых категорий дел, формирования новой правоприменительной практики появилась необходимость модернизировать подходы к стандарту доказывания.

Можно определить стандарт доказывания в историческом промежутке как модель, применяющаяся в российском судопроизводстве достаточно молод, но за ним уже закрепились определенные базисы для его определения и применения. Эти базисы дают основу для дальнейшего совершенствования понятия стандарта доказывания и развития в

российском судопроизводстве, что приводит к более тщательному и достоверному разрешению дела. Тенденции развития стандарта доказывания проходят с анализом зарубежной практики и формирования точечного подхода на российское судопроизводство.

Понятие стандарта доказывания не закреплено в российском процессе, но при детальном изучении алгоритмов его применения можно сделать вывод о том, что стандарт доказывания служит определенной основой, на которую опирается судья в случае наличия максимально допустимого уровня сомнений в истинности факта, который стороны должны доказать.

Взаимосвязь стандарта доказывания и процессуальных институтов доказательственного права в гражданском процессе, конечно, существует, однако стандарт доказывания является самостоятельным институтом, находящимся в тесной связи с институтами доказательственного права в гражданском судопроизводстве и выступающий как гарант достижения доказанности факта [3].

Понимание связи стандарта доказывания с различными правовыми институтами несомненно наводит на мысль об определении оптимального стандарта, который соответствует степени субъективной уверенности в истинности спорного факта судьей.

Под видами стандарта доказывания понимается то, с помощью каких позиций стандарт доказывания будет достигнут. Основой всего может служить теория вероятностей, из нее могут выделяться более узконаправленные виды.

Первым видом предлагается выделить перевес доказательств или баланс вероятностей. Вторым видом стандарта доказывания – это пониженный стандарт доказывания. Третьим видом стандарта доказывания противоположен второму, а именно повышенный стандарт доказывания. Заключительным видом стандарта доказывания – это наиболее высокий стандарт доказывания.

Отвечая на вопрос, оптимальна ли потребность отечественного права в теоретическом определении и законодательном закреплении стандарта доказывания, необходимо обратиться к анализу судебной практики, который включает в себя анализ практики высших судебных инстанций. Результат этого анализа говорит о необходимости такого определения, которое должно исходить из нормы права. На сегодняшний день примером такой нормы может служить п. 5 ст. 393 ГК РФ, согласно которому размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности.

В судебной практике впервые не прямое упоминание стандарта доказывания появилось в 2011 г. в Постановлении Президиума ВАС РФ в деле о взыскании убытков.

Необходимо уделить внимание тому, что при использовании термина «впервые» все равно не раскрывается его сущность и не обозначается

толкование. Следует отметить, что при первоначальном употреблении термина не было разъяснена его сущность и указанный термин не был истолкован.

В целом, использование понятия стандарта происходит весьма волнообразно, без законодательного закрепления, а судебные органы применяют иные формулировки, как бы отходя от общего обозначения всего разнообразия терминов.

Таковыми формулировками являются понятия баланса вероятностей, ясных и убедительных доказательств, разумных подозрений, повышенных требований к доказыванию, которые по смыслу судебных актов относятся к определению выбираемого судьей критерия.

Подводя итог, необходимо отметить, что в последнее время начала складываться судебная практика по делам, где применяется стандарт доказывания, но отсутствие его нормативного закрепления свидетельствует о комплексном характере проблемы.

На данном этапе судебный процесс близится к идеальной модели, где происходит вовлеченное участие суда, участники процесса осуществляют всевозможные средства доказывания, а судебная практика создает оптимальные методы доказывания. Существующая проблема – это недостаток нормативного регулирования стандартов доказывания, которые относятся к определенным формам осуществления судом правосудия. Наличие такой проблематики способствует дальнейшему развитию доктрины с помощью судебной практики.

В свою очередь, стандарты доказывания, выполняя функцию предела судейского усмотрения, позволяют достичь необходимой определенности в праве.

Список литературы

1. Александров А.Ю. Правовая природа бремени доказывания в гражданском процессе: теоретико-правовой аспект // *Modern Science*. 2021. № 12–3. С. 127–132.
2. Звягина Н.С. Проблемы институционализации стандарта доказывания в отечественном цивилистическом процессе // *Российский судья*. 2022. № 9. С. 3–8.
3. Лозовская С.В. Определенность права и стандарты доказывания // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2023. № 5. С. 15–19.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА И ЛОГИКА ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается конституционная поправка, внесенная в текст Основного закона Российской Федерации в 2020 году. Объектом исследования является конституционный текст. Предмет исследования – правовые нормы отредактированной Конституции РФ. Цель исследования – рассмотрение структуры и логичности расположения, внесенных в российскую Конституцию положений; делается вывод о возможном изменении расположения норм о гарантиях прав человека при пересмотре Конституции РФ путем переноса из 3 во 2 главу, а также их дополнения.

Ключевые слова: конституционные нормы, поправка в конституцию, права человека, гарантии прав человека, молодежь, логика построения текста Конституции.

Главной идеей изменения текста Конституции Российской Федерации [1], произошедшего в 2020 г. [8], является обеспечение конституционно-правовым регулированием совершенствования формирования и организации деятельности органов публичной власти. При этом применены все предусмотренные Федеральным законом № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» [9] допустимые изменения текста глав 3–8: изложение в новой редакции, дополнение, а также исключение ряда положений.

Одним из важнейших стало включение норм о статусе российского государства не только как правопреемника, но и правопродолжателя СССР; о территории (и возможности создания территорий с особым статусом – «федеральных») и защите суверенитета.

Рассматривая новеллы конституционного текста, можно сказать, что они коснулись полномочий и статуса государственных органов и должностных лиц (Президента Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, депутатов и сенаторов, Председателя Правительства и самого Правительства Российской Федерации, Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации и судей, Прокуратуры Российской Федерации и прокуроров, высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, руководителей федеральных государственных органов), а также местного самоуправления и его органов [11].

Внесенные изменения достаточно подробно и детально исследуются учеными-конституционалистами [12, 13, 14, 15, 16]. При этом почти все они признаются обоснованными, насущными, отражающими современную тенденцию развития государственной власти в нашей стране. Некоторые

вопросы изучались автором этой статьи [17], и был сделан вывод о необходимости дополнительного правового регулирования, прежде всего, полномочий Президента Российской Федерации.

Подверглись изменению некоторые положения, регламентирующие федеративные отношения. Это касается разграничения предметов ведения и полномочий: уточнены предметы ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения. Установление ограничений для замещения должностей государственной и муниципальной службы, связанные с гражданством, наличием счетов (вкладов), хранения средств и ценностей в иностранных банках отнесено к ведению Российской Федерации. Совместное ведение России и ее субъектов дополнено новыми вопросами (направлениями). Вопросы сельского хозяйства, которых не было в предыдущей редакции ст. 72, несмотря на важность данного направления хозяйствования, нашли свое отражение в редакции 2020 г. Еще одна группа изменений коснулась вопросов экономических. Новая редакция ст. 75 и введение ст. 75.1 по отношению к первоначальному конституционному тексту значительно дополнили его нормами, относящимися к вопросам экономического регулирования. На этот счет существуют различные мнения ученых и практиков. Одни считают, что важно было обозначить роль Центробанка, другие говорят о недостаточности конституционно-правового регулирования вопросов экономической сферы. Полагаем, данная позиция небезосновательна.

Следует отметить, что в конституциях достаточно большого количества государств мира широко закреплены положения о принципах экономической деятельности государства, соотношении государственного и рыночного секторов экономики, свободы экономической деятельности, гарантий предпринимательской деятельности. Например, в «Основных положениях» Конституции Болгарской республики [2] – это совокупность принципов, которые не только определяют отношения в экономической сфере, но и напрямую называют тип экономики – смешанная. В конституциях ряда государств есть специальные разделы об экономической деятельности: Раздел VII «Экономика и финансы» Конституции Испании [6], Часть XII во взаимосвязи со специальными положениями о принятии законодательных актов в финансовой сфере Конституции Индии [4], Часть II. «Экономическая организация общества» конституции Португалии [7], Раздел III «Экономические отношения» Конституции Италии [5], Разделы 6,7 Конституции Бразилии [3].

Конституционное регулирование экономической деятельности («конституционная экономика» [18]), по мнению исследователей, включает в себя положения об экономическом строе государства. Это происходит путем закрепления базовых принципов экономической деятельности. Необходимо определение государственной собственности. Должна быть закреплена роль государства в проведении экономической

политики, особенно при рыночном типе хозяйствования. Входят в круг вопросов, подлежащих конституционному регулированию, положения о статусе личности в экономических отношениях, в частности должны быть обозначены вопросы частной собственности, гарантии при национализации и (или) приватизации, границы свободы человека в экономической, в том числе и предпринимательской деятельности и способы разрешения социально-экономических конфликтов. При анализе конституций зарубежных государств можно отметить, что большинство современных основных законов включает в себя нормы о формах собственности, о налогообложении, о национальной валюте, о правовом механизме принятия бюджета, парламентском, президентском государственном или общественном контроле за его исполнением, о государственных займах, о статусе главного (национального) банка.

Наличие норм конституционной экономики для нашей страны, которая сейчас находится в формировании рыночных отношений, необходимо. На наш взгляд, в тексте их недостаточно. Они должны системно отражать построение новых экономических отношений, но при этом государства усиливать гарантии экономической деятельности. Вызовом современности можно назвать ситуацию, с которой столкнулась мировая экономика в период пандемии коронавирусного заболевания. Государственная политика в сфере создания гарантий рыночной экономики, сохранения предпринимательской деятельности, выживания мелкого и среднего частного бизнеса не была готова к системным действиям, проводилась точечно. При этом большую роль сыграли инициативы Президента Российской Федерации, которые благодаря оперативности указов и законодательных инициатив позволили создать благоприятные режимы поддержки бизнеса. Потребовалось время для проведения системной политики сохранения экономики в государстве в чрезвычайной ситуации. Было бы уместно закрепить в Конституции РФ принципы, гарантии, специальные полномочия государственных органов на случай возможного повторения подобного рода катастроф.

При проведении мероприятий по укреплению государственного суверенитета, повлекших санкции иностранных государств, в том числе в экономической сфере, страна столкнулась с необходимостью дополнительного регулирования экономических отношений. И в первую очередь это коснулось вопросов перераспределения средств государственного бюджета и внебюджетных средств. Полагаем, что в этих случаях должен быть и особый контроль по исполнению бюджета. Вопросы такого контроля следует предусмотреть в Конституции РФ.

В измененном конституционном тексте нашло отражение разграничение предметов ведения и полномочий в отношении новых видов деятельности, ранее не упоминавшихся в Конституции РФ:

информационных технологий, космической деятельности, оборота цифровых данных, метрологической службы.

Предметы ведения Российской Федерации дополнены вопросами организации публичной власти, научно-технологического развития, установлением единых правовых основ системы здравоохранения. По отношению к вопросам, относящимся к сфере воспитания и образования, в конституционном тексте появилось указание на их системность и непрерывность.

Тексту конституционного акта свойственна логичность и структурированность. Следует отметить, по своему существу некоторые нормы должны были бы войти в гл. 2 Конституции, поскольку они напрямую относятся к конституционным гарантиям прав личности. Это нормы о пенсионном обеспечении и его принципах, о социальном страховании и социальной поддержке, о соотношении минимального размера оплаты труда с величиной прожиточного уровня. На наш взгляд пересмотр российской Конституции необходим, в том числе, для переноса норм – гарантий прав человека в соответствующую главу.

В соответствии с требованиями времени в Конституции РФ (редакции 2020 г.) обозначены вопросы молодежной политики. Они отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Упоминание молодежной политики в главе Конституции РФ о федеративном устройстве, с точки зрения разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами достаточно уместно. Однако стоит заметить, что нормы, посвященные правам или гарантиям молодежи, пока не нашли отражения в тексте конституции. Такая категория как субъектов государственной политики как «молодежь» не названа на уровне принципиальных положений основ конституционного строя, посвященных отдельным категориям граждан, как например, в ст. 7 перечислены гарантии государственной поддержки материнства, отцовства, детства, инвалидов, пожилых граждан. Не встречается упоминание молодежи и во 2 главе «Права и свободы человека и гражданина». Молодежь, как и поименованные субъекты конституционных прав, нуждается в особой защите государства. Нормативно-правовое регулирование в данной области существует, в том числе, принят специальный закон [10]. Но конституционные гарантии сейчас можно обозначить только из толкования конституционного текста. На молодежь (людей в возрасте от 14 до 35 лет), без сомнения, в полной мере распространяются все гарантии прав человека, которые закреплены Конституцией РФ. Полагаем, что нормы о правах и гарантиях молодежи, как и детей, а также иных категорий граждан, напрямую являющихся субъектами, к которым обращены конкретные гарантии (как например, право на получение бесплатного жилища малоимущими гражданами) должны быть включены во 2 главу Конституции.

В обновленном конституционном тексте нашли отражение духовные основы российского общества. Обращенные ко всем людям (гражданам) на практике они формируются путем воспитательного воздействия. Поэтому в Конституции должны быть названы те, кто в первую очередь участвует в воспитательном процессе: дети, родители, молодежь, с возложением на них конституционных обязанностей, корреспондирующих реализации принципиальных положений об основах воспитания гражданина государства в соответствии с принципами международного права, сохранении национальной идентичности и ментальности российского народа.

Новеллы конституционного текста коснулись вопросов здравоохранения. Появилось упоминание доступности качественной медицинской помощи. Введено новое понятие «общественного здоровья». Требуется особое осмысление положения о создании условий для здорового образа жизни. Надо полагать, речь идет о государственных гарантиях. Следует отметить, что уместно было бы расположить нормы об условиях здорового образа жизни и его государственных гарантиях в главе 2 Конституции РФ.

Формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью находится в тесной зависимости с образованием человека, разумном принятии им факта, что, прежде всего, именно он сам должен заботиться о состоянии своего здоровья, а государство не выступает в роли надсмотрщика. Оно призвано создать систему гарантий реализации права на здоровье, включая право на здоровый образ жизни, благоприятную экологическую среду, позволяющую сохранять здоровье человека, право на своевременную медицинскую помощь, которая должна быть качественной, доступной, соответствовать уровню развития медицины, используя достижения науки и практики, предусматривать возможности бесплатного оказания медицинских услуг. Такого рода гарантии конституционных прав в области сохранения здоровья человека должны быть включены в конституционный текст статьи (либо нескольких статей) гл. 2, вместе с нормами, регламентирующими право на здоровье и медицинскую помощь. Отметим, что и в этом случае надо полагать, что гарантии реализации права эффективны тогда, когда человек может и хочет ими пользоваться.

Изменения Конституции РФ 2020 года носят глобальный характер, определяя не только совершенствование деятельности органов публичной власти. Они напрямую имеют отношение к правам и свободам человека и гражданина. Разумное и логичное расположение в конституционном тексте ряда норм должно быть в гл. 2. При этом есть необходимость их дополнения, с тем, чтобы конституционно-правовое регулирование носило целостный характер.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // URL: [/http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#Ю](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#Ю) (дата обращения: 30.01.2024).
2. Конституции Болгарской республики // URL: <http://parliament.am/library/sahmanadrutyunner/bulgaria.pdf> (дата обращения: 30.01.2024).
3. Конституция Бразилии // [https:// URL: worldconstitutions.ru/?p=563](https://worldconstitutions.ru/?p=563) (дата обращения: 30.01.2024).
4. Конституция Индии // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=28> (дата обращения: 30.01.2024).
5. Конституция Италии // [https:// URL: www.russia-italia.com/documenti/costituzioneitalianarusso.pdf](https://www.russia-italia.com/documenti/costituzioneitalianarusso.pdf) (дата обращения: 30.01.2024).
6. Конституция Испании // URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (дата обращения: 30.01.2024).
7. Конституция Португалии // URL: <https://pandia.ru/text/77/301/93234-2.php> (дата обращения: 30.01.2024).
8. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 22.01.2024).
9. Федеральный закон от 4 марта 1998 г. 333-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ 1998. № 10. Ст. 1146.
10. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ // URL: <https://docs.cntd.ru/document/573248507> (дата обращения: 04.02.2024).
11. Антонова Н.А. Новый законопроект о местном самоуправлении: перспективы реформирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. № 1. 2022. С. 28–34.
12. Галицкая К.А. Модели легитимации власти Президента РФ: особенности и трансформация в период с 2000 по 2020 годы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021 // URL: <https://www.dissercat.com/content/modeli-legitimatsii-vlasti-prezidenta-rf-osobennosti-i-transformatsiya-v-period-s-2000-po> (дата обращения: 01.02.2024).
13. Кошель А.С. Конституционные стандарты парламентских процедур в Российской Федерации как демократическом правовом государстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022 // URL: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionnye-standarty-parlamentskikh-protsedur-v-rossiiskoi-federatsii-kak-demokraticheskom-pravovom-gosudarstve> (дата обращения: 02.02.2024).
14. Марков Р. С. Конституционно-правовое регулирование порядка замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2023 // URL: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-poryadka-zameshcheniya-dolzhnosti-vysshego-dolzhnostn> (дата обращения: 02.02.2024).
15. Третьяк И. А. Конституционная конфликтология: дисс. ... докт. юрид. наук. Омск, 2022 // URL: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionnaya-konfliktologiya> (дата обращения: 02.02.2024).
16. Нечкин А.В. Глава государства в странах Содружества Независимых Государств (сравнительное конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023 // URL: <https://www.dissercat.com/content/glava-gosudarstva-v-stranakh-sodruzhestva-nezavisimyykh-gosudarstv-sravnitelnoe-konstitutsionno-pravovoe-issledovanie> (дата обращения: 02.02.2024).
17. Рязанова Е.А. О полномочиях Президента Российской Федерации. Вестник ТвГУ. Серия: Право. № 3. 2020. С. 35–40.
18. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов (17-е издание, исправленное и дополненное). М.: Статут, 2013. С. 200–231.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

К ВОПРОСУ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ИНСТИТУТА КОНФИСКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы применения института конфискации в Российской Федерации. На основании анализа судебной практики делается вывод о расширении законодателем возможностей для применения конфискации в стране. Поднимается вопрос о нарушении прав третьих лиц (сособственников) при конфискации имущества обвиняемого, неправомерности так называемой «альтернативной» конфискации, в ходе которой изымается соразмерное по стоимости имущество, а также обеспечительном праве суда, в связи конфискуется имущество обвиняемого, на которое в ходе досудебного производства по уголовному делу был наложен арест в целях обеспечения гражданского иска или исполнения наказания в виде штрафа. Констатируется необходимость совершенствования уголовно-правового законодательства, в том числе в части установления ограничения по режиму собственности конфискуемого имущества, обязательном закреплении в правовом поле государства обязанности государства по передаче конфискованного имущества в общественное пользование применительно к погашению ущерба потерпевшим (или законным представителям потерпевших) по делам осужденных, в отношении которых Президентом Российской Федерации применен акт о помиловании, внесении конфискации в перечень наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ.

***Ключевые слова:** конфискация, принудительное изъятие собственности, имущество третьих лиц, сособственник, ограничение по режиму собственности конфискуемого имущества, меры уголовно-правового характера, общие начала назначения наказания.*

Мир изменился... И свидетельством этому является разрушение краеугольного камня либеральных прав и свобод зарубежного мира – права частной собственности, а точнее, ее права на неприкосновенность.

К сожалению, уходит в прошлое основной правовой принцип изъятия собственности – только по решению суда.

Причины категоричного отказа в этом праве только Российской Федерации США и Западной Европой понятны¹. Понятны и основания, по которым Россия не обжалует незаконную «заморозку» ее золотовалютных резервов в Международный суд ООН: значимость Генеральной Ассамблеи

¹ В то же время в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран» от 17.12.2021 г. A/RES/76/191 государство не может применять или поощрять применение односторонних экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав. Подобные меры квалифицируются как вопиющее нарушение принципов международного права, изложенных в Уставе ООН, а также основных принципов многосторонней торговой системы [1].

ООН, конечно, высока, но перспектива оспаривания односторонних санкций в сегодняшней политической ситуации вряд ли будет выигрышной.

В этой связи представляется более правильным обжаловать законность конфискации собственности России в рамках национальных правовых систем тех государств, которые эти санкции ввели. Тем более, что в зарубежном законодательстве право частной собственности по-прежнему незыблемо и защищено. Однако и для такого правового шага время еще не пришло...

На фоне происходящих в мире событий обращает на себя внимание и изменение отношения к институту конфискации со стороны российского законодателя.

Например, еще в 2019 г. Конституционный Суд Российской Федерации признал законным решение об изъятии в пользу государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы не только признанным виновным в коррупционном преступлении чиновником, членами его семьи, но и любыми лицами [2].

Кассационной инстанцией Верховного Суда Российской Федерации по одному из уголовных дел озвучена позиция, согласно которой наличие имущества в общей собственности не препятствует его конфискации [3].

При этом в первом случае решение аргументировано интересами государства, во втором – возможностью сособственников обратиться с самостоятельным требованием в суд в порядке гражданского судопроизводства. Конкретных же разъяснений относительно защиты прав указанных лиц в решениях судов не содержится.

Изменениями, внесенными в статью 104-1 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), увеличено количество статей, по которым предусмотрена конфискация денег, ценностей и другого имущества, полученного в результате совершения преступлений [4].

К этим преступлениям теперь отнесены ст. 207-3 УК РФ, предусматривающая ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации о российских вооруженных силах..., ст. 280-4 УК РФ (ответственность за публичные призывы, направленные против безопасности государства), при совершении указанных преступлений из корыстных побуждений.

Кроме того, ст. 104-1 УК РФ дополнена перечнем статей, указанных в примечании как преступления, направленные против безопасности государства. К ним теперь отнесены ст. 281-1 УК РФ (содействие диверсионной деятельности), ст. 281-2 УК РФ (прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности) и ст. 281-3 УК РФ (организация диверсионного сообщества и участие в нем).

Внесением такого рода изменений в действующий уголовный закон государством, на наш взгляд, демонстрируется наглядное желание

существенно расширить применение института конфискации. Причем с учетом ранее состоявшихся судебных решений в практику вводится фактически упрощенная конфискация имущества третьих лиц.

Так, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации [5] к принадлежащему обвиняемому имуществу отнесено теперь не только имущество, находящееся в его собственности, но и находящееся в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов. В рамках так называемой «альтернативной конфискации» суд вправе конфисковать соразмерное по стоимости имущество, если конфискация определенного имущества невозможна по причине его дарения, утраты, уничтожения. И наконец, Верховным Судом Российской Федерации разъяснено так называемое «обеспечительное» право суда, в соответствии с которым он теперь имеет теперь право конфисковать имущество обвиняемого, на которое в ходе досудебного производства по уголовному делу был наложен арест в целях обеспечения гражданского иска или исполнения наказания в виде штрафа. При прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям конфискация будет применяться в порядке разрешения вопросов о вещественных доказательствах.

Следует отметить, что к институту конфискации всегда было неоднозначное отношение на протяжении всей истории России. Она то вводилась в уголовное законодательство, то исключалась из него. Причем в Своде Законов 1832 г. и Уложении о наказаниях 1845 г. она предусматривалась как мера наказания за политические преступления [6].

О несоответствии конфискации имущества взглядам уголовного наказания высказывались и такие российские ученые-процессуалисты, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Г.Е. Колоколов, В.Д. Спасович. Все они говорили о нарушении принципа личной ответственности осужденного, поскольку бремя ответственности за преступление ложилось еще и на семью. Изъяном института конфискации имущества признавалась и его несогласованность с правом человека на собственность [7].

Данный вывод российских ученых-процессуалистов актуален для настоящего правового момента как никогда.

При этом важное значение имеет тот факт, что Основным законом страны предусмотрены не только само право частной собственности, но и специально оговоренные конституционные гарантии судебной защиты этого права.

В частности, исключительная компетенция суда в решении вопросов лишения собственников их имущества.

Это означает, во-первых, что никакой иной орган, кроме суда, не может принимать такие решения. Во-вторых, такие решения не могут быть приняты в иной процедуре, в ином процессуальном порядке, кроме судебного.

С учетом изложенного ст. 104-1 УК РФ должна предусматривать ограничения по режиму собственности конфискуемого имущества.

В частности, по обвинительному приговору ее применение должно быть только в отношении денег, ценностей и иного имущества, принадлежащих единолично обвиняемому.

Исключение из этого правила возможно только при конфискации денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для совершения финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации); полученных в ходе совершения преступлений корыстной направленности, а также коррупционных.

Подобное изложение содержания ст. 104-1 УК РФ позволит существенно улучшить эффективность противодействия преступлениям против безопасности государства, а также преступлениям коррупционной направленности, повысит эффективность от применения наказаний к лицам, виновным в совершении указанных преступлений.

В рамках совершенствования уголовно-правового законодательства и правоприменительной практики требуется внесение изменений в Уголовный закон и в части уточнения дальнейшего использования конфискованного имущества.

В этой связи предлагается рассмотреть вопрос об обязательном закреплении в правовом поле государства, в том числе в ст. 104-1 УК РФ, обязанности государства по передаче конфискованного имущества в общественное пользование, в дальнейшем для погашения ущерба потерпевшим (или законным представителям потерпевших) по делам осужденных, в отношении которых Президентом Российской Федерации применен акт о помиловании. Одновременно уголовно и гражданско-процессуальным законодательством должны быть предусмотрены и закреплены механизмы обжалования решения о конфискации имущества в случае, когда конфискованное имущество в дальнейшем не используется в предусмотренных законом общественных целях.

В целях исключения злоупотреблений предлагается также вывести принудительное изъятие собственности из иных мер уголовно-правового характера и ввести в список наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ.

Последнее будет лишним раз подчеркивать обязанность суда применять конфискацию денег, ценностей и иного имущества исключительно как наказание для виновного в совершении конкретного преступления, а не в целях наказания третьих лиц (сособственников), поскольку общими началами назначения наказания, в первую очередь, предусмотрена индивидуализация назначения наказания.

Одновременно предлагается вернуть в уголовно-процессуальное законодательство и перечень имущества, не подлежащего конфискации (в настоящее время используется перечень, содержащийся в ст. 446 ГПК РФ).

Список литературы

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран» от 17.12.2021 г. A/RES/76/191. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru> (дата обращения: 25.02.2024).

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2019 г. № 2653-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семыниной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72882578/> (дата обращения: 25.02.2024).

3. Определение кассационной инстанции Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2023 № 12-УДП23-8-К6 по делу Трофимова А.Н., осужденного по ч. 1 ст. 264-1 УК РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2304782 (дата обращения: 25.02.2024).

4. Федеральный закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 N 17 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232 (дата обращения: 25.02.2024).

6. Статья «Отобрали и не вернули: исторический опыт конфискации бизнеса в разных странах» [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinepatent.ru/journal/business-seizure-history/> (дата обращения: 25.02.2024).

7. Мартыненко Э.В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2010. 239 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/konfiskatsiya-imushchestva-v-deistvuyushchem-rossiiskom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 25.02.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье анализируется деятельность и компетенция Суда Евразийского экономического союза. Рассмотрены важные аспекты судопроизводства по оспариванию решений Евразийской экономической комиссии и выделены основные причины отказа хозяйствующим субъектам в принятии заявлений к производству.

Ключевые слова: обжалование решений Евразийской экономической комиссии, Суд Евразийского экономического союза, судебная правовая позиция, судебный нормоконтроль, таможенные органы.

В связи с последовательным развитием евразийской интеграции и образованием Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) потребовалось кроме установления правовых и институциональных основ, также создание эффективного механизма защиты прав и законных интересов участников объединения. Для разрешения спорных правовых вопросов по интерпретации Договора о ЕАЭС [2] и судебного нормоконтроля за решениями наднациональных органов с 2014 г. на единой таможенной территории тогда еще Таможенного союза стал действовать единый орган судебной власти.

Правовой положение Суда ЕАЭС регламентировано в отдельном Приложении № 2 к Договору о ЕАЭС. Данное Приложение именуется как «Статут Суда Евразийского экономического союза» и определяет организацию деятельности Суда, его компетенцию. Порядок судопроизводства определен в Регламенте Суда ЕАЭС [3].

Уникальность Суда ЕАЭС как судебного органа ЕАЭС заключается в том, что в его компетенцию входит как судопроизводство, так и дача правовых разъяснений.

Так, Суд ЕАЭС осуществляет:

— разрешение дел по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и (или) решений органов ЕАЭС;

— разъяснение положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и решений органов ЕАЭС, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов ЕАЭС и Суда ЕАЭС положений Договора, международных договоров в рамках ЕАЭС и решений органов ЕАЭС, связанных с трудовыми правоотношениями.

Если в вопросе судебной защиты прав и законных интересов обратиться к национальному законодательству России, то в ч. 2 ст. 120 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) указано,

что «суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом» [1]. Возможность оспаривания нормативных правовых актов посредством обращения в суд получила название судебного нормоконтроль.

В зависимости от субъекта судебный нормоконтроль разделяют на:

контроль, осуществляемый Конституционным Судом Российской Федерации и конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации;

контроль судов общей юрисдикции (в рамках главы 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [4];

контроль, осуществляемый арбитражными судами (Судом по интеллектуальным правам в рамках главы 23 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [5].

Стоит отметить, что в рамках 21 главы КАС РФ рассматривается вопрос о легитимности нормативного правового акта, а в рамках 22 главы КАС РФ оспариваются решения, действия (бездействие) органов государственной власти. Таким образом, посредством гл. 22 КАС РФ граждане могут также защищают свои права в рамках публичных правоотношений, но в связи с возникновением конкретных жизненных ситуаций, например, оспаривать законность и обоснованность решений должностного лица таможенного органа об изменении классификационного кода товара и доначислении таможенных платежей.

В рамках гл. 21 КАС РФ возможно оспаривать законность нормативного правового акта, например, административный истец (общество с ограниченной ответственностью «Маяк») обратился в суд «о признании недействующим приказа Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ФТС России) от 16 мая 2018 г. № 700дсп «Об утверждении Положения о применении системы управления рисками». Из анализа предписаний Положения следует, что оспариваемый акт, вопреки доводам ФТС России, содержит правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, устанавливает права и обязанности не только должностных лиц таможенных органов, но и участников внешнеэкономической деятельности, в отношении которых применяется система управления рисками, является нормативным правовым актом, затрагивающим права и свободы граждан и юридических лиц. Но как разъяснено в п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [9], акты, не прошедшие государственную регистрацию (если такая

регистрация является обязательной), не опубликованные в предусмотренном порядке, а равно имеющие иные нарушения порядка принятия и введения в действие, свидетельствующие об отсутствии у них юридической силы, не влекут правовых последствий и не могут регулировать соответствующие правоотношения независимо от выявления указанных нарушений в судебном порядке. Установив такие нарушения, суд принимает решение о признании оспариваемого акта не действующим полностью (в том числе и при оспаривании в суд его отдельных положений), как не имеющего юридической силы с момента его принятия» [10].

Таким образом, судебная проверка нормативного правового акта подразумевает под собой оценку законности принятия акта, т. е. уполномоченным ли органом (лицом) принят нормативный правовой акт, соблюден ли порядок официального опубликования, а также оценке подлежит содержание правовых норм, т.е. их соответствие нормативным правовым актам, обладающим большей юридической силой.

Такой же механизм судебного нормоконтроля предусмотрен и на уровне ЕАЭС. В качестве субъектов, наделенных правом обращения в Суд ЕАЭС по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и (или) решений органов ЕАЭС, указаны государства-члены ЕАЭС и хозяйствующие субъекты.

Хозяйствующими субъектами являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые осуществляют внешнеэкономическую деятельность. Поэтому решения Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) могут непосредственно затрагивать права и законные интересы таких хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В соответствии с подпунктом 2) пункта 39 главы IV «Компетенция Суда» Статута по обращениям хозяйствующих субъектов Суда ЕАЭС рассматривает споры:

- о соответствии решения ЕЭК Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках ЕАЭС;
- об оспаривании действия (бездействия) ЕЭК.

При этом важным обстоятельством является, чтобы решение или действие ЕЭК должны непосредственно затрагивать права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности либо повлечь нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Перед обращением в Суд ЕАЭС заявитель должен соблюсти требование о обязательном досудебном порядке урегулирования спора, иначе в силу ст. 33 Регламента Суда будет отказано в принятии заявления к производству. Так, в п. 43 Статута Суда ЕАЭС закреплено положение о

том, что спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к ЕЭК для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором о ЕАЭС. Согласно ст. 9 Регламента Суда ЕАЭС сведения о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора должны быть отражены в заявлении хозяйствующего субъекта о разрешении спора.

Например, в постановлении Суда ЕАЭС о принятии заявления к производству указано, что «с целью соблюдения досудебного порядка урегулирования спора истец (группа компаний ИНТЕРПАЙП) дважды (27 июня, 3 декабря 2018 г.) обращался в ЕЭК с просьбой прекратить бездействие, не соответствующее Договору, и устранить нарушение прав и законных интересов группы компаний ИНТЕРПАЙП путем принятия решения Коллегии ЕЭК об изменении (снижении) размеров ставок антидемпинговых пошлин. Однако данные обращения ЕЭК не удовлетворила» [6].

В следующем примере практики Суд ЕАЭС, вынося постановление об оставлении заявления без движения, указал, что истец ООО «Логосервис» не выполнил требование о досудебном урегулировании спора. Так, «к заявлению ООО «Логосервис» не приложена копия досудебного обращения истца в ЕЭК, ответом на которое явилось письмо ЕЭК от 21 февраля 2022 года». Также были обнаружены и другие недостатки, например не указаны статьи Договора и (или) международных договоров в рамках ЕАЭС, которым, по мнению истца, не соответствует обжалуемое решение» [7].

Таким образом, Суд ЕАЭС оставляет заявление без движения в случае выявления нарушений по форме и содержанию заявления, либо при отсутствии подтверждающих документов, которые необходимо прикладывать к заявлению. Так, «Постановлением Коллегии Суда ЕАЭС от 6 декабря 2021 года заявление АО «ИнВест Мультимодал» оставлено без движения. Коллегия Суда отметила, что в нарушение положений Регламента Суда ЕАЭС заявителем не представлены документы, подтверждающие направление ответчику в лице ЕЭК копии заявления и прилагаемых к нему документов; в подтверждение статуса юридического лица истцом не приложена копия свидетельства о государственной регистрации, а также копия свидетельства о включении истца в реестр таможенных представителей. Кроме того, представленные истцом документы на бумажном и электронном носителе не совпадают» [8].

При этом Суд ЕАЭС предоставляет время для исправления нарушений и недостатков, однако, если истец их не устранит, тогда отказывает в принятии заявления к производству.

Стоит отметить, что в рамках судебного нормоконтроля Суд ЕАЭС решает только вопросы права. Поэтому требования истцов в части зачета

излишне уплаченных сумм таможенных платежей и/или компенсации вреда не соответствуют компетенции Суда ЕАЭС.

Как было представлено в деле по заявлению группы компаний ИНТЕРПАЙП, Суд ЕАЭС принял к производству заявление в части оспаривания бездействия Комиссии в неприятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, но требование истца о приведении размеров ставок антидемпинговых пошлин в соответствие с нормами права ЕАЭС и зачёте избыточно уплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин было признано не соответствующим компетенции Суда, предусмотренной ст. 39 Статута Суда [6].

Данное дело является весьма показательным, так как при дальнейшем рассмотрении было установлено, что истцом неверно выбран способ защиты своих прав. В силу ст. 39 Статуса Суда ЕАЭС предусмотрена возможность для хозяйствующих субъектов либо оспорить решение ЕЭК, либо действие (бездействие) ЕЭК. Способы защиты нарушенных прав и законных интересов хозяйствующих субъектов применяются в зависимости от того, чем затрагиваются их права и интересы, – правовым актом ЕЭК или ненадлежащим исполнением (неисполнением) ЕЭК своих функциональных обязанностей, регламентированных правом ЕАЭС. Поэтому Суд ЕАЭС прекратил производство по делу по заявлению группы компаний ИНТЕРПАЙП в виду того, что анализ обстоятельств дела и применимого права ЕАЭС позволил сделать вывод об отсутствии компетенции Суда по рассмотрению обращения об оспаривании бездействия ЕЭК [6]. В данном случае необходимо было оспаривать не бездействие ЕЭК в связи с ее отказом по пересмотру ставок антидемпинговой пошлины, а решение ЕЭК об утверждении этих ставок, так как права и законные интересы истца затронуты именно этим решением.

Суд ЕАЭС согласно ст. 45 Регламента Суда ЕАЭС в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий ЕЭК на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) ЕЭК на соответствие их Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках ЕАЭС [3].

Т.Н. Нешатаева, как судья Суда ЕАЭС отмечает, что «в делах 2015–2017 годов, рассмотренных в Суде ЕАЭС, возникал вопрос в связи с неопределенностью понятия «права и законные интересы субъектов хозяйствования, нарушенные оспариваемой нормой права». Ответчик – ЕЭК неоднократно настаивал, что истцы – хозяйствующие субъекты – не

доказывают нарушения субъективных прав. В итоге было сформулировано правило, которое определяет, что Статут Суда ЕАЭС предоставляет хозяйствующим субъектам право на обращение в Суд в случае, если, во-первых, оспариваемый акт ЕЭК и или отдельные его положения непосредственно затрагивают их права и законные интересы и, во-вторых, касаются предмета их предпринимательской и иной экономической деятельности» (постановление от 21 декабря 2015 г. по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт»). Последнее подтверждается уставными документами хозяйствующего субъекта. С этого момента все заявления хозяйствующих субъектов в Суд проверяются согласно правилу этой правовой позиции, которая придала абстрактный характер понятию субъективного права и интереса, что позволило избежать предоставления доказательств индивидуального характера на стадии возникновения судебного дела» [11].

При разрешении споров Судом ЕАЭС важным прогрессивным моментом является выработка правовых позиций. Так, Т.Н. Нешатаева указывает, что «в практике Суда ЕАЭС возникает необходимость выработки замещающего правила (позиции) как по неясным, так и по спорным вопросам. Суд обязан «привязывать» действующую норму к развивающимся отношениям, формируя конкретизирующее правило в своей правовой позиции по спорному вопросу» [11].

В судебной практике 2022 г. также есть отсылка к данной правовой позиции и опыту рассмотрения дела по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт». Суд ЕАЭС определил, что для обращения в Суд ЕАЭС хозяйствующими субъектами необходимо чтобы, во-первых, оспариваемый акт ЕЭК или отдельные его положения непосредственно затрагивают их права и законные интересы и, во-вторых, касался предмета их предпринимательской и иной экономической деятельности. Так, «Коллегия Суда при рассмотрении заявления ООО «Логосервис» отмечает, что к заявлению не приложены таможенные декларации и решения таможенных органов Российской Федерации, на которые истец ссылается в своем заявлении и которые могут служить обоснованием того факта, что оспариваемое решение ЕЭК непосредственно затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [7].

В следующем примере в Суд ЕАЭС обратился таможенный представитель АО «ИнВест Мультимодал», который оспаривал решение ЕЭК о продлении антидемпинговой пошлины. Однако Суд ЕАЭС указал, что таможенный представитель не является надлежащим субъектом для обращения, так как не является заинтересованным лицом при совершении таможенных операций [8].

Данный вывод является достаточно спорным, ведь на основе заключенного договора с декларантом таможенный представитель от

имени и по поручению декларанта совершает таможенные операции с товарами. Однако в данной ситуации изначально решение российского таможенного органа о смене классификационного кода товара привело к тому, что на данный код товара распространяется действие антидемпинговой пошлины. Поэтому логично было бы обжаловать решение таможенного органа РФ о классификации товара по правилам российского процессуального законодательства.

Таким образом, при обращении в Суд ЕАЭС хозяйствующие субъекты с целью оспорить решения ЕЭК должны отразить в заявлении и подтвердить документами, каким образом оспариваемое решение нарушает их права и законные интересы и негативно отражается на реализуемой ими экономической деятельности. Компетенция Суда ЕАЭС по обжалованию решений ЕЭК сводится к решению только вопросов права, ведь суд оценивает полномочия ЕЭК на принятие оспариваемого решения, соответствие решения праву ЕАЭС и действительно ли решение ЕЭК нарушает права и законные интересы хозяйствующего субъекта.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 2 «Об утверждении регламента Суда Евразийского экономического союза». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/14vr0101/#st32p1> (дата обращения: 08.02.2024 г.).
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023 г.). СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Суда ЕАЭС о принятии заявления к производству от 23.11.2021 г. по делу № С-9-11/21 об оспаривании бездействия ЕЭК группой компаний ИНТЕРПАЙП. [Электронный ресурс]. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-9-11.21/ (дата обращения: 08.02.2024 г.).
7. Постановление Суда ЕАЭС об оставлении заявления без движения от 07.09.2022 г. по делу № С-5/22 об оспаривании Решения КТС от 02.03.2011 г. № 555 «Логосервис». URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/c-5.22/ (дата обращения: 08.02.2024 г.).
8. Постановление Суда ЕАЭС о принятии заявления к производству от 01.03.2022 г. по делу № С-1/22 по заявлению «ИнВест Мультимодал». [Электронный ресурс]. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/c-1.22/ (дата обращения: 08.02.2024 г.).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. № 6. 15.01.2019.
10. Решение Верховного Суда РФ от 8 августа 2019 г. № АКПИ19-438 «О признании не действующим приказа Федеральной таможенной службы от 16 мая 2018 г. № 700дсп «Об утверждении Положения о применении системы управления рисками». СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72598848/> (дата обращения: 08.02.2024 г.).
11. Нешатаева Т.Н. Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву. С. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1707245703&tld=ru&lang=ru&name=Доклад.pdf&text=Нешатаева> (дата обращения: 09.02.2024 г.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОГО КАНАЛА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И РЕАЛИИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается деятельность системы образования в качестве канала социальной мобильности и механизма развития талантов детей и молодежи в контексте законодательной политики Российского государства на протяжении двух с половиной столетий отечественной истории. Исторический опыт, полученный в результате реализации указанной законодательной политики, анализируется в аспекте возможности его использования в деятельности современной системы образования Российской Федерации.

Ключевые слова: образование, Россия, законодатель, нормативная основа, правовой статус человека, сословие, социальный лифт, университеты, одаренные дети, образовательная поддержка.

Система образования как общественный институт во всех странах и во все времена выполняла важнейшие функции по содействию в трансляции социального опыта между поколениями и по содействию в социальной мобильности. Социальная мобильность рассматривается в настоящей работе через призму правового статуса человека, как изменение положения человека в обществе в результате изменения его индивидуального правового статуса.

Институциональный формат системы образования, нормативная основа ее деятельности, организационные формы реализации ею своих функций определяются законодательной политикой государства, которая соотносится с законодательной политикой по урегулированию отношений социальной иерархии. Более того, законодательная политика в двух названных сферах общественной жизни детерминируется одними и теми же факторами: ключевыми характеристиками общества и государства, вызовами, стоящими перед страной, запросами общества, вектором политического развития и т.п. Россия в ходе своего исторического развития сформировала уникальную модель выстраивания социально-статусных отношений, повлиявшую на правовое оформление образования как общественного института.

В связи с вышеизложенным, представляется актуальным рассмотрение результатов законодательной деятельности Российского государства в сфере образования в контексте с результатами правового оформления сословной системы во второй половине XVII – начале XX в. Указанные результаты рассматриваются сквозь призму возможности использования исторического опыта в деятельности современной системы образования Российской Федерации.

Теоретической базой настоящего исследования являются труды в области теории права, педагогики, социологии.

Эмпирическую основу работы составляют законодательные акты об образовании в Российской Федерации, локальные акты ряда современных российских вузов и нормативно-правовые акты рассматриваемого исторического периода.

Настоящее исследование осуществлено в рамках правовой науки, но с использованием отдельных методологических приемов и отдельных элементов понятийно-терминологического аппарата исторической и социологической наук. Оно носит, в определенной мере, междисциплинарный характер.

В историческом аспекте отдельные вопросы характеристики образования в качестве канала социальной мобильности рассматриваются в трудах Н.К. Гуркиной, П.А. Зайончковского, Н.М. Коркунова, Т.И. Любиной, Б.Н. Миронова, С.В. Рождественского, А.М. Феофанова и некоторых других отечественных исследователей.

Особенностью правового оформления деятельности системы образования в семнадцатом столетии является отсутствие нормативных требований к сети учебных заведений, к образовательным программам. Законодатель не устанавливал и требований к уровню образования подданных при занятии ими тех или иных должностей. Установление этих требований осуществлялось в ходе практической деятельности по формированию кадрового состава тех или иных организаций.

Данному состоянию правового регулирования соответствовала институциональная характеристика системы образования того времени. Учреждения образования создавались, как правило, на базе епархий и монастырей православной церкви и на базе государственных органов и государственных учреждений. В качестве примера можно привести школы, основанные при Андреевском монастыре, при Заиконоспасском монастыре, при Печатном дворе и др. Работала школа в Немецкой слободе. Издательскую деятельность по выпуску учебной литературы во второй половине XVII в. характеризуют следующие цифры: более 300 тыс. букварей, около 150 тыс. учебных «Псалтырей» и «Часословов» [8, с. 8].

В 1687 г. было открыто первое в России высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия.

В качестве общей характеристики системы образования второй половины XVII в. отметим ее сословный и «профессионально специализированный» характер. По сути, образовательная поддержка оказывалась только тем людям, кто соответствовал определенным «сословно-профессиональным» критериям и «предполагался» к профессиональной деятельности в конкретных организациях.

Сословная специализация учебных заведений сохранилась в восемнадцатом столетии. Б.Н. Миронов, характеризуя систему

образования в России в XVIII в., подчеркивает: «Уже первые учебные заведения, открытые при Петре I, были сословно специализированы: подготовку офицеров из дворянства обеспечивали кадетские корпуса, чиновников из числа приказных людей – подьяческие училища, священников из представителей духовенства – духовные училища и семинарии. Профессионально-сословный характер образования сохранялся в основном и впоследствии, что оказало большое влияние на развитие сословного строя» [9, с. 85].

Вместе с тем законодатель уже в годы правления царя Петра I впервые ввел нормативные требования к густоте сети начальных учебных заведений. За основу было взято новое административно-территориальное деление страны. Мера по созданию цифирных (арифметических) школ должна была, по планам верховной государственной власти России, привести к созданию мужских начальных учебных заведений во всех территориальных единицах выше уровня уезда [2]. В качестве новации отметим и то обстоятельство, что законодатель предпринял попытку сделать обучение в учебных заведениях обязательным для определенной категории населения – шляхетства (дворянства). Эта попытка, впрочем, успехом в то время не увенчалась.

Весьма интересной в аспекте рассматриваемой в настоящей работе темы является создание в 1720-е гг. академического комплекса в Санкт-Петербурге. В первую очередь обращаем внимание на создание модели высшего учебного заведения, которая предполагает тесную (в т.ч. организационную, кадровую и методическую) связь вуза с научной организацией и с системой общего образования. В последнем случае эта связь устанавливалась между академическим университетом и академической гимназией.

В ходе создания нормативной основы создания и деятельности Московского университета были официально урегулированы два вопроса. Первый вопрос касался функции университета как социального лифта. Законодатель того времени предоставил выпускникам вуза право на поступление на государственную службу, открыв тем самым перспективу вертикальной социальной мобильности, включая возможность получения представителями разных сословий дворянского статуса посредством обучения в университете и дальнейшего поступления на государственную службу.

Второй вопрос касался запрета на обучение в университете для крепостных людей. Допуск к обучению в университете был возможен только в отношении тех крепостных, которым их хозяева выдавали письма об отпуске на волю. Так, ст. 26 включенного в текст именного указа от 24.01.1755 г. проекта об учреждении Московского университета предусматривала для крепостных людей такой механизм допуска к обучению: «Понеже науки не терпят принуждения, и между

благороднейшими упражнениями человеческими справедливо счисляются; того ради как в Университет, так и в гимназию не принимать никаких крепостных и помещиковых людей; однако ежели который дворянин, имея у себя крепостного человека сына, в котором усмотрит особливую остроту, пожелает его обучить свободным наукам, оный должен наперед того молодого человека объявить вольным и, отказавшись от всего права и власти, которую он прежде над ним имел, дать ему увольнительное письмо за своею рукою и за приписанием свидетелей, при том же повинен он за себя и за наследников своих обязаться давать оному ученику пристойное содержание, доколе он при Университете счисляться будет, и до совершенного окончания наук ни под каким видом его не отлучать.» (ст. 26) [3].

«Особливая острота» – это, конечно, способности крепостного человека, развитие которых законодатель отдавал целиком на усмотрение его владельца.

При создании Московского университета законодательно было предусмотрено открытие на его базе академической гимназии (точнее говоря, двух гимназий), реализующей программу общего образования. По сути, здесь видна реализация того же принципа, что и при создании академической триады: задействование потенциала вуза при организации образовательного процесса для обучающихся на программе общего образования. В данном случае, реализация указанного принципа связана с именем М.В. Ломоносова.

Еще одним инструментом сословного формата, обеспечивающим комфортные условия получения высшего образования, стал благородные пансионы. Они были рассчитаны на молодых дворян. Наиболее известные пансионы были открыты при высших учебных заведениях. Первый в России Московский университетский благородный пансион был основан в 1779 г. Проживание и обучение в пансионе финансировалось заказчиками. Безусловно, благородные пансионы можно считать организационной формой образовательной поддержки молодых людей, но весьма ограниченной количественно и узкой в социальном плане.

В течение всего восемнадцатого столетия законодатель так и не установил обязательных требований к кандидатам на замещение должностей в государственных органах. Обязательные процедуры подтверждения знаний были введены только в отношении отдельных (весьма немногочисленных категорий лиц), в частности, для преподавателей высших учебных заведений, для лиц, получивших ученые степени в зарубежных университетах, для медицинских работников. Соответственно, к получению регулярного (т.е. в стенах учебного заведения) образования стремились далеко не все подданные, имевшие в качестве профиля своей профессиональной деятельности государственную службу. Из 20 сенаторов, по данным на 1765 г., регулярное образование

имели менее половины. Четверо из них закончили военные учебные заведения; трое проходили обучение и практику за рубежом. Большинство сенаторов обучались дома [10, с. 20–21].

При этом мы отметим продолжение отечественным законодателем курса на организационное и функциональное сближение систем высшего и общего образования. Это выразилось, в частности, в задействовании потенциала университетов в организации учебной работы с обучающимися на программах общего образования. По сути, это есть формат образовательной поддержки одаренных и высокомотивированных школьников в условиях того времени. Государство установило правовой механизм организационного, кадрового и финансового обеспечения указанной деятельности университетов.

Полагаем, что применение данного формата образовательной поддержки одаренных школьников является вполне целесообразным в настоящее время.

В ходе реформ времени правления императора Александра I были законодательно установлены важные новации.

Для оптимизации управления образованием в стране были созданы шесть учебных округов.

Впервые в отечественной истории законодатель установил обязательность подтверждения уровня образования для ведения профессиональной деятельности на государственной гражданской службе. Соответствующий указ был подготовлен по инициативе М.М. Сперанского в 1809 г. [6]. По замыслу Сперанского, как отмечается в научной литературе, необходимо было «создание прямой зависимости» между наличием образования и чином [7, с. 276].

Законодатель проводил курс на придание университетам функций по административно-методической координации деятельности учебных заведений нижестоящих уровней образования. Прямо закреплялось нормативными актами положение университетов как центров управления подведомственными учебными заведениями [4–5].

Важной мерой стало создание сети всесословных образовательных организаций общего образования в виде гимназий. В отличие от начальных учебных заведений и от узкоспециализированных средних учебных заведений, гимназии имели право готовить своих выпускников к поступлению в университеты. Густота сети гимназий определялась административно-территориальным делением: гимназии открывались в губернских центрах.

В 1810–1820-х гг. правительство продолжило развитие системы специализированных учебных заведений для дворян, включавшую лицеи, благородные пансионы. Несколько учебных заведений такого рода были созданы по инициативе частных лиц. В качестве примера можно назвать Царскосельский лицей, Ришельевский лицей (Одесса), Волынский лицей

(Кременец), Ярославское Демидовское училище высших наук со своим пансионом, гимназию высших наук князя Безбородко (Нежин). Эти сословные образовательные структуры были востребованы в дворянской среде. Многие выпускники лицеев и благородных пансионов в дальнейшем занимали видные позиции в различных сферах государственной и общественной жизни Российской империи. Так, из девяти сенаторов (период 1823–1825 гг.), окончивших Московский университет, семеро окончили именно его благородный пансион [10, с. 24].

В годы Великих реформ XIX в. в России роль образования в качестве канала социальной мобильности существенно возросла. В связи с развитием сети учебных заведений расширился доступ представителей различных сословий к данному виду социального лифта. В 1858 г. верховная государственная власть санкционировала всесословное женское образование.

Позитивные перемены в достаточно сжатые сроки стали возможными в значительной мере благодаря использованию, говоря современным языком, механизмов государственно-частного и муниципально-частного партнерства.

Отечественный законодатель в годы правления императора Александра II снял многие ограничительные меры в отношении деятельности общественных организаций и частных лиц в сфере образования. Открытие частных образовательных организаций осуществлялось на основании свидетельства на право открытия учебного заведения, выдаваемого Министерством народного просвещения Российской империи.

Примером проявления общественной инициативы и механизмов муниципально-частного партнерства стало создание женских педагогических учреждений. В 1870 г. женская педагогическая школа была открыта в Твери благодаря инициативе известного общественного деятеля П.П. Максимовича. Это начинание было активно поддержано тверским губернским земством.

Развитие педагогического образования означало также увеличение возможностей по образовательной поддержке одаренных детей из «непривилегированных» сословий.

Что касается сугубо организационных моментов, то законодатель санкционировал создание в рамках одного учебного заведения своего рода образовательных комплексов, реализующих образовательные программы разного уровня. Предполагалось, что обучающиеся программы более высокого уровня смогут получать и закреплять навыки практической педагогической деятельности при прохождении практики на программе нижестоящего уровня.

В первые годы XX в. верховная власть России устранила юридические препятствия для обучения на всех ступенях образования представителей

всех сословий и субсословий Российской империи, включая бывших крепостных крестьян.

Вскоре был также взят курс на введение всеобщего обучения среди всех категорий населения. В этом отношении значительное содействие оказывали органы земского самоуправления, активно готовившиеся к введению всеобщего обучения на своих территориях.

Указанные обстоятельства означали новый этап в развитии образования в России как социального лифта, как института изменения индивидуального правового статуса. Законодатель укрепил положение образования как наиболее массового и самого доступного канала социальной мобильности. При этом был принят принцип (не реализованный на практике, впрочем, в рамках рассматриваемого исторического периода) о равном доступе к образованию всех жителей Российской империи независимо от пола и сословного положения.

Изменение формата правового оформления социальной системы страны за истекшее столетие российской истории отнюдь не перечеркивает полностью накопленный опыт нормативного регулирования и организационного обеспечения деятельности системы образования в т.ч. в аспекте выполнения ею функций социального лифта. Естественно, все результаты, полученные в ходе реализации принципа сословного разделения, должны быть отклонены. Однако предложения, прошедшие проверку временем и основанные на равном доступе к образованию как к общественному благу, вполне могут быть учтены в настоящее время в качестве исторической основы законотворческой деятельности.

В настоящее время законодательство Российской Федерации в сфере образования обеспечивает образовательным организациям высшего образования возможность ведения образовательной деятельности на уровнях дошкольного, начального, основного и среднего общего, среднего профессионального образования [1].

Десятки российских вузов, в т.ч. практически все ведущие вузы, этой возможностью воспользовались. В Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Московском государственном институте международных отношений (университете) МИД Российской Федерации, Высшей школе экономики, Томском государственном университете, Тюменском государственном университете, Тверском государственном университете и других вузах созданы подразделения по реализации общеобразовательных программ [11–18]. Во многих российских вузах функционируют также подготовительные отделения и иные подразделения, обеспечивающие учебное, научное, профориентационное и иное взаимодействие с обучающимися системы общего и среднего профессионального образования.

При этом сохраняются нерешенные вопросы. К ним, в частности, относятся некоторые вопросы финансирования общеобразовательной деятельности. Отдельные вузы получают финансирование из средств федерального или регионального бюджетов. Однако целый ряд высших учебных заведений не имеет такой возможности. Как вариант решения этой проблемы автор настоящей работы предлагает либо установление прямого финансирования из федерального бюджета (с предварительным распределением контрольных цифр приема) либо введение образовательных сертификатов. В предыдущих своих работах автор обосновывал данное предложение.

Использование отдельных результатов нормативно-правового регулирования и институционального оформления взаимодействия систем высшего, среднего профессионального и общего образования, полученных в предшествующие периоды исторического развития нашей страны, представляется оправданным.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Именной указ от 28 февраля 1714 г. «Об обучении дворян приказного чина, дьячих и подьяческих детей арифметике и геометрии, о присылке для того в губернии учеников из математических школ и об учреждении училищ при архиерейских домах и монастырях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. V. № 2 778.

3. Именной указ от 24 января 1755 г. «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т XIV. № 10 346.

4. Высочайше утвержденный доклад Главного училищ правления от 5 ноября 1804 г. «Об уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов и подведомых оным учебных заведениях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVIII. № 21 497.

5. Устав учебных заведений, подведомых университетам от 5 ноября 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVIII. № 21 501.

6. Именной указ от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXX. № 23 771.

7. Барциц И.Н., Краковский К.П. История государственной службы России (X – начало XXI в.). Том 2. Государственная служба Российской империи (XVIII – начало XX в.). Книга 2. «Золотой век» русской бюрократии. Бюрократия на закате империи / И.Н. Барциц, К.П. Краковский. М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 536 с.

8. Гуркина Н.К. История образования в России (X–XX века): учеб. пособие / СПбГУАП. СПб., 2001. 64 с.

9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового

государства: в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 583 с.

10. Феофанов А.М. Уровень образованности высшей российской бюрократии второй половины XVIII – первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. И: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1 (44). С. 17–27.

11. Сайт Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. URL: <https://msu.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

12. Сайт Санкт-Петербургского государственного университета. URL: <https://spbu.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

13. Сайт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. URL: <https://www.ranepa.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

14. Сайт Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО). URL: <https://mgimo.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

15. Сайт Высшей школы экономики. URL: <https://www.hse.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

16. Сайт Томского государственного университета. URL: <https://www.tsu.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

17. Сайт Тюменского государственного университета. URL: <https://www.utmn.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

18. Сайт Тверского государственного университета. URL: <https://tversu.ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

О РАЗВИТИИ И РЕГУЛИРОВАНИИ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассмотрены проблемы правового регулирования интернет-торговли в Российской Федерации, в том числе правовая неопределенность взаимоотношений между маркетплейсами и пунктами выдачи заказов. Пункты выдачи заказов являются слабым элементом в таких взаимоотношениях.

Ключевые слова: интернет-торговля, товары, покупатели, потребители, маркетплейсы, пункты выдачи заказов, ПВЗ.

Сегодня в России и в мире происходит стремительное развитие интернет-торговли. По данным Ассоциации интернет-торговли (АКИТ), происходит быстрый рост объемов интернет-торговли в России, темпы которого существенно обгоняют темпы роста ВВП. В 2023 г. объем такой торговли составил 6,4 трлн руб. и за год вырос на 27%. За два года (2022–2023 гг.) объемы интернет-торговли выросли почти на две трети (62%). Особенно значительно интернет-торговля выросла в период пандемии: только за один 2020 г. она увеличилась на 58%. С 2011 по 2023 г. объемы интернет-торговли в России выросли в 19 раз!

Рост интернет-торговли в России отражает общемировые тенденции. Данный вид торговли имеет много мощных преимуществ перед обычными (традиционными) формами торговли, среди них низкие издержки реализации товаров, широкий ассортимент, высокая конкуренция между продавцами на электронных площадках, позволяющая покупателям выбрать тот же товар по более низкой цене и др.

Проблемами интернет-торговли сегодня являются:

1) мошенничество со стороны третьих лиц, что приводит к снижению доверия у определенной части покупателей к приобретению товаров через интернет;

2) трудность определения достоверных качественных характеристик товаров;

3) недостаточная надежность обеспечения безопасности и защиты персональных данных покупателей;

4) использование некоторыми продавцами платного возврата товаров из-за возникающих затрат по обратной доставке товаров;

5) правовые проблемы в регулировании взаимоотношений между маркетплейсами, пунктами выдачи заказов и логистическими компаниями, осуществляющими доставку товаров.

Учеными Тверского государственного университета в 2023 г. был проведен опрос населения по удовлетворенности интернет-торговлей и необходимости усиления ее регулирования. В опросе приняло участие 269

человек. Результаты опроса показали, что 48% респондентов главным преимуществом интернет-торговли считает удобство и возможность делать покупки товаров в любое время, 30% – возможность сравнивать цены и отзывы о товаре, 11% – наличие широкого выбора, 4% – низкая цена, 7% – прочие преимущества. В качестве главного недостатка респонденты назвали сложность оценки качества товара (64%), возможность мошенничества (20%), прочее (16%).

Ответы на вопрос о том, как часто респонденты делают покупки через интернет, распределились следующим образом: преимущественно делают покупки через интернет – 50%, редко – 30%, практически всегда – 16%, никогда – 4% респондентов. При ответе на вопрос, насколько можно доверять качеству товаров, приобретенных через интернет, респонденты ответили следующим образом: качество товаров обычное (64%), качество товаров выше (9%), качество товаров ниже (20%), затрудняюсь ответить (7%).

Отвечая на вопрос о том, как население оценивает уровень защиты прав потребителей при приобретении товаров через интернет, 55% респондентов указало, что интернет-торговля не оказывает влияние на изменение степени защиты прав потребителей.

Развитие интернет-торговли через маркетплейсы имеет правовые пробелы и регулируется в основном общими нормами права. Так, например, Гражданский Кодекс РФ содержит нормы, регулирующие продажу товаров через интернет (см. ст. 497) [1], те же отношения регулирует и Закон РФ «О защите прав потребителей» (ст. 26.1 «Дистанционный способ продажи товаров») [2], Постановление Правительства «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [3], содержащее «Правила продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору розничной купли-продажи «Правила продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору розничной купли-продажи». Данные нормы достаточно полно регулируют взаимоотношения между продавцами и покупателями в интернет-торговле, способ торговли которой поименован как дистанционная торговля. Вместе с тем, российская практика последних лет показала наличия неурегулированных взаимоотношений между маркетплейсами и пунктами выдачи заказов, что в частности, нашло отражение в забастовках владельцев пунктов выдачи заказов, которые обнажили проблемы отрасли.

Институционализированный бизнес интернет-торговли является классической олигополией, где присутствует несколько крупных продавцов, которые, по сути, могут определять правила игры. Однако нельзя отрицать и того, что между этими компаниями существует острая конкурентная борьба. Бизнес-модель маркетплейсов пошла по пути отдачи на аутсорсинг выдачу заказов, что позволяет торговым интернет сетям наиболее быстро развиваться без привлечения дополнительного капитала и не сталкиваться с дополнительными организационными ограничениями.

Производители товаров часто жалуются на то, что крупные маркетплейсы являются монополистами, и производители сильно от них зависят. На этом основании делается не правильный вывод о необходимости усиления государственного регулирования деятельности маркетплейсов. Как было отмечено выше, маркетплейсы не являются монополистами, так как на рынке присутствует несколько крупных и множество местных электронных торговых сетей. Поэтому у продавцов есть множество вариантов сбыта продукции, в том числе и без использования форматов дистанционной торговли. Другое дело, что крупные маркетплейсы позволяют сбывать продукцию в больших объемах, расширяя территориальные границы рынка для производителей. Крупные маркетплейсы могут существенно влиять на ценовую политику производителей и качество их товаров, требуя предоставления скидок и предъявляя повышенные требования к качеству товаров. Благодаря этому потребители могут покупать дешевые и качественные товары. Все это понуждает производителей расширять объемы производства с целью снижения издержек производства и повышать качество товаров.

Другая ситуация складывается во взаимоотношениях маркетплейсов с пунктами выдачи заказов. Для владельцев таких пунктов электронная торговая сеть действительно является как бы монополистом, от которой они зависят и часто являются бесправными. Владельцами таких сетей являются субъекты малого предпринимательства, часто в форму индивидуального предпринимателя. Они вкладывают для себя не малые средства в открытие каждого пункта выдачи товаров, и эти средства должны не только окупиться (с учетом неполученных процентов на вложенный капитал), но и принести прибыль. Условия присоединения к выдаче товаров для владельцев пунктов выдачи являются стандартными, которые разработаны самой электронной торговой сетью. В этих отношениях владельцы пунктов выдачи представляют собой слабую сторону, и их бизнес может быть не защищен от действий торговых сетей. В любой момент маркетплейс может изменить условия таких отношений: ввести штрафы за те или иные действия или бездействия, изменить процент вознаграждения пунктов выдачи заказов или вообще заблокировать их работу. Все это создает дополнительные, порой необоснованные, риски для субъектов малого предпринимательства,

которые не могут выйти из бизнеса вследствие произведенных инвестиций в создание пункта выдачи заказов соответствующего маркетплейса.

С другой стороны, действия маркетплейсов здесь не всегда являются необоснованными. Они стремятся создать для потребителей максимально высокие стандарты торговли, что предполагает наличие высочайшего контроля в звене выдачи заказов. Создание защитных правовых норм для владельцев пунктов выдачи заказов могло бы ухудшить качество сервиса для покупателей. Однако это не исключает возможности установления таких правовых норм, которые исключали бы недобросовестные действия электронных торговых сетей и обеспечивали бы некоторую определенность бизнеса в звене выдачи заказов.

Наиболее интересным представляется законодательное установление создания универсальных пунктов выдачи товаров, без их привязки к определенным торговым сетям. В этом случае пункты выдачи товаров перестали бы быть слабым элементом в системе электронной торговли, возникла бы более сильная конкуренция между маркетплейсами при реализации товаров через те или иные пункты выдачи заказов. Все это в итоге сократило бы количество пунктов выдачи заказов и снизило для потребителей цены на товары.

Подытоживая вышеизложенное можно сделать вывод о том, что сегодня существует необходимость правового урегулирования взаимоотношений между маркетплейсами и пунктами выдачи заказов. Отсутствие специального нормативного правового регулирования делает владельцев пунктов выдачи заказов слабой стороной в их взаимоотношениях с маркетплейсами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Правовая система «Консультант Плюс» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 01.02.2024).
2. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Правовая система «Консультант Плюс» / URL: http://go.mail.ru/search?q=https%3A%2F%2Fwww.consultant.ru%2Fdocument%2Fcons_doc_LAW_305%2F&fr=chxtn7.0.25&gp=800000 (дата обращения: 04.02.2024).
3. Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства от 31 декабря 2020 г. № 2463 // Правовая система «Консультант Плюс» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 05.02.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ О БАЛАНСЕ ИНТЕРЕСОВ МЕЖДУ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ И РАЦИОНАЛИЗМОМ В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ВЫСШИХ СУДОВ ПО ДЕЛАМ С СЕМЕЙНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
г. Ярославль

В статье на основе шести постулатов о взаимодействии идей о справедливом и рациональном в формировании подходов высших судов РФ, а также балансировки публичного и частного интересов при разрешении семейных дел (прежде всего – в рамках судейского усмотрения: от толкования и конкретизации до элементов нормотворчества) предлагается анализ современных тенденций применения семейного законодательства, приводятся образцы правовых позиций – как спорных, так и положительного свойства.

Ключевые слова: семейный закон, семейные дела, правовые позиции судов, судейское усмотрение, баланс интересов и принципов.

В предлагаемой статье автором не ставится фундаментальная (и, скажем прямо, неподъемная задача) обобщить, проанализировать и сформулировать доктринально-системную позицию по заявленной теме – именно поэтому в ее названии присутствует терминологическое предупреждение: «несколько тезисов...» Мы также не ставим перед собой задачи, перед стартом размышлений об означенном балансе, определить понятия, его составляющие (ввиду неподъемности и ее тоже). При этом входить в пространство конкретных правовых позиций (на уровне скорее демонстрации, нежели системного обобщения) планируем с помощью наиболее значимых, на наш взгляд, идей (факторов, предпосылок), которые формируют их содержание и динамику.

Первая идея и ее конкретизация с вектором на семейные дела. Поиск баланса интересов между справедливостью и рационализмом (прагматизмом) включается как при императивном и формально-определенном режиме правового регулирования и его применения по конкретному делу, так и при разрешении конфликтов (разногласий) в отношениях, регулируемых правовыми нормами с относительно определенным (неопределенным) содержанием, прежде всего – ситуационными [1, с. 73]. Если первый напрямую и безоговорочно обеспечивает публичный или частный интерес, то именно второй, при балансировке означенных интересов, позволяет суду действовать в рамках судебного активизма и судейского усмотрения, включить творческое, «пассионарное» начало. В теории права и гражданско-процессуальной доктрине выработаны специфические подходы и оценки таковых характеристик судебной деятельности: «чистая состязательность», производная от принципа диспозитивности, как правило, не обеспечивает

справедливого решения, а, напротив, порождает трудности, которые можно преодолеть «лишь на путях обращения к активности суда в процессе» [5, с. 116–117]; при этом суду принадлежит не только функция руководства собственно процессом (включая элементы процессуальной инициативы в поисках доказательств и установления фактов), но и руководства в «материальном» смысле – с целью обнаружения «материальной правды» [7, с. 36]. При обратной ситуации, то есть скованности инициативы, не представляется возможным определить судьбу трудноразрешимых конфликтов, относительно которых закон не всемогущ, – без допущения судьейского усмотрения они обрекаются на неурегулированность либо на избыточный формализм и рационализм закона. Оно проявляет себя в нескольких формах – конкретизации, толкования, субсидиарного применения правовых норм (не в бланкетном режиме, а в существенно более сложном, реализация которого требует систематического и других видов толкования, а также творческого сопоставления природы и сущности обоих типов правоотношений – «материнского» и «дочернего» – объекта субсидиарного нормативно-правового воздействия), применения аналогии права и закона (на сходных условиях, но при дополнительном основании к тому – наличии пробела), разрешения правовых коллизий (внутри российского законодательства, а также между правовыми позициями судов), судебного нормотворчества [11].

Именно сфера семьи дает невероятно разнообразную «пищу» для активизма и усмотренческой деятельности суда, ибо характер семейных правоотношений (и личных, и имущественных) исключает догматический, сугубо рационалистический подход к разрешению семейного конфликта, своим существом – предписывает законодателю разрабатывать, в большинстве случаев, ситуационную нормативистику, обеспечивающую интересы ребенка, «заслуживающие внимания интересы супруга», «цель – создание семьи», соответствие предписаний сущности семейных отношений [6, с. 357–364] (ст. 1, 4, 27, 31, 39 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) и др.). А мощное энергетическое присутствие публичных и частных интересов как динамо-машин, обеспечивающих старт, движение и прекращение правоотношений данного вида, проявляется в противоречивых (не всегда сгармонизированных) «приказах» закона: при свободе брачного союза – руководствоваться требованиями его действительности, а в бракоразводном процессе, осложненном наличием у сторон детей, – обязанностью суда, при определенных условиях, разрешить вопрос о месте проживания ребенка, в т.ч. по собственной инициативе (ст. 24, 28 СК РФ); наоборот: при доминировании несвободы института усыновления/удочерения – допустить отмену данного акта по просьбе усыновителя (ст. 142 СК РФ), что исключено для родителей, а также применять по аналогии нормы об ограничении родительских прав –

с учетом значительного сходства правоотношений родительства и усыновления (ст. 5 СК РФ). И т.д.

Вторая идея. При рассмотрении и разрешении любых дел, в нашем случае с семейным элементом, суд опирается на конституционно-правовые положения гл. 2, а также конституционные поправки 2020 г. (ч. 2 ст. 67.1, п. «ж» ч. 1 ст. 72), предложившие ему в качестве критерия верного, справедливого решения по делу (в нашем случае – семейному) систему традиционных семейных ценностей российского общества. В связи с этим в современной доктрине высказано несколько смысловых композиций об их применении: 1) конституционный законодатель не считал возможным ранжировать основные права и свободы граждан – соответственно в так называемых «трудных случаях» приходится выбирать между равноценными конституционными правомочиями, прибегать к методу балансирования ими (при этом в тексте Конституции отсутствуют коллизионные правила), опираться на категориальный аппарат этики (особенно правовую справедливость) и на иные «метаюридические социальные нормы» и на «жесткий конституционно-правовой режим ограничений прав человека; 2) современное российское право должно быть основано не на классическом единстве его отраслей, а на «конституционно-эталонном смысловом единстве» [3]. При этом очевидно, что ограничения возможны только в силу прямого их закрепления федеральным законом, а конституционность последнего оценивается с помощью критериев, установленных в норме ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которые, впрочем, и сами нуждаются в весьма непростой оценочной интерпретации. Так, например, при общем запрете «одиноким мужчины» на участие в программе суррогатного материнства (ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), в случае передачи ему ребенка, рожденного суррогатной матерью (пусть и с нарушением закона) и отказа органа ЗАГС в регистрации родительства, суды, на основе внутреннего убеждения, понимания справедливой (и одновременно – рациональной) трактовки интересов ребенка (дабы не множить сиротство) и приоритетной защиты семьи, принимают решение в пользу отца (пусть и не по всем делам подобного рода), а Конституционный Суд РФ полагает возможным, в определенной ситуации, – подтвердить его право на материнский (семейный) капитал [9].

Третья идея. Наряду с конкретными правовыми позициями (или периодическими их обобщениями по категориям дел) определенную роль в судопроизводстве играет так называемая «судебная доктрина», которая является результатом «симбиоза» правовой теории (фундаментальной и/или прикладной) и правоприменительной практики [2, с. 104], прежде всего – на уровне актов Конституционного Суда РФ и постановлений/обобщений Верховного Суда РФ. (Поскольку институт

особого мнения судей Конституционного Суда «распубличен», в качестве элемента судебной доктрины его можно рассматривать только в обратном измерении. При этом и последнее дает, за редким исключением (кроме известных политизированных образцов), великолепную «пищу для размышления».)

Весьма ярким образцом опоры на означенный «симбиоз» является своеобразный обмен доктринальными соображениями между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ по вопросу применения нормы ч. 4 ст. 51 СК РФ: первый в своем определении от 15.05.2012 г. № 880–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта четыре статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» признал положение императива данной нормы (о приоритете защиты интересов суррогатной матери) конституционным, ибо законодатель избрал один из двух правомерных вариантов решения проблемы конфликта интересов суррогатной матери и генетических родителей-заказчиков, а в определении от 27.09.2018 г. № 2318–О по аналогичной проблеме адресовал заявителей к правовой позиции Верховного Суда РФ (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»), в которой императив, по сути, был истолкован как диспозитивная норма – с опорой на поведение ответчицы, содержание договора суррогатного материнства и интересы ребенка, соединив тем самым в столь своеобразном толковании идеи справедливости и рации, установив свой баланс публичных и частных интересов (в противовес представлением о них со стороны законодателя). При этом законодательной инициативы от судов не последовало (см. «идею № 5»).

Четвертая идея. Дела по спорам (или проблемам иной природы, например, об установлении юридических фактов и т.п.) из правоотношений того или иного типа, неизбежно вбирают в себя их специфические характеристики. Последние, применительно к правоотношениям с семейным элементом, вполне системным образом выявлены в доктрине семейного права и судебной доктрине: строго личный характер, доверительность, возмездность как исключение, а не правило, тесное взаимодействие в их содержании формально-юридических и нравственных начал (либо путем прямого закрепления в семейном законе, либо в рамках правоприменения) [11]. Конечно, определенные атаки на данный оплот семейно-правовой методологии из лагеря «традиционалистской» цивилистики постоянно осуществляются. Среди наиболее явных в моменте – призывы к переходу супружества в образе малой семьи (видимо, без детей или с таковыми, но не более двух, так как

наличие троих детей меняет ее статус на многодетную) к режиму раздельной собственности, формированию алиментного обязательства на основе равенства вкладов родителей (с неясной схемой учета этих вкладов, ибо в них должны «просчитываться» и домашняя работа, и уход за членами семьи...) – допущением различия в таковых только через соглашение об алиментах, освобождению мужчины от родительских обязательств (прежде всего в вопросе материальной поддержки), если внебрачное отцовство было установлено в судебном, то есть принудительном, порядке и т.п. (подробнее об этом см. в других наших трудах [8]). Однако подобные попытки «перевернуть пирамиду» методологии семейного права вряд ли будут иметь прикладной успех, так как начала семейного законодательства построены на иных ценностных основаниях (ст. 1 Семейного кодекса РФ), которые, с учетом новейшей государственной политики на сбережение традиционных семейных ценностей, будут только усиливать свою доминанту [10]. И именно ею, в ситуациях неопределенности закона и правоприменения, должны руководствоваться суды: приоритетом норм о режиме совместного имущества супругов в браке, возможностью отступления от равенства долей при его разделе, в том числе в пользу супруга, приносившего в семейное хозяйство существенно меньший доход, если того требуют его жизненно важные интересы (ст. 39 СК РФ), возложением ответственности за судьбу ребенка обоих родителей (ст. 47, 49 СК РФ) и др.

Пятая идея. Высшие судебные инстанции, обнаружив пробел, коллизию, несоответствие нормативно-правового решения сущности общественного отношения (изначально либо по факту его развития, преобразования), и по должности, и на основе принципа судебного активизма, и по нравственному долгу высшего органа правосудия, должны реализовывать свое право законодательной инициативы. Следует, однако, заметить, что по данному вопросу подходы Конституционного Суда и Верховного Суда существенно различаются, в том числе по значимым объективным причинам. Так, в доктрине подчеркивается: поскольку Конституционный Суд РФ обязан, по запросу Президента РФ, давать заключения о конституционности того или иного проекта, то после официального принятия последнего и поступлении в Суд жалобы на несоответствие Конституции РФ какого-либо положения этого закона, Суд оказывается «судьей в своем собственном деле»; аналогичная ситуация может возникнуть при реализации им права законодательной инициативы [4]. Верховный Суд РФ хотя столь жестким образом и не связан своей правовой позицией, как показывает анализ частоты его инициатив, по крайней мере по семейным делам, все же далеко не всегда реализует обсуждаемую возможность, причем иной раз – десятилетиями, предпочитая повторять свою точку зрения в новом (очередном) постановлении по данному вопросу. Так, например, его позиция 1996 года

(постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства») об обращении по делу особого производства об установлении факта отцовства, наряду с нормой ст. 50 СК РФ, ограничивающей предмет доказывания только фактом прижизненного признания отцовства в отношении ребенка, рожденного вне брака, к правилу ст. 49 СК РФ (для искового производства), которым подобное ограничение не предусмотрено, а содержится лишь общий призыв к суду руководствоваться достоверными доказательствами, была повторена в 2017 году (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»). С 2017 г. также прошло немало лет, а законодательная инициатива по вопросу корректировки нормы ст. 50, не обеспечивающей надлежащей защиты интересов ребенка, так и не осуществлена [9]. При этом трудно обнаружить причину подобной пассивности, ибо и соображения о справедливой защите означенных интересов (а вместе с ним – и его матери), и публичный интерес в приоритетной охране права ребенка знать о своем происхождении (по мере возможности, – а такая возможность в данном случае наличествует), и рациональная оценка сложившейся тенденции судебной практики – все, казалось бы, вопиет к корректировке нормы ст. 50 СК РФ...

Шестая идея. Поскольку конституционно-правовые подходы к юридической силе ряда международно-правовых договоров (конвенций) в связи с выходом России из Совета Европы принципиально изменились, а любые международно-правовые позиции могут быть подвергнуты конституционно-судебному анализу на предмет их соответствия Основному закону РФ, первые преобразовались в доктринальные источники (информацию для законотворческого и судебского размышления – не более того), а вторые – в объект возможной проверки, трансформировались и задачи/возможности/долженствования судов по их учету при разрешении дел любой категории, включая семейные. Тем не менее, независимо от указанных обстоятельств, но при условии соответствия конституционно-правовым положениям о семейных ценностях российского общества, принципу приоритетной защиты семьи, материнства, детства, отцовства (в их классическом понимании), целях и смыслах воспитания детей, нормативно-правовые и судебные позиции с международным элементом могут быть востребованы теорией семейного права и судебной доктриной в части идеологии защиты субъективных семейных прав и охраняемых законом интересов, разрешения семейных конфликтов: об охране интересов неродившегося ребенка, расширении права ребенка на общение (не только с родителями и близкими родственниками, но и с другими близкими ему людьми, в том числе не

связанными с ним родством), обогащении и конкретизации права на семейную жизнь в целом, разумной модификации тайны усыновления/удочерения и т.п.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 359 с.
2. Ануфриева Л.П. Понятие «судебная доктрина» в отечественном правоведении (некоторые общие заметки) // Lex Russica (Русский закон). 2021. Том 74. № 12 (181). С. 96–107.
3. Гаджиев Г.А. Солнечное сплетение российского права (об эволюции судебной-нормативной конституализации российского права) // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 12. С. 38–53.
4. Ганичева Е.С. Пределы осуществления права законодательной инициативы высшими органами судебной власти // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 131–139.
5. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве // Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
6. Ильина О.Ю. Особенности редакции норм Семейного кодекса Российской Федерации как предпосылка судебного усмотрения // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 639 с.
7. Рязановский В.А. Единство процесса. М., 2005. 80 с.
8. Тарусина Н. Н. О нравственных конструктах в ценностном ряду российского семейного закона // Демидовский юридический журнал. 2023. Том 13. № 1. С. 58-73.
9. Тарусина Н.Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 95–109.
10. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1. С. 33–52.
11. Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 40–48.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ПРОГРАММА ДОЛГОСРОЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ ГРАЖДАН КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСОВОЙ СОЛИДАРНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

В.В. Уткин¹, О.И. Юстус²

¹ ПАО «Ростелеком», г. Тверь,

² ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена исследованию нового финансового инструмента в сфере пенсионного страхования и пенсионного обеспечения – программе долгосрочных сбережений граждан; анализируются документы стратегического планирования, определяющие цели и способы трансформации указанной сферы, а также нормативно-правовые акты, регулирующие данные процессы; выделяется значимость мероприятий по повышению финансовой культуры граждан, расширению компетенций финансовой грамотности для реализации программ долгосрочных сбережений.

Ключевые слова: финансовая солидарность государства и общества, программа долгосрочных сбережений, финансовая культура, финансовая грамотность, пенсионное обеспечение, пенсионное страхование.

Функционирование социального государство всегда являлось и продолжает оставаться приоритетной задачей развития Российской Федерации. Указанная цель достигается комплексом предпринимаемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение социальных прав граждан, устойчивое повышение качества и уровня их жизни, гарантированные Конституцией Российской Федерации [1].

Особая роль в системе правового обеспечения формирования и развития социального государства принадлежит финансово-правовому регулированию, при помощи которого реализуются такие сущностные характеристики социального государства, как: социальная справедливость; социально-ориентированная экономика; социально-экономическое равноправие индивидов, социальных, национальных и иных общностей; социальная ответственность; социальная солидарность, включая социальное партнерство; социальная безопасность [6, с. 13–14].

Вопросы финансового обеспечения в той или иной мере касаются каждого гражданина. Вне зависимости от уровня текущего дохода и текущего материального благосостояния при наступлении пенсионного возраста, иных обстоятельств, влияющих на уровень их материального обеспечения, граждане становятся зависимыми от инвестиций, сделанных им лично и (или) государством в систему пенсионного страхования и пенсионного обеспечения. Соответственно, поиск и внедрение механизмов, гарантирующих достойную старость, является актуальной задачей как для каждого конкретного гражданина, так и государства в целом.

В виду изложенного несомненную значимость для последующего правового регулирования указанной сферы приобретает принцип, имеющий конституционную основу, но не встроенный пока в систему принципов финансового права, а именно принцип взаимного финансового доверия и сотрудничества государства и общества [14, с. 225–232].

Постулаты о взаимном доверии, взаимной ответственности граждан и государства, их солидарности и сотрудничестве, в том числе в финансовой сфере, не являются принципиально новыми. Государство поддерживает идеи общественной солидарности, взаимного доверия, в том числе обозначая их в качестве ключевых целей деятельности в программных документах органов власти.

Так, например, распоряжением Правительства РФ от 29.12.2022 г. № 4355-р была утверждена Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года [4]. Примечательно, что в качестве вектора развития финансового рынка, определяющего его цели и задачи, в стратегии указан приоритет интересов конечного бенефициара развития российского финансового рынка – потребителя финансовых услуг (гражданина, субъекта экономики). При этом подчеркивается необходимость развития рынка в условиях партнерства и совместной ответственности государства и участников рынка за направления и результаты такого развития. Среди механизмов развития рынка предполагается использование налоговых стимулов и субсидирования граждан и организаций как инструментов развития экономических инициатив формирования разнообразных форм долгосрочных сбережений, запуска масштабных инвестиционных проектов, повышения доступности финансовых услуг для социально уязвимых слоев населения и бизнеса.

Дальнейшее развитие идеи финансовой солидарности и финансового сотрудничества получили в Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года (далее – Стратегия) [5]. В частности, в качестве актуальных для решения Стратегией были сформулированы следующие задачи:

Во-первых, расширение долгосрочных инвестиций граждан в российскую экономику. Указанное достигается при помощи таких инструментов, как приобретение населением государственных ценных бумаг Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; вовлечение граждан в долгосрочные сбережения посредством взаимодействия в рамках инвестиционных стратегий с негосударственными пенсионными фондами и страховщиками, включая облигации для населения; использование механизмов долгосрочных безотзывных вкладов и сберегательных сертификатов и пр.

Во-вторых, поддержка формирования достаточного уровня сбережений граждан («финансовые подушки безопасности»), в том числе для социально незащищенных категорий граждан.

В-третьих, развитие института страхования жизни как долгосрочного инструмента защиты имущественных интересов граждан.

В-четвертых, повышение доверия граждан к системе добровольного пенсионного страхования и их вовлеченности в программы негосударственного пенсионного обеспечения.

На последнем финансовом механизме, обеспечивающем социальные права граждан, остановимся более подробно.

Пенсионное обеспечение в целом по стране напрямую зависит от демографических процессов, включая соотношение работающего населения и пенсионеров.

Основной принцип организации государственных пенсионных фондов - солидарность поколений или доходов. Принцип солидарности доходов означает распределительный характер выплаты пенсий: пенсионные накопления экономически активного населения используются для обеспечения выплат старшим поколениям, достигшим пенсионного возраста [9].

Доля населения России трудоспособного возраста вырастет с 57,0% в 2023 году до 57,5% в 2045 году. Максимальной доля населения трудоспособного возраста в общей численности страны будет в 2034 и 2035 годах, когда она составит 61,8% – говорится в демографическом прогнозе Росстата до 2046 года. Доля населения моложе трудоспособного возраста (дети и подростки до 15 лет) снизится с 18,5% в 2023 году до 15,6% в 2045 году, а доля населения старше трудоспособного возраста вырастет с 24,5% в 2023 году до 26,9% в 2045 году [12].

По состоянию на 1 января 2023 года количество пенсионеров на учете в Социальном фонде России (СФР, образован в результате объединения Пенсионного фонда и Фонда социального страхования) составило 41,78 млн человек [8]. При этом, однако, ожидаемая продолжительность жизни составит в 2023 году 73,1 года (ранее опубликованное значение 2022 года – 72,73 года). В 2045 году ожидаемая продолжительность жизни вырастет до 79,83 года. При этом ожидаемая продолжительность жизни у женщин составит в 2045 году 83,24 года, а у мужчин – 75,89 года [12].

Таким образом можно констатировать факт того, что существующие пенсионные программы, носящие не инвестиционный характер, а реализуемые путем выплаты пенсий за счет текущих взносов работающего населения в будущем могут быть не реализованы в связи с уменьшением соотношения трудоспособного населения и увеличением количества пенсионеров.

Что касается актуального правового регулирования, в настоящее время продолжает свое действие государственная пенсионная программа, принятая в 2001 году [2], которая является обязательной и не требует от граждан каких-либо активных действий. Этим же объясняется низкая мотивация граждан к участию в добровольных пенсионных программах.

Вместе с тем, можно констатировать, что негосударственное пенсионное обеспечение постепенно входит в жизнь наших граждан. Так, например, во втором квартале 2022 года число граждан, формирующих накопления НПФ, составило 36,7 млн человек [7]. Однако следует отметить, что участие граждан в формировании накоплений в НПФ не всегда носит осознанный характер. Как правило, крупные организации практикуют формирование негосударственных пенсий для своих работников в НПФ путем участия в корпоративных пенсионных программах [10]. Подобное участие не требует от гражданина самостоятельного выбора НПФ, изучение нюансов той или иной пенсионной программы. Сам пенсионный фонд и соответствующую программу за гражданина выбирает работодатель. От гражданина требуется только принять решение присоединиться к данной программе или нет (в данном случае решение зачастую принимается в зависимости от массовости участия других работников).

С января 2024 года у жителей нашей страны появился новый сберегательный инструмент – Программа долгосрочных сбережений (ПДС) [3]. Она предлагает гражданам в простой и удобной форме осуществлять накопления, позволяющие получать дополнительный доход в будущем или создать подушку безопасности на случай непредвиденных жизненных ситуаций.

Программа долгосрочных сбережений граждан – это добровольный накопительно-сберегательный продукт с участием государства. Инструмент предусматривает активное самостоятельное участие граждан в накоплении капитала как за счет личных средств, так и за счет средств пенсионных накоплений.

Участник программы осуществляет в рамках ПДС добровольные взносы, а оператор программы (негосударственный пенсионный фонд, НПФ) инвестирует их, тем самым обеспечивая доходность вложений.

Гражданин может копить средства за счет добровольных взносов, а также перевести в программу ранее сформированные пенсионные накопления. Минимальный срок участия в программе составляет 15 лет.

Государство обязано софинансировать накопления граждан в рамках ПДС за счет средств Фонда национального благосостояния (ФНБ) и резервов Социального фонда России. Софинансирование от государства получают граждане, заключившие в 2024–2026 годах договор долгосрочных сбережений с НПФ и оплатившие взносы на сумму не менее 2 000 рублей в год. По закону дополнительная финансовая поддержка предусмотрена в течение трех лет. В дальнейшем этот срок может быть продлен по решению правительства. Максимально возможный объем участия государства в софинансировании сбережений граждан составляет 36 000 рублей в год.

Таким образом, как представляется, ролью государства в данном процессе является как расширение спектра различных государственных программ пенсионного обеспечения (в том числе программ государственного софинансирования), так и увеличение возможности участия граждан в негосударственном пенсионном обеспечении. Граждане со своей стороны должны проявлять большую активность в выборе способов достижения наиболее эффективного для них пенсионного результата (пенсионного благосостояния).

При этом необходимо учесть, что участие в программе долгосрочных сбережений прежде всего потребует от гражданина активных организационных действий. В отличие от участия в корпоративных пенсионных программа гражданам придется осознать целесообразность участия в программе и самостоятельно выбрать оператора программы. В этой связи для принятия правильного и осознанного решения граждане должны иметь полное представление о действующей государственной пенсионной программе, о негосударственных пенсионных программах, о рассматриваемой программе долгосрочных сбережений и иных аналогичных программах, а также о возможностях и перспективах личного (семейного) бюджета, позволяющих использовать те или иные финансовые инструменты.

Кроме того, обязательность долгосрочного (минимальный срок участия в программе составляет 15 лет) личного финансового участия предполагает наличие у гражданина навыков текущего и стратегического финансового мышления. В равной степени, лицу необходимы компетенции, позволяющие оценить экономических риски и выгоды вложений, учесть их налоговые и прочие юридические последствия, результатом чего будет являться осознанная готовность гражданина принять такие риски либо избежать их в случае отказа от участия в программе.

В связи с этим вопрос повышения финансовой грамотности населения на сегодняшний день как никогда актуален.

Как представляется, вступление в программу потребует от граждан осознанного понимания ее условий, плюсов и минусов. Учитывая, что программа является исключительно добровольным продуктом, полагаем, что непременным условием реализации программы долгосрочных сбережений граждан является повышения финансовой грамотности и финансовой культуры населения.

Финансовая грамотность в целом и в отношении пенсионного обеспечения в частности, позволит решить не только вопросы пенсионного обеспечения, но и будет формировать правосознание граждан не как безучастных исполнителей воли государства, а как полноценных его финансовых партнеров.

Ввиду изложенного, следует поддержать мнение [13, с. 86] о том, что взаимосвязь финансовой грамотности граждан, представительств бизнес-сообществ, финансовой устойчивости и устойчивого развития государства может быть охарактеризована «как система прямых-обратных связей», основанная на возможности существования и эффективного функционирования одного элемента данной системы только при условии аналогичного функционирования других элементов.

Вместе с тем необходимо учитывать сложность внедрения новых подходов в финансовое правосознание граждан.

Преыдушие государственные пенсионные программы были обязательными (отсутствовал фактор добровольности) и не требовали от граждан каких-либо активных действий (за исключением возможности перевода пенсионных накоплений в НПФ), участие в них граждан было обусловлено самим фактом уплаты работодателем пенсионных взносов. Кроме того, большинство граждан, по большому счету, даже не считали данные пенсионные взносы своими, а некоторые даже не подозревали об обязанности работодателя уплачивать за них указанные взносы. В итоге в обывательском мировоззрении сформировался некий стереотип, в соответствии которым пенсионное обеспечение является прямой обязанностью государства вне зависимости от каких-либо условий и обязанностей со стороны гражданина.

Кроме того, как показывает практика, следует констатировать, что граждане не всегда руководствуются критерием целесообразности при принятии финансовых решений. Скорее, можно говорить о том, что финансовые решения зачастую являются импульсивными. Так, например, согласно официальной статистике Центробанка РФ, объём задолженности по кредитам населения перед банками за 12 месяцев (по состоянию на 1 февраля 2023 года) вырос на 9% до 27,6 триллиона рублей [11].

Поэтому адаптивные формы привития финансовой культуры представляются чрезвычайно важными.

Не вызывает сомнения, что финансовые знания граждане могут получить путем самостоятельного изучения нормативных правовых актов и соответствующих источников познавательного характера в сети интернет. Однако, как представляется, в силу определенной повседневной занятости граждан, специфичности языка нормативных актов, а также не всегда достоверной информации, размещенной в сети интернет, полученные таким образом знания могут быть недостаточно полными, не систематизированными, искаженными или вообще ошибочными (не достоверными).

В этой связи положительной оценки заслуживает комплекс мер, направленных на реализацию Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры, а именно: информационно-просветительская деятельность; образовательная

деятельность; подготовка кадров в сфере финансовой грамотности; взаимодействие с финансовыми организациями, бизнесом, гражданским обществом и некоммерческими организациями и иные.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Со стороны государства реализуются меры, стимулирующие активизацию деятельности граждан в вопросах личного пенсионного обеспечения и пенсионного страхования.

2. Программа долгосрочных сбережений позволяет государству и гражданам стать полноценными партнерами в вопросе пенсионного обеспечения.

3. Без повышения финансовой грамотности граждан реализация программы долгосрочных сбережений представляется затруднительной.

4. Повышение финансовой грамотности должно проводится систематически и на основании образовательных программ, утвержденных финансовым регулятором или иным государственным органом.

5. Особый вклад в формировании финансовой культуры могут сыграть ученые-правоведы, прежде всего, специалисты в сфере финансового права, как субъекты, обладающие необходимыми знаниями и компетенциями в сфере публичного регулирования финансов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 20.01.2024).

2. Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.

3. Федеральный закон от 10.07.2023 г. № 299-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5317.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 г. № 4355-р «Об утверждении Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ, 2023. № 1 (ч. I). Ст. 476.

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 8091.

6. Беликов Е.Г. Проблемы финансово-правового обеспечения развития Российской Федерации как социального государства: автореф. дис... докт. юрид. наук Саратов, 2016. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/08-09-2016-1r.pdf> (дата обращения 20.01.2024).

7. Величина портфеля пенсионных средств НПФ и ПФР превысила значение на начало года. URL: tass.ru/ekonomika/15799059 (дата обращения: 20.01.2024).

8. Власти раскрыли число пенсионеров в России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/02/2023/63ea289e9a7947201e26b537?from=copy> (дата обращения: 20.01.2024).

9. Глотова В.Г. Пенсионные системы стран мира: история, принципы построения, современность. URL: <https://админ.авсэ.пф/Files/ArticleFiles/3ac7b3f8-1111-4bc9-98d2-a4325a36b347.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

10. Корпоративные пенсионные программы АО НПФ ВТБ Пенсионный фонд. URL: https://www.vtbnpf.ru/corporate/programm_corp/ (дата обращения 20.01.2024).

11. Названы регионы-лидеры по уровню закредитованности населения. URL: <https://ria.ru/20230313/zakreditovannost-1857416728.html> (дата обращения: 20.01.2024).

12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 20.01.2024).

13. Поветкина Н.А., Кудряшова Е.В. Финансовая грамотность и устойчивое развитие в цифровую эпоху (правовое измерение): монография М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 104 с.

14. Юстус О.И. Некоторые аспекты трансформации принципов финансового права в условиях санкционного давления // Система финансового права в условиях цифровой трансформации экономических отношений: доктрина и правовая реальность: Мат-лы Междунар. научно-практ. конференции. М., 25 ноября 2022 г. М.: РГУП, 2023. 488 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ С УЧАСТИЕМ АДВОКАТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПОВ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Расширение диспозитивных и состязательных начал в современном гражданском процессе предполагает повышение роли адвоката как судебного представителя в урегулировании гражданско-правового спора на основе обращения к примирительным процедурам.

Участие адвоката в деятельности по примирению сторон гражданско-правового спора обусловлена действием процессуальных принципов диспозитивности и законности, а также принципов добросовестности и своевременности адвокатской деятельности видится. Адвокат всяческим образом должен способствовать началу переговорного процесса с участием своего доверителя и его оппонента.

В отличие от участия в судебном процессе адвокат не может полностью заместить своего доверителя в переговорах по мирному урегулированию спора.

Ключевые слова: добросовестность, примирение, законность, адвокат, суд, гражданское дело, деятельность, юридическая помощь, гражданский процесс, принципы.

В своих научных трудах Рафаэль Егишевич Гукасян высказывался по большому кругу актуальных проблем гражданского процессуального права [11]. Его вклад в развитие науки гражданского процессуального права не подвергается сомнению. Разносторонность научных интересов Р.Е. Гукасяна обуславливает необходимость обращения к его научным трудам в ходе осмысления многих проблем современного гражданского судопроизводства [15, 16], в том числе примирения сторон и роли адвоката как судебного представителя в урегулировании гражданско-правового спора.

Расширение диспозитивных и состязательных начал в современном гражданском процессе является самостоятельным и важным направлением его развития. Проявление этой тенденции видится в создании условий для примирения сторон на этапе принятия гражданского дела к производству судом или в ходе его рассмотрения. В 2019 г. в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ) в качестве задачи гражданского судопроизводства провозглашено примирение сторон (ст. 2), а также предложены меры по практической реализации данного процесса (гл. 14.1) [2].

Однако анализ судебной практики, последующей после внесения этих изменений в гражданское процессуальное законодательство, показывает, что количество гражданско-правовых споров, оканчивающихся заключением мирового соглашения, осталось незначительным [9]. Между тем примирение сторон в гражданском процессе является наиболее

эффективным методом урегулирования гражданско-правового спора, поскольку позволяет это сделать с учетом их интересов.

Особую роль в урегулировании гражданско-правового спора между его сторонами могут и должны выполнять адвокаты, принявшие на себя поручение на оказание квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) [1].

В России квалифицированная юридическая помощь в гражданском процессе не имеет своих стандартов, за исключением ее осуществления на бесплатной основе [7], а также в уголовном процессе [8]. Однако отсутствие минимальных обязательных требований, предъявляемых к деятельности адвоката в суде по гражданским делам, нивелируется требованиями принципа законности, а также соблюдением адвокатом следующих правил его профессиональной деятельности:

- адвокат не может обещать доверителю положительный результат выполнения поручения (п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) [4];

- адвокат должен поддерживать высокий уровень доверия к нему или к адвокатуре в целом (п. 2 ст. 5 КПЭА);

- адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, находясь под воздействием давления извне (подп. 1 п. 1 ст. 9 КПЭА);

- адвокат должен быть беспристрастным (подп. 10 п. 1 ст. 9, ст. 11 КПЭА);

- адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи (п. 2 ст. 8 КПЭА), и др.

Принцип законности гражданского процесса требует от адвоката использовать только законные средства защиты, т.е. установленные законодательством о гражданском судопроизводстве (ст. 1 ГПК РФ). В содержание принципа законности в гражданском процессе входит начало добросовестности. В гражданском процессе принцип добросовестности обеспечивает участие адвоката в судебном разбирательстве, т.к. установлена обязанность лиц, участвующих в деле, их представителей, добросовестно пользоваться гражданскими процессуальными правами (ч. 1 ст. 35, ч. 3 ст. 150 ГПК РФ). Адвокат не может заявить неосновательный иск или спор против иска (ст. 99 ГПК РФ).

Принцип добросовестности в деятельности адвоката выступает необходимым условием его доверительных отношений с клиентом. В законодательстве об адвокатуре принцип добросовестности, являясь морально-этическим по содержанию, становится правовым, получая закрепление в нормах права (п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (далее – Закон об адвокатуре) [3], ст. 5 КПЭА).

Первостепенными задачами отечественной адвокатуры являются защита прав и интересов граждан и организаций, а также обеспечение доступа к правосудию (ст. 1 Закона об адвокатуре). Адвокатскую деятельность ошибочно причислять к предпринимательской [15]. Как указано в ст. 7, 9 КПЭА, адвокат не может действовать вопреки законным интересам доверителя, он должен стремиться устранять все, что препятствует урегулированию спора мирным путем. Адвокат, являясь представителем стороны или третьего лица в гражданском процессе, действует на основании делегированных ему полномочий (ст. 54 ГПК РФ).

Рафаэль Егишевич Гукасян правильно установил взаимосвязь между интересом и волей участников в гражданском процессе и действием принципа диспозитивности [10]. Адвокаты оказывают гражданам и организациям юридическую помощь в осуществлении их воли на защиту права. В этом заключается принципиальное отличие от помощи, оказываемой судом, прокурором, органами, указанными в ст. 46 ГПК РФ. Последние предоставляют гражданам помощь в защите права своими волевыми действиями [11]. Действуют они при этом в порядке осуществления принципа активной помощи в защите прав, на самостоятельности которого в свое время настаивали В.М. Семенов, Р.Е. Гукасян, А.Ф. Клейнман и др. [12].

Вступление в дело адвоката, ориентированного на урегулирование гражданско-правового спора своего доверителя мирным путем, способно перенести его с этапа рассмотрения и разрешения судом на этап его урегулирования в примирительных процедурах. В частности, адвокат может пояснить доверителю, насколько трудным будет доказывание обстоятельств, положенных в основу требований и возражений сторон, какими значительными могут оказаться судебные расходы, например на экспертизу, приглашение свидетелей и специалистов, а также показать невозможность удовлетворения требований обеих сторон [13]. В результате стороны спора могут решить вступить в переговорный процесс совместно со своими представителями и выработать приемлемые варианты урегулирования спора. В целях экономии времени и денежных средств процесс урегулирования спора с участием сторон адвокаты могут успешно проводить онлайн.

В этой связи своевременным представляется предложение Л.В. Тумановой закрепить в АПК РФ принцип ответственного представительства и самостоятельный статус представителя, установив для него возможность совершать юридически значимые действия, направленные на урегулирование спора [14]. Принцип ответственного представительства будет полезным и в гражданском процессе. Сегодня судье бессмысленно разьяснять преимущества примирительных процедур, если представитель не уполномочен на это. Кроме того, к сожалению, оплата труда адвоката нередко зависит от количества судебных заседаний с его участием или от размера полученных от доверителя денежных

средств. В таких случаях адвокат может своему доверителю давать необоснованные надежды относительно позитивного исхода для него судебного процесса.

В процессуальном законодательстве, а также в Законе об адвокатуре надлежит установить правовые стимулы для адвоката, подталкивающие его к совместному участию с доверителем в переговорном процессе с оппонентом по гражданско-правовому спору. Адвокат не может и не должен быть заинтересован в продолжении процесса рассмотрения дела судом, напротив, он всяческим образом должен способствовать началу переговорного процесса с участием своего доверителя и его оппонента.

За счет взаимодействия формально-юридических и нравственных начал в примирительных процедурах (добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности) обеспечивается бережное отношение к правам, интересам и даже чувствам сторон спора (ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ). При этом, в отличие от участия в судебном процессе, адвокат не может полностью заместить своего доверителя в переговорах по мирному урегулированию спора. Речь может идти только о параллельном участии доверителя и его представителя в примирительных процедурах, их сопровождению со стороны адвоката.

Реализации задачи мирного урегулирования спора отвечает включение в ГПК РФ и в Закон об адвокатуре положения о взаимном профессиональном сотрудничестве между адвокатами в использовании примирительных процедур (гл. 14.1 ГПК РФ). Отсутствие взаимодействия между сторонами спора по поводу мирного его урегулирования не освобождает адвоката от совершения им действий, направленных на мирное урегулирование спора с участием его доверителя.

Принцип своевременности как принцип адвокатской деятельности не закреплен прямо в отечественном Законе об адвокатуре и в международных актах об адвокатуре, но понимаем в аспекте сбережения, расчётливости, экономии денежных, временных и трудовых ресурсов [5, 6]. Руководство адвокатом принципом своевременности подразумевает такие правила его поведения по отношению к доверителям, по которым: 1) адвокат должен своевременно давать рекомендации относительно использования примирительных процедур; 2) адвокат должен стремиться выполнить свою работу профессионально и максимально быстро.

Гарантией принципа своевременности адвокатской деятельности должно являться установление в Законе об адвокатуре ответственности адвоката, если он не приложил все усилия к примирению сторон (ст. 153.7 ГПК РФ). Практика оказания квалифицированной юридической помощи должна складываться таким образом, чтобы после обращения сторон спора к адвокатам за консультацией они в последующем обращались к примирительным процедурам за урегулированием спора, а не в суд.

Роль адвокатов в примирении сторон обусловлена действием процессуальных принципов диспозитивности и законности, а также

принципов добросовестности и своевременности адвокатской деятельности видится.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // РГ. 25 дек. 1993. № 237 (первоначальный текст).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // РГ. 20 нояб. 2002 г. № 220.
3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ // РГ. 2002. 5 июня. № 100.
4. Кодекс профессиональной этики адвоката Принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 29.12.2023).
5. Генеральные принципы этики адвокатов Международной ассоциации юристов // Российская юстиция. 1996. № 23. URL: https://studref.com/436838/pravo/generalnye_printsipy_etiki_advokатов_mezhdnarodnoy_assotsiatsii_yuristov (дата обращения: 29.12.2023).
6. Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского Сообщества (принят Советом коллегии адвокатов и юридических сообществ Европейского союза в Страсбурге 28 октября 1988 г., пересмотрен в Лионе 28 ноября 1998 г., в Дублине 6 декабря 2002 г. и в Порто 19 мая 2006 г. URL: <https://fparf.ru/documents/international-acts/general-code-of-rules-for-lawyers-of-countries-of-the-european-community/> (дата обращения: 29.12.2023).
7. Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи URL: <https://fparf.ru/documents/fparf/documents-of-the-congress/standart-okazaniya-advokatom-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshchi-v-ramkakh-gosudarstvennoy-sistemy-be/> (дата обращения: 29.12.2023).
8. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/> (дата обращения: 29.12.2023).
9. Отчет № 2 о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 29.12.2023).
10. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970. 190 с.
11. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
12. Семенов В.М. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 4. Свердловск, 1964.
13. Смолина Л.А. Правовое регулирование отношений супругов и бывших супругов. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 184 с.
14. Туманова Л.В. Вернуть в арбитражный процесс принцип арбитражирования // Судебная защита прав предпринимателей. Сб. научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Тверь, 2021. 118. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=648735&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 (дата обращения: 29.12.2023).
15. Федина А.С. К вопросу о принципах гражданского процессуального права в научных трудах Р.Е. Гукасяна В сб.: Защита прав и охраняемых законом интересов граждан. факультетские Научные чтения им. профессора Р.Е. Гукасяна. Тверь, 2022.
16. Федина А.С. Проблемы реализации принципа диспозитивности в свете научных исследований Рафаэля Егишевича Гукасяна // Судебная защита прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций. Сб. статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Р.Е. Гукасяна (г. Москва, 3 октября 2008 г.). М.: Проспект, 2009.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

СОГЛАСИЕ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Д.В. Штыков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье анализируется понятие согласия в семейном праве Российской Федерации, выявляется его содержание в качестве юридического факта. Также рассмотрена специфика юридических фактов в семейном праве и дана классификация согласия как юридического факта в семейном праве.

Ключевые слова: согласие, юридические факты, семейное право, классификация, содержание юридического факта, семейные правоотношения, семья.

Специфика семьи как социального института обуславливает наличие у нее определенных функций: рождение (репродуктивная функция), содержание детей (экзистенциальная функция) и воспитание детей (функция социализации), накопление и передача собственности, статуса, организация производства и потребления, домохозяйства, отдыха и досуга [13, с. 67–68].

Реализация указанных функций возможна только при наличии совместной семейной деятельности членов семьи. Совместность, а значит, и эффективность такой деятельности во многом обеспечивается согласованностью позиций, целей, намерений и действий членов семьи.

Следует согласиться с тем, что отсутствие согласия в семье (и в случае наличия возражений, и в том случае, если согласие не испрашивалось вовсе) приводит к тому, что такие семейные отношения не удовлетворяют потребности всех членов семьи, семейное единство не устанавливается, либо разрушается, возникает скрытая или открытая враждебность членов семьи по отношению друг к другу. Указанное, как утверждают социологи, препятствует эффективной реализации социальных функций семьи, что в зависимости от степени невыполнения таких функций свидетельствует о дезорганизации, кризисе или крахе семьи [3, с. 47].

Нормами семейного законодательства предусмотрен широкий круг субъектов, учет мнения которых, выраженного согласием или несогласием, либо согласием с определенными дополнительными условиями является необходимым или значимым для разрешения тех или иных вопросов. Правовые последствия выражения субъектами семейных правоотношений своего мнения посредством согласия либо несогласия достаточно разнообразны.

Следует признать, что такое разнообразие обусловлено рядом факторов. Во-первых, спецификой субъектного состава семейных правоотношений. Семейные правоотношения могут возникать не только между кровными близкими родственниками, супругами, но и другими родственниками и иными лицами в случаях, предусмотренных СК РФ.

Кроме того, в семейных правоотношениях могут принимать участие и органы опеки и попечительства, то есть в определенных случаях согласие (разрешение), выражаемое органом публичной власти, также имеет правовое значение. Во-вторых, СК РФ предусматривает различные способы и формы выражения согласия, соблюдение или нарушение которых влечет неоднозначные правовые последствия. Иногда юридически значимое решение может быть принято и при отсутствии согласия субъекта, названного в законе, иногда его согласие формально может быть заменено согласием иного лица и т.д. В-третьих, неоднозначность семейных отношений и сложность конструирования всех возможных семейно-правовых ситуаций определяют двойственный характер согласия как института семейного права: оно постоянно предполагается, а в случаях, предусмотренных законом, выражается в предусмотренных формах и способами.

По нашему мнению, одним из наиболее важных признаков согласия как института семейного права выступает характеристика его как обстоятельства, с которым нормы семейного права связывают возникновение, прекращение или изменение правоотношений, то есть в качестве юридического факта. Более того, представляется, что есть все основания рассматривать согласие не просто как юридический факт в семейных отношениях, а как особый юридический факт, занимающий самостоятельное место в общепринятой классификации юридических фактов.

В теории права юридическими фактами принято называть обстоятельства, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей [7]. К таким обстоятельствам относят сделки, иные правомерные действия, акты органов государственной власти, события и другие.

Необходимо отметить, что теория юридических фактов в семейном праве основана на общей теории юридических фактов.

На наш взгляд, есть все основания утверждать, что согласие как семейно-правовая категория выполняет служебную роль юридического факта. Кроме того, анализ семейно-правовых норм, предусматривающих необходимость получения согласия определенных субъектов семейных правоотношений в той или иной форме, а также последствия нарушения соответствующих правил дает основание говорить об особой классификации видов согласия как юридического факта.

Необходимо отметить, что не любое согласие субъектов семейных отношений будет иметь характер юридического факта, а только то, которое обладает признаками, присущим данной правовой категории. При этом в теории права принято выделять группу признаков, присущих юридическим фактам в любых отраслевых правоотношениях [8]. В

частности, среди признаков юридических фактов, в теории права выделяют следующие:

1. Юридическими фактами являются лишь те жизненные обстоятельства, явления социальной действительности, которые входят в предмет правового регулирования, т.е. затрагивают наиболее важные интересы личности, общества и государства и объективно поддаются правовому регулированию [6, с. 45].

2. Юридическим фактом может быть только объективированный жизненный факт, выраженный вовне.

3. Юридическими фактами являются лишь такие жизненные обстоятельства, которые прямо или косвенно предусмотрены нормой права.

4. Юридическими фактами являются жизненные факты, которые способны вызвать предусмотренные законом последствия: возникновение, изменение, прекращение правоотношений.

Проецирование названных признаков в семейно-правовую плоскость дает нам основания сделать вывод о принадлежности согласия к юридическим фактам. В частности:

1. Согласие затрагивает сущностные, наиболее важные интересы личности, субъектов семейных правоотношений и объективно поддается правовому регулированию. Это подтверждается не только социальными признаками семьи, но установлением принципа разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию среди иных основных начал семейного законодательства (ст. 1 СК РФ).

2. В случаях и порядке, предусмотренных законом, согласие выражается вовне определенными способами, в письменной форме (простой или квалифицированной). В то же время имеет место согласие в семье, внутреннее согласие (одобрение) одного члена семьи с действиями или решениями другого. Однако в таком понимании согласие не будет являться юридическим фактом, так как мысли, чувства, события духовной жизни юридическими фактами не являются [4, с. 122].

3. Необходимость получения согласия, его выражения тем или иным способом прямо предусматривается нормами семейного законодательства. Следует учитывать специфику семейно-правового регулирования, а именно то, что законодатель исходит из презумпции согласия членов семьи. При этом отдельные нормы СК РФ воспроизводят данную презумпцию: в соответствии с п. 2 ст. 65 СК РФ все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом мнения детей; согласно п. 1 и 2 ст. 35 СК РФ владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляется по обоюдному согласию супругов. При совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим

имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

4. Наличие или отсутствие согласия влечет предусмотренные законом юридически значимые последствия: возникновение, изменение, прекращение семейных правоотношений (регистрация брака с согласия будущих супругов). Если без нормы права нет юридического факта, то в равной степени без юридического факта не может наступить никаких юридических последствий [2, с. 157]. Специфика согласия как юридического факта в семейных правоотношениях проявляется и в том, что оно может выполнять роль праввосстанавливающего и правопрепятствующего юридического факта.

Согласимся с А.В. Маркосян в том, что авторами, исследующими юридические факты в семейном праве, практически упущены из вида и не проанализированы различного рода согласия, выражаемые участниками семейных правоотношений, в качестве юридических фактов, что, в свою очередь, делает неполным предлагаемые классификации юридических фактов в семейном праве [9, с. 76].

Как было указано выше, теория юридических фактов в семейном праве основана на общей теории юридических фактов, отсюда и классификация юридических фактов в семейном праве строится на общей классификации юридических фактов, с присущими ей структурными элементами и особенностями.

Итак, юридические факты в семейном праве могут быть классифицированы следующим образом.

По волевому признаку юридические факты подразделяются на события и действия. Под событием принято понимать явления (обстоятельства, факты), не зависящие от воли и сознания людей. В то время как действия – это такие юридические факты, которые происходят по воле людей и представляют собой волеизъявление, внешнее выражение волевого поведения людей [4, с. 134].

Согласие как правомерное действие представляет собой одностороннее волеизъявление субъекта семейных правоотношений, свидетельствующее об одобрении совершения другим субъектом (субъектами) семейных правоотношений каких-либо юридически значимых действий и наступления соответствующих последствий.

На наш взгляд, есть все основания утверждать, что в семейных правоотношениях согласие имеет форму не только правомерного действия, но и правомерного бездействия. Оно имеет место в тех случаях, когда субъект, выражая свое согласие по поводу совершаемых кем-либо юридически значимых действий, безмолвствует, одобряет таким образом соответствующее поведение.

В зависимости от направленности воли субъектов на правовой результат правомерные действия могут быть классифицированы на

юридические акты и юридические поступки [8, с. 77]. В научной литературе под юридическими актами принято понимать правомерные действия, с которыми нормы права связывают правовые последствия в силу волевой направленности действий на эти последствия [4, с. 138].

Согласие как юридический акт представляет собой правомерное действие субъекта семейных правоотношений или уполномоченного органа, направленное на одобрение, согласование, разрешение каких-либо действий, совершаемых иными субъектами семейных правоотношений, в случаях, когда это предусмотрено законом, с целью наступления определенных правовых последствий.

Юридические поступки – правомерные действия, которые в соответствии с законом порождают правовые последствия независимо от того, были ли направлены действия (воля лица, совершившего действия) на указанные последствия или нет.

Согласие как юридический поступок представляет собой правомерное действие субъекта семейных правоотношений или уполномоченного органа связанное с одобрением каких-либо действий иных участников семейных правоотношений, вызвавших наступление правовых последствий, независимо от того, были они направлены на наступление таких последствий или нет.

Применительно к семейным правоотношениям следует отметить наличие юридических поступков, свидетельствующих о проявлении согласия субъектов указанных правоотношений. Однако, по нашему мнению, согласие как юридический акт является более распространенным юридическим фактом, нежели согласие как юридический поступок. Объясняется это опять-таки спецификой предмета и метода семейно-правового регулирования: согласие членов семьи, как правило, предполагается при совершении ими любого действия или, наоборот, воздержании от совершения какого-либо действия.

С целью подтверждения данного тезиса представляется целесообразным дать общую характеристику отдельных юридических актов, являющихся способами выражения согласия.

Прежде всего, согласие как сделка (договор, соглашение).

Совершенно иные признаки присущи способам выражения согласия органов публичной власти, в частности, органов опеки и попечительства. В подобных ситуациях актом органа государственной власти подтверждается согласие (разрешение) на совершение юридически значимого действия в отношении ребенка.

Действующее законодательство предусматривает различие видов договоров и соглашений в семейном праве [11].

Статья 153 ГК РФ содержит норму, в соответствии с которой сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и

обязанностей. Таким образом, сделка является разновидностью юридического факта. М.В. Кротов, подчеркивает при этом, что сделки – один из наиболее распространенных юридических фактов [5, с. 280].

Семейный кодекс РФ [1] допускает возможность совершения сделок различного рода. При этом согласие выступает в качестве регулятора тех или иных отношений, поскольку участники семейных отношений по своему усмотрению осуществляют выбор варианта поведения. Семейным законодательством предусмотрены следующие виды соглашений:

- брачный договор (ст. 40 СК РФ);
- соглашение об уплате алиментов (ст. 99 СК РФ);
- соглашение о месте жительства ребенка (ст. 65 СК РФ);
- соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (ст. 66 СК РФ);
- соглашение о разделе имущества (ст. 38 СК РФ);
- и другие.

Как уже отмечалось, в предусмотренных законом случаях согласие члена семьи, органа опеки и попечительства, иного субъекта семейных правоотношений должно быть оформлено посредством составления специального самостоятельного документа.

Например, согласие органов опеки и попечительства на совершение того или иного действия обязательно имеет письменную форму, так как на основании данного документа другими органами осуществляются юридически значимые действия. В соответствии со ст. 35 СК РФ для совершения одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга.

Особую роль для динамики правоотношений играют юридические составы или сложные комплексные факты, когда для возникновения определенного правоотношения требуется не одно, а несколько условий (совокупность фактов) [10, с. 407].

Согласимся с большинством учёных в том, что, в семейном праве отмечается преобладание юридических составов над юридическими фактами, данная особенность обусловлена сочетанием естественно-биологических и социальных факторов, влияющих на динамику брака и семьи, необходимостью учитывать интересы нескольких лиц, порой не совпадающих [12, с. 48-49].

Таким образом, для возникновения, изменения, прекращения семейного правоотношения, как правило, требуется совокупность юридических фактов, само по себе согласие субъекта семейных правоотношений является недостаточным для этого. Согласие как одностороннее волеизъявление субъекта семейного правоотношения или согласие, выраженное в соглашении либо иным способом,

предусмотренным законом, вместе с другими фактами входит в сложный юридический состав в рамках семейных правоотношений.

В частности, для возникновения семейных правоотношений между усыновителем и усыновляемым необходима определенная совокупность юридических фактов: подача лицами, желающими усыновить ребенка, в суд необходимых документов, подготовка органами опеки и попечительства соответствующего заключения. Получение согласия родителей усыновляемого ребенка, согласия самого усыновляемого и иных лиц, указанных в законе (ст. 125, 129, 132–133 СК РФ), является лишь одним из условий возможного усыновления. Кроме того, нормы семейного законодательства предусматривают особые способы выражения согласия соответствующими субъектами.

Вышеизложенные рассуждения о понятии согласия как юридического факта в семейных правоотношениях и особенностях его содержания позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Сочетание социальных и правовых признаков согласия как семейно-правовой категории обуславливает характеристику его как особого юридического факта в семейных правоотношениях – правового состояния. Согласие в семейных правоотношениях - обусловленное социально-правовыми признаками семьи состояние, характеризующее отношения между членами семьи с точки зрения относительно устойчивого их взаимопонимания и согласованности поведения в форме и при условиях, предусмотренных семейным законодательством.

2. Элементом всех юридических составов в семейных правоотношениях выступает фактическое согласие. В случаях, предусмотренных законом, согласие, выраженное устно или письменно (формальное согласие), влечет за собой определенные правовые последствия наряду с другими юридическими фактами. При характеристике правовых последствий принятия решения, предполагающего получение согласия кого-либо из членов семьи, сделан вывод о наличии трех форм нарушения данного правила: если согласие не было получено; если согласие было получено, но при этом воля и волеизъявление соответствующего субъекта не совпадали; если согласие не испрашивалось. В свою очередь, это послужило основанием для проектирования модели фактического и формального согласия как инструмента правового регулирования семейных отношений.

3. Следуя традиционной классификации юридических фактов по волевому признаку согласие как юридический факт в семейных правоотношениях должно быть отнесено к группе действий.

Согласие предполагает правомерный характер поведения, в связи с этим однозначно считается правомерным действием.

С учетом направленности воли субъектов на определенные правовые последствия согласие может выступать как юридический акт или как юридический поступок.

Специфика согласия как юридического факта в семейных правоотношениях заключается в возможности выражения его в пассивной форме, то есть при правомерном бездействии.

В связи с этим согласие как юридический факт в семейных правоотношениях предлагается определять в качестве правомерного деяния (действия или бездействия).

Таким образом, согласие как юридический факт в семейных правоотношениях может иметь место как правовое состояние, как правомерное действие в виде юридического акта или поступка, как правомерное бездействие.

4. Наряду с другими юридическими фактами согласие выступает обязательным элементом большинства юридических составов в семейных правоотношениях.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «Консультант плюс».
2. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964.
3. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления, 1996.
4. Беспалов Ю.Ф., О. А. Егорова, О. И. Ильина. Семейное право: Учебник. М., 2009.
5. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев и др. отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
6. Исаков В.Б. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Юрид. лит., 1984.
7. Красавчиков О.А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве. Свердловск, 1950.
8. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958.
9. Маркосян А.В. Юридические факты в семейном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
10. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2006.
11. Минникес И.А. Элементы индивидуального правового регулирования в семейном праве // Семейное и жилищное право, 2007. № 5.
12. Пергамент А.И. Алиментные обязательства. М., 1951; Иоффе О.С. Советское гражданское право. Т. 3. Изд-во Ленингр. ун-та, 1965.
13. Харчев А.Г. Социология семьи. М.: ЦСП, 2003.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н.Г. Яковлева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются отдельные вопросы участия адвоката в расследовании по уголовным делам, исследуется возможность формирования понятия «адвокатское расследование» и использования его в правоприменении. Объектом исследования являются отношения, возникающие в связи с участием защитника при производстве по уголовному делу. Предметом исследования являются вопросы организации адвокатского расследования как способа реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Цель исследования – анализ практических аспектов участия адвоката в доказывании по уголовным делам. При выполнении научной работы использовались общенаучные и специальные методы познания, в том числе методы формальной логики (описание, анализ), а также формально-юридический метод.

Ключевые слова: защитник, доказывание по уголовному делу, состязательность, расследование, адвокатское расследование.

Современное уголовное судопроизводство в Российской Федерации (далее – РФ) предполагает активное участие защитника в процессе доказывания на всех стадиях процесса. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) содержит нормы, согласно которым адвокат имеет право непосредственно участвовать в процессе формирования доказательств по делу. Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник имеет право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ [1]. Однако так ли все на самом деле? Действительно ли защитник в полной мере может участвовать в процессе доказывания? Анализируя вышеуказанную норму, следует, на наш взгляд, согласиться с мнением о том, что «защитник не имеет возможность получить допустимое доказательство. Он имеет право истребовать и представлять следователю, дознавателю, прокурору, суду предметы и документы с просьбой приобщить их к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, ходатайствовать о вызове лиц, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей. Защитник вправе ходатайствовать о производстве следственных действий по собиранию доказательств, но сам собирать доказательства не может» [3, с. 102].

Таким образом, возможности защитника по участию в доказывании на досудебном производстве ограничены волеизъявлением следователя или дознавателя, которые решают, подлежит ли заявленное ходатайство удовлетворению или нет. Да, закон устанавливает, что дознаватель, следователь или суд не вправе отказать адвокату в приобщении к делу документа, представленного в качестве доказательства, или в производстве

следственных действий по собиранию доказательств, если обстоятельства, о которых он ходатайствует, могут иметь значение для дела (ст. 159, 271 УПК РФ). Однако вполне очевидно, что такая формулировка норм, несмотря на их видимую императивность, дает возможность вышеназванным субъектам уголовного судопроизводства действовать по своему усмотрению, оценивая предоставленный документ с точки зрения того, действительно ли он имеет значение для дела или нет. Так, адвокат может заявить ходатайство о производстве в отношении его подзащитного судебно-психиатрической экспертизы, так как у него есть обоснованные сомнения во вменяемости лица. Но, если в деле отсутствуют медицинские документы, подтверждающие наличие психического заболевания, дознаватель, следователь или судья вправе отказать в удовлетворении такого ходатайства, мотивируя свой отказ именно таким формальным отсутствием медицинских документов. И оспорить такое решение достаточно трудно, фактически невозможно. Справедливо, на наш взгляд, замечено, что «собрание информации (именно собрание, а не формирование доказательств) могут осуществлять любые участники уголовного судопроизводства – потерпевший, обвиняемый и его защитник и т.д. Однако вопрос о ее использовании будет приниматься исключительно субъектами принятия уголовно-процессуальных решений – дознавателем, следователем, прокурором, судьей» [13, с. 66].

Вполне логично, в связи с этим, на наш взгляд, говорить о возможности проведения адвокатского расследования и его легализации в уголовном судопроизводстве. Полагаем, что его осуществление позволит наиболее полно реализовать принцип состязательности сторон. Однако в литературе мнение об этом институте диаметрально противоположны. Так, одни авторы приветствуют новеллу, расширяющую состязательность на досудебном производстве, говоря о необходимости детально регламентировать производство адвокатского расследования [4, с. 141; 7, с. 21–22; 11], тогда как другими отрицается сама возможность его существования. «Во-первых, это неприемлемо в принципе, ибо это прерогатива государственных органов, наделенных властными полномочиями... Во-вторых, такая процессуальная новелла, коренным образом меняющая строй процесса, нуждается в детальной правовой проработке, обеспечивающей порядок реализации соответствующего права адвокатом, гарантии прав участников принципиально новых процессуальных отношений, условия получения объективных и достоверных доказательств» [5, с. 280]. Третьи полагают, что адвокатское расследование необходимо свести к получению по запросам характеристик и иных документов [6, с. 17; 8, с. 170; 9, с. 149], что нельзя признать полноценным расследованием. Осуществление деятельности в купированном виде, как и любая полумера, малопродуктивно: ожидаемый положительный результат становится недостижимым в силу его целевой

неопределенности. Деятельность должна осуществляться либо в полном объеме, определяемом целеполаганием, либо на субъект не следует вообще возлагать усеченные права и неопределенные обязанности. В одном случае деятельность не претворяется в жизнь (профанируется), в другом, вследствие подобной некорректности, выходит за рамки дозволенного, чем внесет диссонанс в систему иных функций [12, с. 246–247].

Следует отметить, что в России уже сложились предпосылки для развития и становления в полном объеме института адвокатского расследования. Так, с вступлением в силу в 2002 г. УПК РФ начал реализовываться принцип состязательности и равноправия сторон в процессе, что позволяет говорить о необходимости легализации процедуры адвокатского расследования. Безусловно, этот институт нуждается в серьезной научно-практической проработке, чтобы в итоге это не превратилось в очередной неэффективный правовой механизм. При формировании института адвокатского расследования законодатель должен учесть следующие условия:

1) процесс познания в адвокатской деятельности носит односторонний характер, он не направлен на достижение истины, а служит лишь интересам его подзащитного;

2) адвокатское доказательство всегда допустимо, но далеко не всегда отвечает критерию достоверности;

3) защитник ищет источники доказательств, которые могли бы оправдать его подзащитного или смягчить его вину. Он не занимается непосредственным формированием доказательств.

Следует, на наш взгляд, согласиться с тем, что в настоящее время институт адвокатского расследования носит характер межотраслевого и урегулирован не только нормами так называемого адвокатского права, но и уголовного процесса (уголовно-процессуального права) [10, с. 132], а также косвенно нормами иных отраслей права, но – лишь частично. А ведь институт «параллельного расследования» играет особую, очень большую роль в уголовном процессе, поскольку адвокат (защитник) является гарантом квалифицированной юридической помощи, и это уже закреплено законодательно, однако вместе с тем, сегодняшнее положение уголовно-процессуальной роли защитника (адвоката) представляется непроработанным в вопросе реализации расследования, которое могло бы повысить качество оказываемой квалифицированной юридической помощи доверителю. Более того, полноценно реализованный институт адвокатского расследования в уголовном процессе способен минимизировать ошибки правоохранительных органов, значительно уменьшив количество незаконно осужденных и отбывающих наказание лиц [2, с. 15].

Важность формирования концепции адвокатского расследования, как самостоятельного института уголовного судопроизводства представляется

весьма актуальной задачей, стоящей как перед юридическим научным сообществом, так и перед законодателем, так как цель такой работы – реализация принципа защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Азарова Ю.О. Адвокатское расследование как институт уголовного процесса // Вопросы студенческой науки. 2022. Выпуск № 10 (74). С. 11–17.
3. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. 303 с.
4. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. М., 2003. 480 с.
5. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. 2-е изд. М., 1999. 264 с.
6. Болтошев Е.Д. К вопросу о состязательности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России // Российский судья. 2001. № 10. С. 14–17.
7. Игнатов С.Д. К вопросу о праве адвоката-защитника собирать и представлять доказательства по уголовно-процессуальному законодательству России // Адвокатская практика. 2004. № 3. С. 21–23.
8. Комментарий к УПК РФ / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2002. 1104 с.
9. Комментарий к УПК РФ / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2002. 896 с.
10. Мартынчик Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2009. 239 с.
11. Мартынчик Е.Г. Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы (к разработке концепции и модели) // Адвокатская практика. 2003. № 6. С. 21–29.
12. Маслов И.В. Уголовно-процессуальные функции участников досудебного производства: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 352 с.
13. Уголовно-процессуальное доказывание: теория, практика, методология: монография / под ред. А.Ю. Афанасьева. М.: Юрлитинформ. 2021. 176 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 04.02.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алешукина Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Антонова Нана Алиевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Афтахова Александра Васильевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Баранов Иван Валентинович – начальник юридической службы, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Барткова Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Васильчук Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Вобликов Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Воротников Андрей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Гайдашов Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Давыдова Елена Александровна – помощник нотариуса Тверского городского нотариального округа Тверской области Е.Ю. Подсадник.

Дронова Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Жукова Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Жуков Федор Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Замрий Олег Николаевич – старший преподаватель кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Иванова Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Ильина Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, декан юридического факультета, зав. кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Козырева Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Кресс Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Кресс Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Кувырченкова Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Любовенко Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Нахова Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург).

Рязанова Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Сапронова Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Сладкова Алена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Смирнов Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, врио ректора, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Сухарев Александр Николаевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» ФГБОУ ВО.

Тарусина Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующая кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».

Туманова Лидия Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Уткин Валерий Владимирович – кандидат юридических наук, правовой партнер региональных филиалов Управления правовой поддержки Центрального региона ПАО «Ростелеком» г. Тверь.

Федина Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Черевко Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенной и товароведческой экспертизы Международного института управления и бизнеса Российского биотехнологического университета (РОСБИОТЕХ) (г. Москва).

Царькова Дарья Владимировна – специалист по учебной работе учебного отдела Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург).

Штыков Дмитрий Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Юстус Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Яковлева Наталья Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Интерес вчера, сегодня и навсегда...

Сборник научных работ

Выпуск 3

Подписано к использованию: 11.03.2024. Заказ № 43.
Электронный образовательный ресурс.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел.: (4822) 35-60-63.